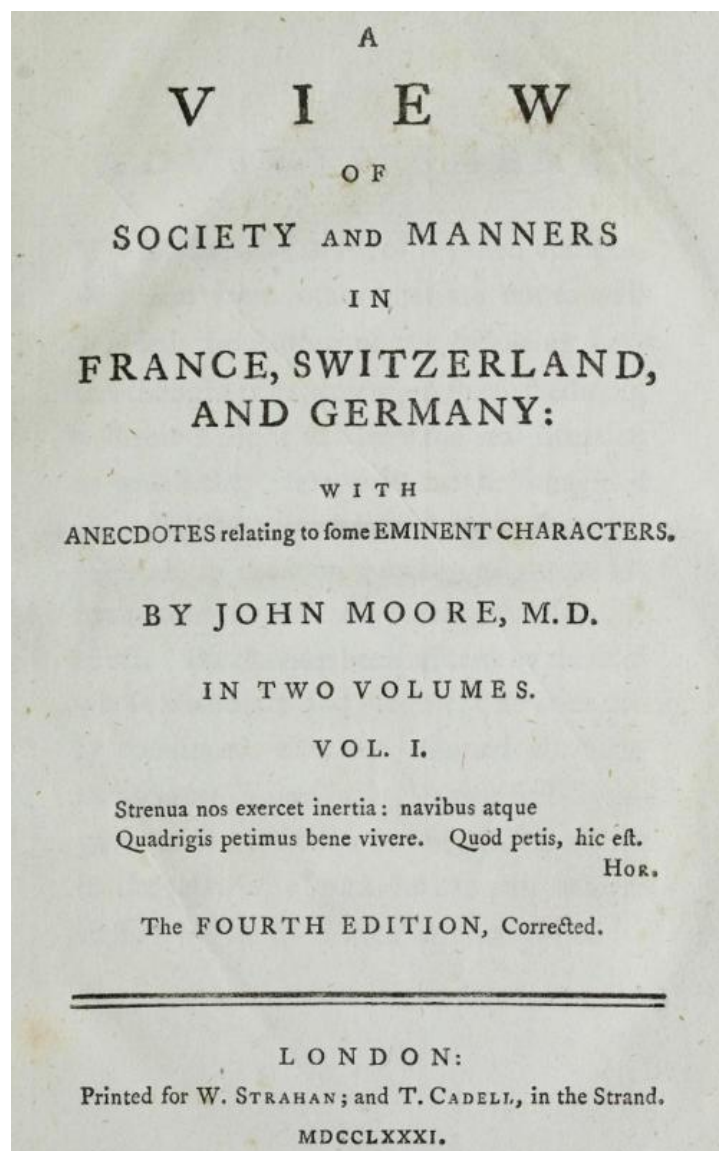

Взгляд на общество и нравы Франции,
Швейцарии и Германии, Том 1 (из 2). С
рассказами, относящимися к
некоторым выдающимся персонажам

Джон Мур

Электронная книга проекта Гутенберга "Взгляд на общество и нравы Франции, Швейцарии и Германии", том 1 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Взгляд на общество и нравы во Франции, Швейцарии и Германии, Том 1 (из 2)

Автор: Джон Мур

Дата выхода: 22 декабря 2018 [Электронная книга № 58516]

Последнее обновление: 19 января 2019

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ВЗГЛЯД На ОБЩЕСТВО И НРАВЫ Во ФРАНЦИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ГЕРМАНИИ", ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

Электронный текст, подготовленный командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание:

Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Смотрите https://archive.org/details/viewofsocietyman01moor_0

Проекта "Гутенберг" есть другой том этой работы.

Том II: смотрите <http://www.gutenberg.org/files/58731/58731-h/58731-h.htm>

ВЗГЛЯД На ОБЩЕСТВО И НРАВЫ ФРАНЦИИ, ШВЕЙЦАРИИ И ГЕРМАНИИ:

С АНЕКДОТАМИ, относящимися к некоторым ВЫДАЮЩИМСЯ ПЕРСОНАЖАМ.

ДЖОН МУР, доктор медицины

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ I.

Strenua nos exercet inertia: navibus atque

Quadrigris petimus bene vivere. Quod petis, hic est.

Гор.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ, исправленное.

ЛОНДОН:

Напечатано для У. Страхана; и Т. Каделла в the Strand,
MDCCLXXXI.

Реклама.

Из неуверенности в своих силах и по другим мотивам, не столь обоснованным, Автор следующих Писем счел целесообразным в первом издании слегка приоткрыть завесу над реальной ситуацией, в которой они были написаны: он также предполагал, что таким образом некоторые размышления, особенно об играх, могли бы быть представлены более естественно и с более сильным эффектом. Но, получив заверения от тех, в чьей дружбе и суждениях он в равной степени убежден, что предполагаемый персонаж и притворная ситуация в двух первых письмах придали видимость вымысла реальным событиям в остальной части произведения, он теперь восстановил эти два письма в их первоначальном виде.

Только что опубликованный,

Написано тем же автором,

ВЗГЛЯД на ОБЩЕСТВО и НРАВЫ в ИТАЛИИ: С анекдотами, касающимися некоторых выдающихся персонажей. 2 Тома. 8во. Цена 14с.

ЕГО СВЕТОСТИ

ДУГЛАСУ,

герцогу Гамильтону и Брэндону, маркизу Дугласу, и проч.

МИЛОРД ГЕРЦОГ,

Хотя установившаяся практика могла бы в данном случае оправдать мое обращение к вашей светлости на языке, которого я никогда прежде не употреблял, все же вам нечего опасаться такого рода; это так же несовместимо с моим расположением к лестным высказываниям, как и с

вашим желанием этого. Это обращение также не исходит из тщеславной веры в то, что блеск вашего имени заставит публику закрывать глаза на недостатки моего выступления. Самые высокие титулы не защищают от презрения даже тех, кому они принадлежат, когда их личные качества вызывают презрение; гораздо меньше они могут защитить от тупости или безрассудства других.

Я побужден предложить вашей светлости этот взгляд на общество и манеры из чувства самого искреннего уважения и привязанности; и, исключая все соображения подобного рода, он представлен вам с особой пристойностью, поскольку ни у кого другого не было равных возможностей узнать, насколько цели, которые он постигает, справедливы и точно взяты из природы.

Кто-то, возможно, может вообразить, что мне следовало бы проявить больше благоразумия, предложив эту работу менее компетентному судье; но я воодушевлен в своем желании поставить ваше имя вставку к этим несовершенным наброскам, искренне убежденный, что никто не может быть более склонен оказать им снисхождение, в котором, как я понимаю, они так нуждаются.

Имею честь быть, с самым уважительным и сердечным почтением,

Вашей светлости

Самый послушный и обязанный Слуга,

АВТОР.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА

ПИСЬМО I. п. 1.

ПИСЬМО II. п. 11.

План поведения во время пребывания за границей.—Согласны переписываться письмами.—Слуги.—Хозяева.

LETTER III. p. 18.

Marquis de F——.—Colisée.—Персонажи.

ПИСЬМО IV. стр. 26.

Французские манеры.

ПИСЬМО V. стр. 33.

Париж.—Лондон.—Мнения французов. Маркиз де Ф. и лорд М.

ПИСЬМО VI. стр. 38.

Верность, английский, немецкий, турецкий, французский. Le Roi.—Принцы крови. Идеи

правительства.

ПИСЬМО VII. стр. 48.

Настроения французов относительно британской конституции.

ПИСЬМО VIII. стр. 54.

У французских королей есть особые причины любить своих подданных.—Трое сыновей Екатерины из рода Медичи. Генрих IV. Естественные последствия напряжения и лени для тела, разума, сердца.

ПИСЬМО IX. стр. 63.

Французский любовник.

ПИСЬМО X., стр. 68.

Беспочвенные обвинения. Дружба. Английские путешественники.

ПИСЬМО XI. стр. 76.

Английские предрассудки.—Беседа с мистером Б.—Размышления.

ПИСЬМО XII. стр. 86.

Трагедия осады Кале.—Добрый день герцога Айенского.—Россия—Пруссия.—Франция.—Статуя Людовика XV.—Эпиграммы.

ПИСЬМО XIII. стр. 95.

Шевалье Б. — и его дама.—Мадам де М. -, ее характер;-ее несчастье.

ПИСЬМО XIV. стр. 103.

Положение простых людей во Франции.—Нежелание осуждать короля.—Французские парламенты.—Адвокаты без разбора высмеиваются на французской сцене.—Оппозиция в Англии.

ПИСЬМО XV. стр. 113.

Дюбуа и Фаншон.

ПИСЬМО XVI. стр. 126.

Человечество не всегда действует из корыстных побуждений.—Прекрасный джентльмен и ананас.—Ужин у маркиза де Ф.-с.—Щедрость мистера Б. —. -Люди, которые рассчитывают.—Мужчины, которые этого не делают.

ПИСЬМО XVII. стр. 137.

Разные вкусы французского и английского в отношении трагедии.—Le Kain.—Garrick.—Французская комедия.—Итальянская комедия, Карлин.—Остроумный ответ Ле Кейна.

ПИСЬМО XVIII. стр. 150.

Развлечения и бизнес.—Лион.—Женева.

ПИСЬМО XIX. стр. 157.

Положение в Женеве.—Нравы.—Правительство.—Духовенство.—Своеобразные обычаи.—Кружки.—Развлечения.

ПИСЬМО XX. стр. 168.

Английские семьи в Колоньи.—Le jour de l'Escalade.—Military establishment.—Политические дразги.—Чувства англичанина.—Джентльмена из Женевы.

ПИСЬМО XXI. стр. 178.

Король аркебузирова. — Процессия. — Битва.

ПИСЬМО XXII. стр. 187.

Пир.

ПИСЬМО XXIII. стр. 193.

Гарнизон и укрепления Женевы бесполезны. — Постоянные армии в других странах. — Свобода и независимость Женевы от службы королю Сардинии.

ПИСЬМО XXIV. стр. 201.

Путешествие к ледникам Савойи. — Мол. — Ключ. — Рона и Арве. — Салленш. — Мулы. — Церковь. — Беседа с молодым крестьянином в долине Шамуни.

ПИСЬМО XXV. стр. 214.

Mountainvert. — Серна. — Гора Бревен. — Монблан. — Иглы. — Ледяная долина. — Лавины.

ПИСЬМО XXVI. стр. 228.

Продолжение описания ледников. — Теории.

ПИСЬМО XXVII. стр. 236.

Идиоты. Чувства старого солдата. Гватрес. Путешествие из Шамуни в плато Валле. Мартиньи. Сьон.

ПИСЬМО XXVIII. стр. 247.

Дорога на Сен-Морис. — Размышления о положении на Валлийских островах. — Бекс. — Эгль. — Сент. Гинго. — Мейерри. — Эвиан. — Репай.

ПИСЬМО XXIX. стр. 261.

Вольтер.

ПИСЬМО XXX. с. 273.

Вольтер.

ПИСЬМО XXXI. с. 286.

Образование, подобающее английскому джентльмену.

ПИСЬМО XXXII. стр. 301.

В Женеве часты самоубийства. — Два замечательных примера.

ПИСЬМО XXXIII. стр. 309.

Pays de Vaud. — Лозанна. — Веве. — Ладлоу.

ПИСЬМО XXXIV. стр. 318.

Мюрат. — Швейцарские крестьяне.

ПИСЬМО XXXV. стр. 325.

Берн.

ПИСЬМО XXXVI. стр. 335.

Религия. — Правительство. — Войска.

ПИСЬМО XXXVII. стр. 345.

Солерр.—Базиль. — Разумное замечание об использовании языка, сделанное голландцем.

ПИСЬМО XXXVIII. стр. 351.

Манеры.—Размышления о формальностях.—Библиотека.—Холбенс.—Арсенал.—Зал совета.—Часы на башне. —Голова.

ПИСЬМО XXXIX. стр. 361.

Маршал Контадес.—Театр.—Французские войска.

ПИСЬМО XL. стр. 368.

Готическая архитектура.—Страсбургский собор.—Проповедь.—Еврейский заговор.

ПИСЬМО XLI. стр. 377.

Карлсрух.—Маркграф Баден-Дурлаха.

ПИСЬМО XLII. стр. 387.

Мангейм.—Курфюрст.—Придворный.—Шут.

ПИСЬМО XLIII. стр. 394.

Гейдельберг.—Одна и та же церковь для протестантского и римско—католического богослужения.—Парадное богослужение.

ПИСЬМО XLIV. стр. 399.

Размышления о свободе печати.—Сравнение неудобств, возникающих по этой причине, с теми, которые ощущаются при деспотических ограничениях.

ПИСЬМО XLV. стр. 406.

Менц.

ПИСЬМО XLVI. стр. 411.

Франкфурт.—Лютеране недобры к кальвинистам.—Псалмопение.—Похороны.—Евреи.

ПИСЬМО XLVII. стр. 422.

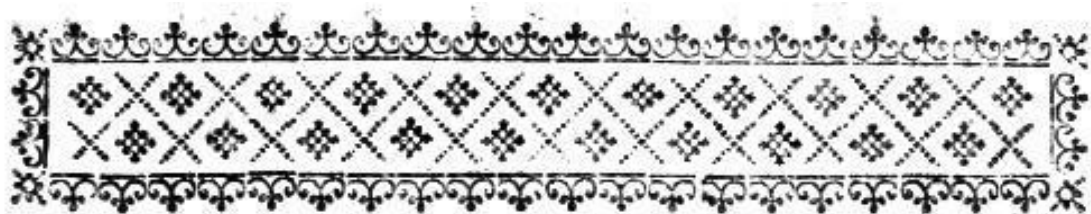
Нравы.—Различие рангов.—Театральные развлечения.—Немецкий язык.—Стажер.

ПИСЬМО XLVIII. стр. 433.

Дворянство и граждане.—Месть табачника.—Бергенское поле.

ПИСЬМО XLIX. стр. 443.

Принц Гессен-Дармштадтский.—Дисциплина.—Семья принца Георга.

ВЗГЛЯД На ОБЩЕСТВО И НРАВЫ Франции, Швейцарии и Германии.

БУКВА I.

Париж.

Я был сильно разочарован тем, что вы не приехали в город, как намеревались, поскольку в течение некоторого времени мне не терпелось сообщить вам о том, что произошло между вашим юным другом - и мной; до момента нашего отъезда я надеялся на возможность сделать это лично, и я пользуюсь первым случаем, чтобы сообщить вам все единственным способом, который сейчас в моих силах.

Вы помните беспокойство, которое вы однажды выразили мне по поводу склонности этого джентльмена к азартным играм, и неудобства, которым он подвергся из-за некоторых недавних проигрышей; вы также помните решения, которые он принял в ответ на вашу просьбу отказаться от игры; но вам еще предстоит узнать, что он возобновил игру в кости до истечения месяца, в течение которого он решил никогда больше к ним не прикасаться, и завершил одну злополучную ночь тем, что проиграл сумму, намного превышающую любой из его прежних проигрышей.

Стыдясь своей слабости, он тщательно скрывал от вас свое несчастье и вследствие этого подвергся некоторым страданиям более унижительного характера, чем все, что он испытывал ранее.

Что потрясло его больше всего, так это обстоятельство, которое вас не сильно удивит, — равнодушие, которое многие, называющие себя его друзьями, проявили к его положению, и холодность, с которой они отказались от каких-либо попыток избавить его от трудностей. Несколько человек, которым он ссудил значительные суммы в дни своего расцвета, заявили о полной неспособности выплатить какую-либо часть своего долга; они рассказали какую-то печальную историю о непредвиденном происшествии, которое на данный момент полностью вывело их из-под контроля; однако один из этих несчастных джентльменов в тот же вечер, когда он отказался вернуть долг нашему другу, потерял двойную сумму, из которой он фактически выплатил наличными до последнего фартинга.

Ожидания мистера ... от этих ресурсов в значительной степени оправдались, и он обратился к мистеру П. в Сити, который снабдил его деньгами под законные проценты, достаточными для погашения всех его долгов, для чего он предоставил ему закладную на свое поместье.—Когда наш юный друг сообщил мне все это, он заявил, что угрызения совести, которые он испытывал при воспоминании о своей глупости, были бесконечно больше, чем любое удовольствие, которое он когда-либо испытывал от победы или мог бы получить от самого большого успеха. В то же время он выразил сильное чувство долга перед вами и передо мной за наши попытки отучить его от привычки к азартным играм, выразил сожаление, что они не увенчались успехом раньше, но был счастлив обнаружить, что у него все еще осталось достаточно средств, чтобы жить достойно, в соответствии с планом экономии, который он разработал и которого он намерен придерживаться до погашения ипотеки. “Теперь я (добавил он торжественно) принял окончательное решение не играть в азартные игры до конца своей жизни; если я когда-нибудь откажусь от этого, вы имеете право считать меня лишенным мужской твердости и правдивости, недостойным вашей дружбы и слабейшим из смертных”.

Несмотря на неудачу молодого джентльмена в прошлом, справедливые размышления, которые он высказал о своем прошлом поведении, и решительная манера, с которой он говорил, вселяют в меня большие надежды на то, что он сдержит свое нынешнее решение. Я казался ему полностью убежденным в этом и осмелился сказать, что едва ли могу сожалеть о его последней череде неудач, которая произвела столь благословенный эффект; ибо тот, у кого хватает решимости выпутаться из ловушек хитроумной игры ценой половины своего состояния и при всем своем характере, в целом может считаться счастливым человеком. Поэтому я решительно настаивал на мудрости его плана, который противопоставлял обычной решимости тех, кому не повезло в игре. Не имея мужества сократить свои расходы или перенести свои первые невзгоды, они могут заставить себя отказаться от азартных игр, только *как только они вернут себе то, что потеряли*; и воображая, что они все еще имеют право на деньги, которые сейчас в карманах других, потому что когда-то они были в их собственных, они выбрасывают все свое состояние на поиски незначительной части и заканчивают тем, что полностью разоряются, потому что не могут вынести небольшого неудобства. Я указал, насколько бесконечно более почетно полагаться в восстановлении своего состояния на собственный здравый смысл и настойчивость, чем на перевероты случая; который, даже если бы они были благоприятными, мог бы восстановить его положение только за счет других, скорее всего тех, кто не имел отношения к его потерям. Его неразлучный спутник вошел, когда я был в середине своей речи. Наш друг, который ранее сообщил ему о своем решении отказаться от азартных игр, пытался убедить этого джентльмена принять ту же меру, но тщетно. - - - рассмеявшись над его предложением, сказал: “Его было слишком легко запугать; что одна сносная полоса везения поправила бы его дела; что мои опасения насчет разорения были всего лишь букашками; что слово *”разорение”*, подобно пушке, заряженной порохом, звучит тревожно, но не сопряжено с опасностью; что, если случится худшее, я могу только разориться; что всего лишь нахожусь в таком же положении с одни из самых модных людей в стране”.

Затем он перечислил множество примеров тех, кто жил не хуже самых богатых людей Англии, и все же все считали их разоренными. “Есть Ч... Ф..., - добавил он, - человек, полностью разоренный, но любимый своими друзьями и вызывающий восхищение в своей стране, как никогда”.

На это прекрасное рассуждение я ответил: “Если бы никто не находился под влиянием примера этого джентльмена, за исключением тех, кто обладал его гением, его склонность к игре никогда не повредила бы ни одному человеку в королевстве; но те, кто был обязан своей значимостью исключительно своему состоянию, не должны были рисковать ею так безрассудно, как мог бы сделать он, чье состояние всегда имело небольшое значение по сравнению с его способностями; и поскольку они не могли подражать мистеру Ф. в тех вещах, за которые ему так справедливо аплодировали, они не должны следовать его примеру в тех, за которые он был столь же справедливо осужден; ибо тот же огонь, который сжигает кусок дерева дотла, может растопить только гиней, которая все еще сохраняет свою внутреннюю ценность, *хотя лик его Величества больше не освещает ее.*”

... - казалось, ему не понравились мои доводы, и вскоре он покинул нас; но наш юный друг, казалось, утвердился в своих решениях, и в день моего отъезда из Лондона дал мне новые заверения, что он никогда не изменит им.

Зная, какой интерес вы проявляете к его благополучию и какое высокое уважение он питает к вам, я счел правильным сообщить вам эту информацию, которая, я знаю, доставит вам удовольствие. Поначалу ему будет труднее всего придерживаться нового принятого плана; в его нынешнем состоянии ума утешение и поддержка дружбы могут оказаться величайшей услугой.

Когда ваши дела позволят вам отправиться в Лондон, осмелюсь сказать, вы воспользуетесь первой же возможностью, чтобы встать у него на пути: Вам не составит труда убедить его сопровождать вас в деревню. Удаленный на несколько месяцев от своих нынешних товарищей и обычных мест времяпрепровождения, он постепенно утратит влияние своих старых привычек; и, как подтверждает ваш разговор, останется мало шансов, что его втянет в старую систему и снова закружит в водовороте разгула и азартных игр.

ПИСЬМО II.

Париж.

Ваш отъезд в Лондон немедленно по получении моего письма - это то, чего можно было ожидать. Ничто не делает человека более активным, чем горячее желание творить добро; и я мог бы предвидеть, что вы воспользуетесь предоставленной мной возможностью потакать господствующей страсти.

Мне доставляет огромное удовлетворение знать, что наш юный друг и вы находитесь в таких доверительных отношениях; и я искренне надеюсь, что ничто не прервет нашу связь, которая должна стать источником приятных размышлений для вас и во всех отношениях полезной для него.— Я не сомневался, что он охотно согласился бы сопровождать вас в деревню; но я не был так уверен, что он, возможно, не счел необходимым принять другое ваше очень дружеское предложение. Его отказ является доказательством того, что он примирился со своими обстоятельствами; и с учетом этих чувств я убежден, что он сможет жить на свой оставшийся годовой доход с большим удовлетворением, чем когда тратил в пять раз большую сумму.

Вы так настаиваете на том, чтобы я регулярно писал вам из разных мест, где я могу проживать во время моего отсутствия в Англии, что я начинаю верить, что вы настроены серьезно и, безусловно, подчинюсь вашим приказам.

Я знаю, вы не ждете от меня подробного описания церквей и дворцов. Какими бы приятными они ни были для зрителя, в описании они обычно дают лишь слабое развлечение.

Есть страны, некоторые из которых я, возможно, еще раз посетю до своего возвращения в Англию, вид которых всегда вызывает восхищение; но трудно передать точное представление об их красоте словами. Карандаш - более мощное средство для этой цели, чем ручка, поскольку пейзаж склонен исчезать из памяти еще до того, как описание может быть прочитано.

Манеры, обычаи и характеры людей, вероятно, могут послужить основным материалом для переписки, которую вы требуете, с теми размышлениями, которые могут возникнуть в связи с этим предметом. Предупреждаю вас заранее, что в них я буду придерживаться той широты, какую пожелаю: И хотя цвет моих писем, скорее всего, может приобрести некоторый оттенок в зависимости от страны, где они могут быть написаны, все же, если мне взбредет в голову настаивать на маленьких хитростях адвоката, когда вы ожидаете услышать о политике премьер-министра; или, если я расскажу вам историю о пожилой женщине, когда вам не терпится услышать анекдоты о великом полководце, вы не должны волноваться или впадать в ярость; ибо если вы не знаете, что такое маленькие хитрости адвоката. Если бы вы не позволили мне писать на те темы, на которые мне заблагорассудится, и трактовать их по-своему, требуемая вами переписка стала бы для меня печальным рабством и, следовательно, не доставляла бы вам удовольствия. Принимая во внимание, что, если вы оставите меня свободным и необузданным, это, по крайней мере, послужит мне каким-то занятием, может отучить меня от привычки бездельничать и, по моему собственному мнению, послужит оправданием для того, чтобы я покидал те увеселительные вечеринки, где люди склонны продолжать, натягивая на себя улыбки и произвольно зевая в течение двух или трех часов после того, как все удовольствие улетучится.

И все же многие остаются в таком мрачном состоянии ночь за ночью, потому что час сна еще не наступил; а что еще они могут сделать?

Вы никогда не оказывались в такой апатичной ситуации? Не получая никакого удовольствия от того, где вы находитесь, не имея никакого мотива уходить, вы остаетесь в своего рода пассивном, зияющем состоянии устрицы, пока волна компании не перенесет вас в ваш экипаж. И когда вы возвращаетесь к своему отражению в своей спальне, вы обнаруживаете, что провели два последних часа в каком-то гудящем оцепенении, без удовлетворения или каких-либо идей.

Я благодарю вас за ваше предложение о Dupont. Зная ваше уважение к нему, а также его ловкость и интеллект в науке быть камердинером, я вижу всю силу жертвы, на которую вы готовы пойти. Если бы я мог быть настолько эгоистичным в другой раз, чтобы принять ваше предложение, то доброе расположение, которое я питаю к вашему старому другу Джону, помешало бы мне сейчас. Дюпон, конечно, стоит двадцати Джонов за эту работу; но я никогда не смогу забыть его долгую привязанность, и теперь я так привык к нему, что, как правило, более совершенный слуга мне бы не подошел. Я думаю, что мне пошли на пользу даже его недостатки, которые вынудили меня делать для себя многое из того, что другие люди делают

руками своих слуг. Многие из наших знакомых кажутся абсолютно неспособными двигаться, пока их не приведут в движение их слуги. Они используют свои руки для каких-либо действий по отношению к себе не больше, чем если бы они были парализованы. Ночью они должны дожидаться своих слуг, прежде чем смогут раздеться сами и лечь в постель: утром, если камердинера случайно не окажется под рукой, хозяин должен оставаться беспомощным и растянутым в постели, как черепаха на спине на кухонном столе олдермена.

Я остаюсь и т.д.

ПИСЬМО III.

Париж.

Несколько вечеров назад я ходил на "Итальянскую комедию"; пока я наслаждался изысканной *наивностью* моего старого друга Карлена, в ложу вошел маркиз де Ф., которого вы видели в Лондоне: он бросился ко мне со всей живостью француза и со всеми признаками удовольствия и уважения. Ему предстояло задать десять тысяч вопросов о своих друзьях в Англии на одном дыхании, не дожидаясь ответа. Мой дорогой друг такой, мой дорогой друг для другой; красавица такая-то, очаровашка такая-то.

Заметив, что мы потревожили компанию, и не надеясь, что маркиз на какое-то время успокоится, я предложил оставить Комедию. He assented immediately:—Vous avez raison: il n'y a personne ici; c'est un désert—(by the way, the house was very much crowded)—Je suis venu comme vous voyez en polisson;—tout le monde est au Colisée—Allons.— Мы вступили с ним в перепалку: он приказал кучеру ехать в *comme tous les diables*. Лошади неслись так быстро, как только могли, а язык маркиза был еще быстрее, чем у них.

Когда мы приехали, я предложил подняться на галерею, где мы могли бы увидеть собравшуюся внизу компанию и поговорить без помех, приятного аппетита, - говорит он, - ничейные танцы без монет для критики всего мира, *comme deux diables boiteux*.

Мое внимание привлекла дама прекрасной фигуры и величественного вида: я спросил маркиза, не находит ли он ее необыкновенно красивой? — Да, да, - холодно ответил он.—Nous sommes heureusement placés pour elle. C'est un tableau fait pour être vu de loin.—I then took notice of the excessive whiteness of her skin.—C'est apparemment le goût de son amant d'aujourd'hui, said he; et quand un autre se présenteroit qui préféreroit la couleur de puce, à l'aide d'un peu d'eau chaude, elle seroit aussi son affaire.

Затем я заметил двух дам, одетых немного экстравагантнее, чем положено по моде. Их черты выдавали приближение пятидесяти, несмотря на все искусство, которое, очевидно, использовалось, чтобы скрыть этот ненавистный возраст.

При виде их маркиз вздрогнул. Ah! parbleu, said he, ces deux morceaux d'antiquité sont de mes parentes.—Excusez moi pour deux minutes: il faut que je m'approche d'elles, pour les féliciter de leurs appas. "Старые леди, - продолжал он, - которые приходят в ярость, когда их считают молодыми, из всех животных наиболее мстительны, когда ими пренебрегают, и у меня есть

особые причины желать сохранить их расположение". Затем он оставил меня и, обойдя круг с дамами, вернулся и занял свое место. Я благополучно выбрался из передраги, сказал он; я сказал им, что нанят с милордом, которого буду иметь честь представить в их доме; и я приставил к ним молодого офицера, чьи лучшие надежды на продвижение по службе зависят от их влияния при дворе, и который осмеливается так же быстро покинуть свои знамена в бою, как оставить эти два куска старого гобелена, пока они не решат уйти в отставку.

В комнату вошел молодой человек, очень роскошно одетый: он заявлял о своей важности своим видом, своей суетой, громким и решительным тоном своего голоса. Маркиз сказал мне, что это был Монс. герцог де...; что было совершенно необходимо, чтобы я был ему представлен; без этого преимущества в Париже не прожить; добавив: "иль есть человек толстый, бесконечно красивый"; d'ailleurs leilleur enfant du monde.

Затем появилась прекрасная дама, которая, казалось, вызывала восхищение всего собрания. Она плыла по кругу Колизея, окруженная группой маленьких мэтров, чьи глаза были прикованы к ней и которые, казалось, были тронуты ее движением, как спутники подвлиянием своей планеты. Она, со своей стороны, была совершенно безмятежна, ее не смущали внимание и взгляды зрителей. Она улыбнулась одному, кивнула другому, пожала плечами третьему, ударила четвертого веером, разразилась приступом смеха пятому и что-то прошептала на ухо шестому. Все это и еще тысячу трюков она проделала с легкостью актрисы и быстротой жонглера. Она, казалось, была полностью убеждена, что она - единственный присутствующий человек, достойный внимания; что ей принадлежит развивать свое очарование, демонстрировать свою грацию и манеру держаться, а остальным членам компании - оставаться внимательными и восхищенными зрителями.

Cette drolesse là, said the Marquis, est jolie, et pour cette raison on croit qu'elle a de l'esprit: On a même tâché de répéter ses bons mots; mais ils ne sont faits que pour sa bouche. Elle est beaucoup plus vaine que sensible, grand soutien pour sa vertu! au reste, elle est dame de qualité, à la faveur de quoi elle possède un goût de hardiesse si heureux, qu'elle jouit du bénéfice de l'effronterie sans être effrontée.

Я был удивлен, обнаружив, что вся эта сатира направлена против такой красивой женщины, и заподозрил, что острота замечаний Ф. была обострена какой-то недавней обидой. Я собирался убедить его в этом предположении, когда он внезапно встrepенулcя и сказал: Вуаля, Монс. de — —, le meilleur de mes amis.—Il est aimable; on ne peut pas plus.—Il a de l'esprit comme un démon.— Il faut que vous le connoissiez. Аллон: —Спускайся. С этими словами он поспешил за мной вниз по лестнице, представил Монсу. де-как английский философ, который разбирался в скаковых лошадях лучше, чем сам великий Ньютон, и который не испытывал отвращения к игре в вист. Монс. де... принял меня с распростертыми объятиями, и через десять минут мы стали близкими друзьями. Он отнес нас с маркизом ужинать к себе домой, где застал многочисленную компанию.

Беседа была веселой и оживленной. Присутствовали несколько очень изобретательных мужчин и восхитительная смесь приятных женщин, которые оставались до последнего и вступали в разговор, даже когда речь заходила о литературе; в таких случаях английские леди обычно воображают, что им подобает хранить молчание. Но здесь они брали свою долю без зазрения совести и колебаний. Те, кто хоть что-то понимал в этом предмете, выражали свои чувства с большой точностью и большим изяществом, чем мужчины; те, кто ничего не знал об этом

вопросе, демонстрировали свое невежество таким бодрым образом, что убедили всех, что знания не являются необходимыми для того, чтобы сделать женщину чрезвычайно приятной в обществе.

Проведя восхитительнейший вечер, я вернулся к себе домой, голова моя не была затуманена вином, а настроение не подорвано игрой.

ПИСЬМО IV.

Париж.

Мы пробыли в Париже месяц; дольше, чем предполагалось при нашем прибытии; и все же наш отъезд кажется мне теперь более отдаленным, чем тогда.

Ф. был моим самым постоянным спутником; его любят все, он живет в самой лучшей компании, и тот, кого он представляет, уверен в благоприятном приеме. Я практически не испытывал трудностей с тем, чтобы отлынивать от игры. Маркиз постарался облегчить это дело, и ничто не может быть большим доказательством его влияния в самых модных кругах, чем то, что он смог представить человека без титула, который никогда не играет.

Он также близко знаком с некоторыми из самых выдающихся литераторов, с которыми он познакомил меня. Многих из тех, чьими работами вы восхищаетесь, принимают в домах первой знати на самых либеральных началах.

Вы едва ли можете поверить в то влияние, которое эта группа людей имеет в веселом и распущенном городе Париже. Их мнения не только определяют достоинства произведений искусства и науки, но и оказывают значительное влияние на манеры и настроения высокопоставленных людей, общественности в целом и, следовательно, не остаются без влияния на меры правительства.

То же самое происходит в той или иной степени в большинстве стран Европы; но, если я не ошибаюсь, больше в Париже, чем где-либо еще; потому что литераторы здесь одновременно объединены друг с другом различными академиями и рассеяны по частным обществам манерами и общим вкусом нации.

Подобно тому, как чувства и разговоры литераторов в известной степени влияют на мнения и поведение светского общества, манеры этих последних оказывают более очевидное влияние на внешний вид, поведение и беседу первых, которые в целом вежливы и непринужденны; в равной степени очищены от неловкой робости, приобретаемой в уединении, и отвратительного высокомерия, навеянного университетскими почестями или церковными сановниками. В Париже педантов Мольера можно увидеть только на сцене.

В нашей стране в настоящее время много людей, отличающихся образованностью, которые в то же время веселы и непринужденны в смешанной компании, непритязательны в спорах и во всех отношениях так же хорошо воспитаны, как и те, у кого нет других притязаний.

Вежливость и хорошие манеры, действительно, можно проследить, хотя и в разных пропорциях, в каждом звании, от величайшего аристократа до низшего механика. Это формирует более замечательную и отличительную черту французского национального характера, чем живость, порывистость и непостоянство, которыми отличались как древние, так и современные жители этой страны.— Это, безусловно, очень необычный феномен, что вежливость, которая в любой другой стране присуща только людям определенного положения в обществе, здесь должна пронизывать любую ситуацию и профессию. Человек, стоящий у власти, вежлив со своим иждивенцем, преуспевающий - с несчастным, тот самый нищий, который просит милостыню, делает это "по-человечески комильфо"; и если его просьба не будет удовлетворена, он уверен, по крайней мере, что в ней будет отказано с видимостью гуманности, а не с грубостью или оскорблением.

Незнакомца, совершенно незнакомого с их языком, чей акцент кажется французам грубым и смешным, и который едва может открыть рот, не допустив грамматической или идиоматической ошибки, выслушивают с самым серьезным вниманием, и над ним никогда не смеются, даже когда он произносит самый странный solecisme или двусмысленное выражение.

Боюсь, сказал я вчера одному французскому джентльмену, фраза, которую я только что употребил, не французская. *Monsieur, replied he, cette expression effectivement n'est pas Française, mais elle mérite bien de l'être.*

Самое смелое отклонение от моды в важном предмете одежды не может заставить их забыть о законах хорошего тона. Когда человек появляется на общественных прогулках в одежде, сшитой вопреки всем законам моды, на которые французы, как предполагается, делают такой упор, они не пьются на него и не насмеются над ним; они позволяют ему сначала пройти, так сказать, незамеченным, и до тех пор не оборачиваются, чтобы удовлетворить любопытство, которое могла возбудить его необычная фигура. Я часто замечал этот пример деликатности на улицах у самых низших слоев вульгарного населения или, скорее, у простонародья, ибо на самом деле очень мало уроженцев Парижа, которых можно назвать вульгарными.

Из этого есть исключения, как и из всех общих замечаний о нравах и характере любой нации.

Я слышал случаи, когда военные несправедливо обращались с почтальонами и трактирщиками, а сеньор или интендант притеснял крестьян. Примеры злоупотребления властью и служебной дерзости можно встретить повсюду. Если к ним относятся терпимо, то вина лежит на правительстве.

Я говорил не о французском правительстве. Их национальный характер - это одно; природа их правительства - совсем другое. Но я убежден, что в Европе нет страны, где королевской милости, высокородию и профессии военного были бы предоставлены такие привилегии, какие они имеют во Франции, и где было бы так мало случаев их грубого поведения по отношению к подчиненным.

БУКВА V.

Париж.

Честный англичанин, какого бы положения в обществе он ни занимал, должен с негодованием видеть, что в этом королевстве все устроено для размещения богатых и могущественных; и что комфорту граждан более низкого положения уделяется мало внимания или вообще никакого внимания не уделяется. Это проявляется в тысяче случаев и сразу бросается в глаза при въезде в Париж.

Мне кажется, я где-то видел замечание о том, что регулярное и эффективное освещение лондонского сити по ночам и приподнятые тротуары по бокам каждой улицы для безопасности и удобства пеших пассажиров, по-видимому, указывают на то, что основная масса населения, а также богатые и знатные люди имеют определенное значение в глазах правительства. Принимая во внимание, что Париж слабо и частично освещен; и за исключением Новых мостов и Пон-Руаяля, а также ключей между ними, здесь нет пешеходных дорожек для размещения и безопасности тех, кто не может позволить себе экипажи. Поэтому они должны пробираться ощупью, как только могут, и прятаться за колоннами или забегать в магазины, чтобы не быть раздавленными каретами, которые едут так близко к стене, как заблагорассудится кучеру; пешие люди при их приближении рассеиваются, как мякина на ветру.

Следует признать, что монархия (ибо французы не любят, когда ее называют деспотизмом, и нет необходимости спорить с ними из-за слова) поднята в этой стране так высоко, что она совершенно упускает из виду основную массу нации и обращает внимание лишь на немногих; которые, занимая высокое положение, попадают в поле зрения Двора.

Le peuple во Франции - термин, означающий упрек.—"Человек народа" подразумевает отсутствие образования и манер. Un homme comme il faut, с другой стороны, не подразумевает человека разумного или принципиального, а просто человека рождения или моды; ибо человек может быть homme comme il faut и все же быть лишенным всех качеств, которые украшают человеческую природу. Нет никаких сомнений в том, что правительство оставляет средние и низшие слои общества в некоторой степени незащищенными и подверженными несправедливости и наглости великих людей, которые считаются в этой стране несколько выше Закона, хотя и значительно ниже монарха.

Но утонченная мягкость французских манер, веселый и общительный характер нации, приветливое и непринужденное обращение хозяев со своими слугами восполняют недостатки и исправляют ошибки правительства и делают положение простых людей во Франции, но особенно в Париже, лучше, чем в некоторых других странах Европы; и гораздо более сносным, чем это было бы, если бы национальный характер походил на характер этих стран.

Меня прервал лорд М., прибывший вчера вечером. Он согласился поужинать с нами. Вскоре после этого позвонил Ф.: его тоже отстранили, и он пообещал быть на вечеринке.

Вы знаете, как трудно поддерживать диалог с милордом М. Беседа либо вырождается в монолог с вашей стороны, либо прекращается совсем. Поэтому я был чрезвычайно доволен мыслью о компании маркиза. Он был необычайно оживлен; большую часть разговора посвящал его

светлости; расспрашивал его обо всем: о вине, женщинах, лошадях, политике и религии. Затем он спел "Chansons à boire" и тщетно пытался уговорить милорда присоединиться к припеву. Ничего не годилось. — Он восхищался своей одеждой, хвалил свою собаку и говорил тысячи любезностей об английской нации. Напрасно; его светлость хранил молчание и сдержанность до последнего, а затем уехал в оперу.

- Мой друг, - сказал маркиз, выходя из комнаты, - я о великих талантах и о тишине, се милорд ла.

ПИСЬМО VI.

Париж.

В одном из предыдущих писем я упоминал хорошее воспитание как яркую черту французского национального характера. Лояльность, или необычная любовь к личностям своих принцев, и привязанность к ним - другое дело.

Англичанин, хотя и с завистью смотрит на добродетели своего короля во время его правления, все же воздаст им должное при правлении своего преемника.

Немец, хотя и хранит молчание по отношению к слабостям своего принца, восхищается всеми его талантами гораздо больше, чем теми же качествами в любом другом человеке.

Турок или перс взирает на своего Императора со страхом и благоговением, как на высшее существо, чьему удовольствию он обязан подчиняться, как законам Природы, так и воле Провидения.

Но француз, хотя и знает, что его король такой же по натуре и подвержен всем слабостям других людей; хотя он перечисляет свои безумства и смеется, оплакивая их, тем не менее привязан к нему чувством равного уважения и нежности; своего рода любовное предубеждение, независимое от его действительного характера.

Рентабельность инвестиций^[1] - это слово, которое передает умам французов идеи доброжелательности, благодарности и любви, а также идеи власти, величия и счастья.

Они стекаются в Версаль каждое воскресенье, созерцают его с неутоленным любопытством и в двадцатый раз смотрят на него с таким же удовлетворением, как и в первый.

Они считают его своим другом, хотя он не знает их в лицо; своим защитником, хотя наибольшую опасность для них представляет Освобождение от уплаты налогов; и своим благодетелем, в то время как они обременены налогами.

Они преувеличивают значение его самых незначительных поступков; они смягчают и оправдывают все его слабости; и они вменяют его ошибки или преступления его министрам или

другим злым советчикам; которые (как они наивно утверждают) с какой-то низменной целью повлияли на его суждения и извратили неизменную прямоту его намерений.

Они повторяют с горячими аплодисментами каждое его высказывание, которое, кажется, указывает на малейший намек на остроумие или даже носит отпечаток обычной проницательности.

Важны самые незначительные обстоятельства, относящиеся к монарху: много он ест или мало за обедом; сюртук, который он носит, лошадь, на которой он едет, - все это становится предметом разговоров в различных парижских обществах и является наиболее приятными темами эпистолярной переписки с их друзьями в провинции.

Если ему случается немного нездоровиться, весь Париж, вся Франция встревожены, как будто ему угрожает настоящее бедствие; и казаться заинтересованным или разговаривать на любую другую тему, пока это не будет обсуждено, было бы расценено как доказательство непростительного безразличия.

На смотре войска выполняют свои маневры, не обращая внимания на тех зрителей, которые находятся в пределах видимости короля. Все они поглощены созерцанием своего Принца.— Avez vous vu le roi?—Tenez—ah!—voilà le roi.—Le roi rit.—Apparemment il est content.—Je suis charmé,—ah, il tousse!—A-t-il toussé?—Oui, parbleu! et bien fort.—Je suis au désespoir.

На мессе объектом внимания является король, а не священник. Воинство возвышается, но глаза народа по-прежнему прикованы к лицу своего любимого Монарха.

Даже самые вызывающие аплодисменты театральные постановки, которые в Париже вызывают больше эмоций, чем религиозные церемонии, с трудом могут разделить их внимание. Улыбка короля заставляет их забыть печаль Андромахи и обиды Сида.

Эта чрезмерная привязанность не ограничивается личностью монарха, но распространяется на каждую ветвь королевской семьи; все они, как считается в этой стране, имеют наследственное право на любое удовлетворение, на которое способна человеческая природа. И если какая-либо причина, моральная или физическая, препятствует этому, они встречают всеобщее сочувствие. Самое тривиальное разочарование или огорчение, которое их постигает, считается более серьезным и трогательным, чем самое ужасное бедствие, которое может случиться с частной семьей. Это оплакивается так, как если бы был нарушен естественный порядок вещей и любезный принц или принцесса были лишены жестоким явлением той высшей степени счастья, на которую их положение в жизни дает им неоспоримое право.

Все это кажется реальным и не зависит от каких-либо корыстных мотивов; по крайней мере, так должно быть по отношению к основной массе народа, которая не может надеяться когда-либо стать известной своим правителям, а тем более получить от них какую-либо личную благосклонность.

Философская идея о том, что короли назначались для общественного удобства; что они несут ответственность перед своими подданными за плохое управление или за продолжающиеся акты несправедливости и угнетения; это доктрина, совершенно противоположная общим предрассудкам этой нации. Если бы какой-либо из их королей повел себя таким неосмотрительным и возмутительным образом, что спровоцировал восстание, и если бы

повстанцы действительно одержали верх, я сомневаюсь, подумали бы они о новой модели правления и ограничении власти короны, как это было сделано в Британии во время Революции, чтобы предотвратить подобные злоупотребления в будущем. Я полагаю, им никогда не пришло бы в голову пойти дальше, чем посадить на трон другого принца из рода Бурбонов с той же властью, что была у его предшественника, а затем спокойно сложить оружие, удовлетворенные его королевским словом или заявлением править более справедливо.

Французы, по-видимому, настолько восхищены и ослеплены блеском монархии, что им невыносима мысль о какой-либо подходящей смеси, которая могла бы уменьшить ее буйство и сделать ее пыл более щадящим. Они предпочитают использовать великолепную машину в полную силу, хотя она часто обжигает и угрожает поглотить их самих и их эффекты.

Они рассматривают власть короля, от которого исходит их рабство, как если бы это была их собственная власть. Вы вряд ли в это поверите, но я уверен в факте: они гордятся этим; они гордятся тем, что его власть не подвергается никаким ограничениям.

Они с ликованием сообщают вам, что в мирное время у короля есть армия численностью около двухсот тысяч человек. Француз так же тщеславен дворцами, прекрасными садами, количеством лошадей и всеми атрибутами двора монарха, как англичанин может гордиться собственным домом, садами и экипажем.

Когда им рассказывают о распространении богатства в Англии, об огромных состояниях, нажитых многими людьми, о достатке людей среднего звена, о безопасности и легком положении простых людей, вместо того чтобы ужасаться сравнению, которое могло бы естественным образом прийти в их воображение, они утешают себя мыслью, что французский двор более блистателен, чем двор Великобритании, и что герцог Орлеанский и принц Конде имеют большие доходы, чем кто-либо из английской знати.

Когда они слышат о свободе дебатов в парламенте, о свободе письменной речи, о поведении короля или о мерах правительства, а также о формах, которые необходимо соблюдать, прежде чем те, кто отваживается на самое дерзкое злоупотребление тем и другим, могут быть привлечены к ответственности, они, кажется, преисполняются негодования и говорят с видом триумфатора: "Это ваше право, чтобы Франция избегала интрижек с господами ла, иль учитесь жить". И тогда они продолжают сообщать вам, что, *parbleu!* их министр не стал бы утруждать себя формулами или доказательствами; для него было достаточно этого подозрения, и без дальнейших церемоний он запер бы таких дерзких людей в Бастилии на много лет. А затем повышали голоса, как будто то, что они говорили, было доказательством мужества или великодушия министра —Нашего джентльмена, который возглавляет галерею за жизнь.

[1] Мы переводим *le Roi* как 'король', что ни в коем случае не эквивалентно. Король делает сам и заставляет других делать то, что ему нравится. Король не может делать то, что ему нравится, но делает то, что нравится другим.

ПИСЬМО VII.

Париж.

Было бы почти излишним отмечать, что во Франции есть очень много людей, которые мыслят совершенно иначе, чем те, о которых я упоминал в своей последней статье, и у которых справедливые и либеральные представления о замысле и природе правительства, а также правильные и мужественные чувства к естественным правам человечества. Трудом Монтескье восхищаются: одного этого достаточно, чтобы доказать это. Многие более поздние авторы и беседы философов и рассуждающих людей демонстрируют тот же дух.

Однако то, что упомянуто в моем последнем письме, отражает общий поворот или образ мышления французской нации, и показывает, насколько противоположны их чувства по поводу гражданского правления чувствам наших соотечественников.

Я слышал, как один англичанин перечислял преимущества британской конституции кругу французских буржуа и объяснял им, каким образом люди их положения защищены от наглости придворных и знати; что самый бедный лавочник и мелкий торговец в Англии может получить немедленное возмещение за любой ущерб, нанесенный ему величайшим аристократом королевства.

Как вы думаете, какое впечатление произвела эта декламация на французскую аудиторию? Вы, естественно, предполагаете, что они восхищались бы такой конституцией и желали бы того же во Франции: — Вовсе нет. Они сочувствовали великим: казалось, они сочувствовали их неважности. Один заметил: "Это вы выбрали благородный образ жизни" *chez vous*; а другой, покачивая головой, добавил: "Се не есть естественная цель".

Когда было упомянуто, что король Великобритании не может вводить налог своей собственной властью; что необходимо согласие парламента, особенно палаты общин, в это собрание допускаются люди их положения; они сказали с некоторой степенью удовлетворения: *C'est assez beau cela*. Но когда английский патриот, ожидая их полного одобрения, продолжил сообщать им, что сам король не имел права посягать на свободу самого ничтожного из своих подданных; что, если бы он или министр это сделали, ущерб можно было бы возместить в суде, из всех уст вырвался громкий и продолжительный вопль. Они забыли о своем собственном положении и безопасности народа и обратились к своему естественному чувству симпатии к королю, которого они все, казалось, считали самым угнетенным и обиженным из людей.

Наконец один из них, обратившись к английскому политику, сказал: "Скажите, месье, почему вы в такой ужасной ситуации, вы голосуете за нищету Короля, и это справедливо".

Их забота о счастье и славе королевской семьи распространяется в какой-то степени на всех коронованных особ, какими бы они ни были; но что касается их собственного монарха, то это, по-видимому, главная и любимая страсть их душ, которую они уносят с собой в могилу.

Французский солдат, лежавший весь в ранах на поле Деттингена, незадолго до смерти спросил английского офицера, чем, вероятно, закончится сражение, и получил ответ, что британские войска одержали великую победу; *Mon pauvre Roi*, сказал умирающий, *que fera-t-il?*

Что касается меня, друг мой, то, хотя я от всего сердца желаю его Величеству всякого общественного и домашнего счастья, все же, если малейшая забота о том или другом потревожит мои предсмертные минуты, это будет сильнейшим доказательством того, что мои собственные дела, духовные и мирские, ваши заботы, а также заботы других моих близких друзей, находятся в самом благоприятном положении.

Adieu.

P. S. Я не видел маркиза несколько дней. При нашей самой первой встрече он сообщил мне, что ухаживает за молодой леди из семьи по желанию своей матери, которой не терпелось увидеть его женатым. Он сказал, что ни в чем не может отказать своей матери, представительнице прекрасного пола мира: кроме того, сказал он, молодая леди была очень хорошенькой и приятной, и он был по уши влюблен в нее. С тех пор он сказал мне, что все было улажено, и он надеется в скором времени стать счастливейшим человеком на свете и очень скоро будет иметь честь представить меня своей невесте. Я сообщу вам свое мнение об этой леди, когда увижу ее, Но пусть она будет такой, какой хочет, мне жаль, что Я... думает жениться так рано, потому что француз двадцати пяти лет не такое степенное животное, как англичанин пятнадцати.

ПИСЬМО VIII.

Париж.

Существует абсолютная нехватка публичных новостей. У меня нет ничего особенного, о чем я мог бы сообщить вам относительно себя; но вы требуете от меня выполнения моего обязательства: итак, я сижу здесь, чтобы написать вам, еще не определившись с темой, в надежде, однако, что мое перо сможет собирать материал по ходу дела.

В каком бы свете это предубеждение в пользу монархии ни предстало философскому взору; и хотя из всех страстей любовь к королю только потому, что он король, возможно, самая глупая, все же она, несомненно, должна рассматриваться как достойная тех, кто является ее объектом.

Ни один из существующих или когда-либо существовавших народов не имел столь справедливых прав на благодарность и расположение своего суверена, как французы. Они радуются его радости, огорчаются его горем, гордятся его силой, тщеславятся его достижениями, снисходительны к его недостаткам. Они с радостью уступают свои собственные удобства его избытку и в любое время готовы пожертвовать своей жизнью ради его славы.

Можно было бы предположить, что король должен быть совершенным эгоистичным и бесчувственным монстром, который не любил таких подданных и который не уделял немного времени и внимания их счастью: и все же у французской нации не было монарха, достойного всего этого уважения, со времен Генриха IV. и из всех своих королей они использовали его хуже всего.

Из трех братьев, которые непосредственно предшествовали ему, первый был болезненным созданием, столь же слабым умом, как и телом; второй - чудовищем суеверия и жестокости; а третий, после довольно яркого рассвета, позволил своему меридиану затянуться самыми плотными облаками изнеженности и сладострастия. Их итальянская мать, которая управляла всеми тремя детьми, по-видимому, была совершенно лишена каких-либо чувств человечности или совести и руководствовалась исключительно мотивами заинтересованности и самой вероломной политикой.

Принцы, которые добились успеха, а также те, кто правил до Генриха четвертого, служат фоном, демонстрирующим его яркие качества с удвоенным блеском.

Несмотря на все стимулы, которыми располагают французские короли, чтобы способствовать счастью своих подданных, может пройти много столетий, прежде чем они будут благословлены тем, кто будет обладать этой страстью в такой высокой степени.

Характер, в котором так тонко сочетаются великие и дружелюбные добродетели, очень редко встречается в какой-либо нации. Насколько же мала тогда вероятность того, что этот приз достанется человеку, предназначенному для трона? Генрих получил образование, сильно отличающееся от того, которым обычно удостаиваются короли. Его характер сформировался в суровой школе невзгод: его ум укреплялся постоянными проявлениями мужества и благоразумия. Он научился человечности, страдая под гнетом тирании и испытывая муки несчастных. Часто нуждаясь в друзьях, он знал цену их привязанности, и его сердце стало способным к дружбе.

Трудности и опасности часто высекают частицы гениальности, которые в противном случае могли бы оставаться скрытыми и бесполезными, и способствуют формированию энергичного характера, оживляя те искры добродетели, которые жизнь в праздности полностью погасила бы.

Те люди, которые с самого раннего детства считали, что для них все предусмотрено, у которых нет больших амбиций и, следовательно, они редко бывают склонны к какому-либо значительному напряжению своих способностей, обычно чувствуют, что эти способности истощаются и слабеют по той же причине, по которой руки человека постепенно ослабевают и в конце концов становятся совершенно бесполезными, если он будет носить их в шарфе в течение длительного времени.

В том, что способности разума, подобно сухожилиям тела, расслабляются ленью и укрепляются упражнениями, никто не усомнится. Я полагаю, что такая же аналогия в какой-то степени справедлива между телом и качествами сердца. Благожелательность, жалость, благодарность, я подозреваю, чрезвычайно склонны застывать в спокойной, вялой бесчувственности в той груди, которая не была взволнована реальными несчастьями.

Люди не погружаются полностью в страдания, которых они никогда не испытывали и которые, как они думают, они рискуют испытать лишь в малой степени. Соответственно, было замечено, что те, кому на протяжении всей жизни улыбалась фортуна и чье время проводилось в придворных увеселениях и роскошных удовольствиях, очень часто приобретают удивительную нечувствительность к несчастьям других. Персонаж, самый совершенно холодный из всех, кого

я когда-либо знал, лишенный дружбы, благодарности и даже естественной привязанности, принадлежит человеку, чья жизнь была непрерывной чередой счастливых событий.

Однако, несмотря на то, что все их заботы сведены к минимуму, а все их чувства поглощены рамками их собственной шкуры, такие люди часто кажутся убежденными, что они сами обладают самым гуманным характером и самой широкой благожелательностью, не имеющими лучшего основания, чем потому, что они почувствовали на себе влияние искусных переживаний романа и потому, что они могли пролить несколько бесплодных слез над трагедией.

Если к этим симптомам чувствительности они могут добавить, что, пожертвовав время от времени гинеею, когда жертвование было налажено, или расставшись с небольшим количеством лишних денег, чтобы избавиться от назойливости, они затем развили благотворительность до предела в соответствии с их представлением об этой добродетели.

Они не имеют представления ни о чем, кроме этого; и при этом они не предприняли бы ни единого активного усилия, не отложили бы ни одной увеселительной вечеринки или каким-либо образом нарушили бы спокойствие своей собственной лени, чтобы оказать самую важную услугу (я не буду говорить другу, у таких людей ее не может быть) кому-либо из человеческой расы.

Есть много исключений, но в целом те люди, которые подвергаются *ударам судьбы*, которые испытали на себе низкое равнодушие человечества и в какой-то степени *почувствовали то, что чувствуют несчастные*, проникнуты искренним сочувствием и с самой живой чувствительностью входят в положение несчастных.

Non ignara mali, miseris succurrere disco,

- сказала Дидона, вынужденная бежать из своей страны, Эею, который был свидетелем разрушения его страны.

Дидона и Эней!—Как, во имя странствий, мы попали в их компанию? Я мог догадаться об этом не больше, чем о предмете одного из эссе Монтеня, судя по названию. Мы отправились, я полагаю, с чем—то о Франции; но вы не можете ожидать, что я попытаюсь продолжить нить, которая осталась так далеко позади.

Adieu.

ПИСЬМО IX.

Париж.

В предыдущем письме я упоминал, что мой друг Ф. собирался жениться. Некоторое время назад он зашел ко мне домой. Вид у него был такой веселый, что я решил, что у него есть для сообщения какие-то приятные новости. - Ну, мой дорогой друг, - сказал он с громким смехом.— Вы самый веселый человек, которого я когда-либо видел в подобной ситуации, - сказал я. - Затем он сообщил мне, что старый маркиз де П., отец его любовницы, навестил его мать и после десяти тысяч извинений и околичностей дал ей понять, что вмешались

определенные обстоятельства, которые сделали невозможным, чтобы он когда-либо имел честь быть тестем ее сына; и попросил ее сообщить ему, как бесконечно встревожены он и вся его семья происшествием, лишившим их удовольствия, которое они себе доставили из-за этого. связь. Его мать, сказал он, пыталась выяснить, что привело к этой внезапной перемене, но безуспешно. Старый джентльмен ограничился тем, что заверил ее, что подробности будут столь же неприятными и излишними, а затем отклонялся в самых вежливых и нежных выражениях, какие только мог дать ему французский язык.

Ф. рассказал мне все это с таким легким и довольным видом, что я не совсем понял, что и думать. - Мой дорогой маркиз, - сказал я, - к счастью, я ошибся, потому что, вы должны знать, я вбил себе в голову, что вы равнодушны к этой леди. — Ты был прав, друг мой, — сказал он, - я люблю бесконечность. - Прокомментируй бесконечность; сказал я, и все же будь таким веселым, когда ты вот-вот потеряешь ее!—*Mais vous autres Anglois, said he, vous avez des idées si bizarres!—aimer infiniment, cela veut dire aimer comme on aime,—tout le monde s’aime ainsi quand il ne se hait pas,—Mais je vous conterai toute l’histoire.*

Моя мать, - добавил он, - которая является лучшим созданием на свете и которую я люблю всей душой, сказала мне, что этот брак сделает ее вполне счастливой. — Все мои дяди и тети, а также двоюродные братья на протяжении десяти поколений говорили мне то же самое. Сверх того, мне сообщили, что леди, ее отец и все их родственники желали этого союза с самой искренней готовностью. Сама девушка довольно хорошенькая. "Когда-нибудь они убедят меня жениться", - подумал я. Почему бы не сейчас, а также в другое время? Почему я должен отказываться делать то, что доставит удовольствие стольким людям, не будучи при этом ни в малейшей степени неприятным самому себе?— Конечно, - сказал я, - это было бы нехорошо. Однако вам повезло, что вы оказались совершенно свободны и не предпочли никакую другую женщину.

Ты ошибаешься, друг мой, - сказал он; я предпочел многих этой даме, и в особенности одну, имени которой я не стану называть, но которую я люблю — которую я действительно люблю. — *Comme on aime*, - сказал я, прерывая его.—*Non, parbleu!* добавил он с теплотой, *comme on n'aime pas.*—Боже милостивый! — тогда, — воскликнула я, - как вы могли подумать о браке с другой? - *Cela n'empêche rien*, - холодно сказал маркиз. - потому что я не могла выйти замуж за другую. Она начала с меня и уже прошла церемонию; и поэтому у нее не было возражений против того, чтобы я оказал услугу моей матери и родственникам в этом конкретном случае, потому что она самая добродушная женщина в мире.

Похоже, что так оно и есть, — сказал я. - О, с любовью, мой дорогой, - добавил он, - я такая же милая. Однако, в целом, я очень доволен, что дело обошлось без какой-либо моей вины; и хотя возможно, что это может произойти в какой-то период в будущем, я все равно останусь в выигрыше, *parceque un mariage reculé est toujours autant de gagné sur le repentir.* С этими словами он развернулся на каблуках, напевая:

Non, tu ne le mettra pas, Colin, &c.

Вот тебе фотография французского любовника.— Я описал всю сцену, как только Ф. ушел от меня, и поэтому оставляю вас размышлять самостоятельно.

Adieu.

БУКВА Х.

Париж.

Вы часто слышали, как французов обвиняют в неискренности и в том, что они добры в профессиях, но лишены настоящей дружбы.

Наши соотечественники, в частности, приходят к такому мнению из-за того, что манеры здесь в целом более подобострастные, чем в Англии. То, что французы считают общепринятыми хорошими манерами, многие англичане называли бы лестью, возможно, заискиванием.

Их язык изобилует комплиментарными фразами, которые они распространяют с удивительным изобилием и словоохотливостью; но они подразумевают под ними не больше, чем англичанин, подписываясь "Ваш покорнейший слуга" в конце письма.

Француз не только не имеет в виду ничего, кроме обычной вежливости, обильным дождем комплиментов, которыми он осыпает каждого незнакомца; но также он считает само собой разумеющимся, что незнакомец знает, что больше ничего не подразумевается. Эти выражения полностью понятны его собственным соотечественникам: он воображает, что весь мир так же хорошо информирован; и у него нет ни малейшего намерения обманывать. Но если какой-либо человек примет эти выражения в буквальном смысле и поверит, что люди на самом деле проникнуты дружбой или влюбились в него с первого взгляда, он будет очень разочарован; особенно если он ожидает веских доказательств того и другого.

Однако он не имеет права обвинять французов в неискренности или нарушении дружбы. — О дружбе вообще не может быть и речи. Они никогда не намеревались донести до него какую-либо иную мысль, кроме того, что они были готовы принять его как знакомого; и делом его учителя языка было сообщить ему истинное значение их выражений.

Если бы те же самые слова действительно были буквально переведены на английский и использовались одним англичанином по отношению к другому, у человека, которому они были адресованы, были бы веские основания предполагать, что другой испытывал к нему особое уважение или хотел его обмануть; потому что установленные в Англии нормы вежливости не требуют такой формулировки.

Отсутствие должного учета различных способов и обычаев, установленных случайностью, является одной из главных причин неблагоприятных и резких настроений, которые народы разных стран мира слишком часто питают друг к другу.

Возможно, вы скажете, что этот избыток комплиментов, которым пользуются французы, является доказательством рассматриваемого вопроса; что французы менее искренни, чем их соседи. Руководствуясь тем же правилом, мы должны заключить, что простые люди любой нации, которые используют в своей речи мало комплиментарных фраз, больше ценят правду и более сильные чувства дружбы, чем представители среднего и высшего звена. Но это то, что, как я полагаю, было бы трудно доказать.

Эти комплиментарные фразы, вошедшие во все современные языки, могут, пожалуй, быть излишними или, если вам угодно, абсурдными; но они настолько прочно прижились, что люди величайшей порядочности должны использовать их как в Англии, так и во Франции; с той разницей, что на языке одной страны подойдет меньшая доля, чем на языке другой; но они не являются признаками дружбы ни в той, ни в другой.

Дружба - растение, которое растет медленно в любом климате. Счастлив человек, который может вырастить нескольких, даже там, где у него самое благоустроенное место жительства. Путешественники, проезжающие через чужие страны, редко тратят время на их выращивание; если им преподносят какие-то цветы, хотя и хрупкой консистенции и быстрорастущие, они должны принять их с благодарностью и не ссориться с местными жителями за то, что они предпочли сохранить другое, более ценное растение для собственного употребления.

Из всех путешественников молодая английская знать и джентри имеют наименьшее право придирается к развлечениям во время своих заграничных поездок; ибо тех из них, кто проявляет желание установить связь с жителями, проявляя хотя бы умеренную степень внимания, принимают на более легких условиях, чем путешественников из любой другой страны. Но у очень значительного числа наших соотечественников нет ни малейшего желания подобного рода: они, по-видимому, скорее избегают их общества и с неохотой принимают каждое предложение гостеприимства. Отчасти это происходит из-за предубеждения против иностранцев любого рода; отчасти из-за робости или природной сдержанности; и в значительной степени из-за лени и абсолютного отвращения к церемониям и ограничениям. Кроме того, они терпеть не могут, когда им приходится говорить на языке, которым они редко владеют в совершенстве.

Поэтому они часто создают собственные общества или клубы, где отбрасываются все церемонии и допускаются максимальная непринужденность и широта в поведении, одежде и разговорах. Там они подтверждают друг друга во всех своих предрассудках и единым голосом осуждают и высмеивают обычаи и манеры всех стран, кроме своей собственной.

Из-за такого поведения теряется или извращается истинная цель путешествия; и многие английские путешественники остаются за границей по четыре-пять лет и за все это время редко бывали в чьей-либо компании, кроме своих соотечественников.

Ехать во Францию и Италию и разговаривать там только с англичанами, и только для того, чтобы сказать, что вы были в этих странах, безусловно, абсурдно: ничто не может быть более абсурдным, чем с энтузиазмом перенять моду, щегольство, вкус и манеры этих стран и перенести их в Англию, где они никогда не будут процветать и где они всегда кажутся грубыми и неестественными. Ибо, несмотря на все свои попытки подражания, путешествующий англичанин так же отличается от француза или итальянца, как английский мастиф от обезьяны или лисицы: и если когда-нибудь эта степенная и понятливая собака станет претендовать на веселую резвость одного или на утонченность другого, мы, несомненно, будем ценить ее гораздо меньше, чем сейчас.

Но я не думаю, что эта крайность столь же распространена, как первая. Для английского характера гораздо естественнее презирать иностранцев, чем подражать им. Несколько безвкусных примеров обратного, которые каждую зиму возвращаются с континента, вряд ли стоит упоминать в качестве исключений.

ПИСЬМО XI.

Париж.

Ваш знакомый Б... последние три недели находился в Париже. Я не могу понять, как он продержался так долго, потому что у него очень плохое мнение об этой нации и сильнейшее предубеждение против французских манер вообще: он считает всю их вежливость дерзостью и принимает их любезности как прелюдию к обыску своего кармана.

Сегодня утром мы с ним отправились на смотр пехоты маршала Бирона. Там была толпа, и мы с трудом смогли пробраться внутрь круга, чтобы удобно видеть. Пожилой офицер высокого ранга дотронулся до нескольких человек, стоявших перед нами, сказав: —Вот два господина сына чужеземцев", после чего они немедленно расступились и позволили нам пройти.— Вам не кажется, что это было очень любезно? — Сказал я. - Да, - ответил он. - Но, клянусь небом, это было очень несправедливо.

Мы возвращались бульварами, где толпы горожан в праздничных нарядах веселились; молодежь танцевала котильоны, старики отбивали такт музыке и аплодировали танцорам, все в беспечном забвении прошлого, без мыслей о будущем и полностью занятые настоящим.—Эти люди кажутся очень счастливыми, — сказал я. - Счастливыми! - воскликнул Б. - если бы у них был здравый смысл или размышления, они были бы несчастны. Почему так? — Не мог бы министр, ответил он, выбрать с полдюжины из них, если ему угодно, и вставить их в Бицетр?— Это действительно так, - сказал я. - Это катастрофа, которая, конечно, может произойти с большой вероятностью, и все же я думал об этом не больше, чем они.

Мы встретились через несколько дней после его приезда во французском доме, куда нас обоих пригласили на ужин. Там присутствовала знатная пожилая дама, рядом с которой сидел молодой офицер, уделявший ей самое пристальное внимание.—Он подавал ей блюда, которые она любила, наполнял ее бокал вином или водой и обращался со своей речью именно к ней. — Какой душой, - говорит Б., - этот молодой человек делает из бедной старой женщины! Если бы она была моей матерью, будь я проклят, если бы я не призвал его к ответу за это.

Хотя Б. понимает французский и говорит на нем лучше, чем большинство англичан, разговор ему не понравился, вскоре он покинул компанию и с тех пор отказывался от всех приглашений на ужин. Обычно он находит наших соотечественников, которые обедают и проводят с ним вечер в Parc Royal.

В этот день после смотра мы продолжили общение, и, поскольку оба были свободны, я предложил, для разнообразия, пообедать в обычном ресторане отеля "Бурбон". Сначала ему это не очень понравилось.— Меня будут дразнить, — говорит он, - их дурацкой церемонностью. - Но, когда я заметил, что мы не можем ожидать особых церемоний или вежливости в обычном общественном месте, он согласился пойти.

Однако наше развлечение оказалось отличным от моих ожиданий и его пожеланий: с того момента, как мы вошли, на нас обратили особое внимание; казалось, все были готовы

предоставить нам лучшие места. Они помогли нам первыми, и вся компания, казалось, была готова пожертвовать каждым маленьким удобством и отличием ради незнакомцев: ведь после леди самым уважаемым персонажем в Париже является незнакомец.

После ужина мы с Б. прогулялись по садам Пале-Рояля.

Во всей той суеде, которую эти люди подняли вокруг нас, не было ничего реального, говорит он.

Я не могу отделаться от мысли, что это нечто, сказал я, когда к нам относятся вежливо и с видимой добротой в чужой стране — незнакомцы, которые ничего о нас не знают, кроме того, что мы англичане и часто их враги.

Но их вежливость заключается в мелочах, сказал он.— В чем состоит вежливость любого человека? — Самое большее, что может сделать для вас француз, - возразил я. - это постараться развлечь вас и скрасить время, пока вы остаетесь в его стране. И я думаю, что это не пустяк, ответил я.—В этой жизни так много источников беспокойства и досады, что я не могу не испытывать доброй воли и даже благодарности ко всем тем, кто позволяет мне забыть о них: Ведь такие люди облегчают мою боль и способствуют моему счастью.

Но этим французам, возразил он, в душе нет до вас ни малейшего дела.— А почему это должно меня волновать? сказал я. —Мы не имеем ничего общего с их сердцами.—Не стоит ожидать друга от каждого приятного знакомого.

Но это заинтересованные люди; и даже те из них, кто притворяется вашими друзьями, делают это только ради какой—то эгоистичной цели.

Это всего лишь утверждение, сказал я, но никаких доказательств.— Если бы вы нуждались в денежной помощи, они не дали бы вам ни одного луидора, чтобы спасти вас от тюрьмы, - продолжал он.

Я надеюсь, что никогда не буду полностью убежден в этом, сказал я; — но если бы мы возвращали дружбу, исходя из идеи помощи такого рода, это было бы именно то, в чем вы их обвиняете: Кроме того, продолжал я, сила и возможность оказать нашим знакомым и друзьям большие и, что называется, необходимые услуги встречаются редко; но те знаки внимания и учтивости, которые облегчают общение между людьми и подслащивают общественную жизнь, есть во власти каждого, и есть ежедневные и ежечасные поводы проявить их, особенно незнакомым людям.— Будь проклята их учтивость, - сказал он, - они самые *занудные* люди на свете.—Ненавижу французов.— Они враги Англии, лживые, коварные, вероломные, — Но поскольку мы пришли сюда не для того, - перебил я, - чтобы сражаться с ними сейчас, мы приостановим военные действия до более удобного времени года; а пока, если вы не возражаете, давайте сходим на спектакль.

Он согласился на это предложение, и на этом наш разговор закончился.

Вы знаете, что Б. - самый достойный человек на свете; и под грубым обращением скрывается самый лучший нрав в мире. Его манеры, я полагаю, изначально исходили из представления,

которое у него общее со многими людьми, а именно, что большая вежливость и кажущаяся мягкость поведения обычно сопровождаются фальшью и настоящей холодностью; — даже бесчеловечностью характера, — как будто человеческая природа, подобно мрамору, полируется пропорционально его твердости.

Эта идея, безусловно, сформировалась без тщательного изучения и исходя из поверхностного взгляда на человечество. Как грубое обращение не является доказательством честности, так и вежливость не свидетельствует об обратном; и если их однажды свести к равенству в этом конкретном случае, то очевидно, что последнее предпочтительнее во всех других отношениях.

Но вернемся к французам: я определенно придерживаюсь мнения, что незнакомец может вполне воспользоваться всеми удобствами, вытекающими из их услужливых манер, хотя он должен быть убежден, что все их усердие и внимание никак не связаны с каким-либо отношением к нему и проистекают исключительно из тщеславия и себялюбия. Он может понять, что его парижский друг, осыпая его любезностями, демонстрирует собственное мастерство в науке вежливости и пытается заслужить хорошее мнение общества, отдавая предпочтение по тысяче пустяковых поводов. — Хотя он ясно видит, что все это поползновение направлено на то, чтобы победить, почему он должен роптать на победу, которая сопровождается таким количеством удобств для него самого? зачем ссориться с мотивом, когда он чувствует выгоду от эффекта?

Если бы писатели или проповедники морали могли силой красноречия искоренить эгоизм из сердец людей и заставить их на самом деле любить своих ближних, как самих себя, этого можно было бы искренне желать. Но до этого благословенного события давайте не будем придирааться к тем формам и знакам внимания, которые создают своего рода искусственную дружбу и доброжелательность, которые для многих целей общества производят те же эффекты, что и настоящие.

Люди, которые любят развлекаться игрой, но не имеют свободных денег, обязаны использовать фишки. У нас с вами, мой друг, до тех пор, пока мы будем резать и перетасовывать вместе, никогда не будет повода для такого успеха; я полностью убежден, что с обеих сторон мы обеспечены достаточным количеством чистого золота.

ПИСЬМО XII.

Париж.

Когда Б... и я пришли в театр, как было упомянуто в моем последнем письме, мы обнаружили огромную толпу людей перед дверью: мы не могли получить место до тех пор, пока не прошли через значительную борьбу. Пьесой называлась "Осада Кале", основанная на популярной истории, которая должна быть интересной и льстящей французской нации.

Вы не можете себе представить, какое давление и столпотворение возникает здесь каждый вечер, чтобы посмотреть это любимое произведение, имевшее такой же успех в Версале, как и в Париже.

Однако есть несколько критиков, которые утверждают, что это совершенно лишено достоинств и обязано своим успехом популярному характеру темы больше, чем какой-либо внутренней красоте стихов, которые, как некоторые заявляют, даже не являются хорошими французскими.

Говорят, что когда спектакль в последний раз разыгрывался перед королем, его величество, заметив, что герцог Айенский не присоединился к аплодисментам, а скорее выказал некоторые признаки отвращения, повернулся к герцогу и сказал: "Вы одобряете па?" Vous n'êtes pas bon François, Monsieur le Duc:—To this the Duke replied,—à Dieu ne plaise que je ne fusse pas meilleur que les vers de la pièce.

Повинуясь двору во всем остальном, французы пренебрегают решениями, вынесенными в Версале, в вопросах вкуса. Очень часто случается, что драматическая пьеса, сыгранная перед королевской семьей и двором с высочайшими аплодисментами, впоследствии подвергается в Париже всяческому позору. Во всех гениальных произведениях парижане руководят мнением придворных и диктуют своему монарху.

В других странах Европы случалось, что какой-нибудь выдающийся по таланту государь сиянием собственного гения просвещал умы своих подданных и рассеивал тучи варварства над своими владениями.

С начала нынешнего столетия великая империя была выведена из состояния грубого невежества, усовершенствована мирным искусством и обучена военному искусству благодаря огромному гению и трудолюбию одного из ее Правителей, заложившего основу ее нынешнего могущества и величия.

Другое незначительное государство, располагающее меньшими ресурсами, в более поздний период было создано могущественной монархией благодаря поразительным усилиям, настойчивости и великодушию его нынешнего короля, чья любовь к знаниям и искусствам привлекла в его столицу некоторых величайших гениев Европы; откуда наука и вкус должны постепенно распространиться по всем его владениям, где их раньше мало ценили.

В этих и других случаях, которые можно было бы перечислить, принцы превосходили по гениальности любого из своих подданных. Трон был источником, из которого знания и утонченность доходили до самых отдаленных уголков нации.

Но такого никогда не было во Франции, где не король полирует народ, а люди, которые облагораживают манеры, очеловечивают сердце и, если оно не совсем непроницаемо, просвещают разум короля.

"Телемак" и многие другие произведения были написаны с этой целью. Во многих обращениях и увещеваниях к трону в косвенной и деликатной форме содержатся превосходные наставления и намеки.

Бурными аплодисментами, которыми они награждают отдельные отрывки пьес, представленных в театре, они доносят до монарха чувства нации в отношении мер его правительства.

Приписывая ему качества, которыми он не обладает, они пытаются возбудить в его груди желание обрести их: они пытаются склонить его к добродетели. С этой точки зрения рассматривается дизайн конной статуи, которую город Париж воздвиг в честь Людовика XV. Возможно, это было сделано из более благородных побуждений, чем лесть, которой это обычно приписывают. Это было начато Бушардоном, который умер, когда работа была хорошо продвинута, и с тех пор был передан Пигалю для завершения.

Лошадь установлена на очень высоком пьедестале. По углам изображены четыре фигуры, стоящие на манер Кариатид, которые олицетворяют четыре добродетели: Стойкость, Справедливость, Благоразумие и Миролюбие. Все украшения сделаны из бронзы.

Две небольшие стороны пьедестала украшены позолоченными лаврами и надписями. Спереди, по направлению к Тюильри, находится следующее:

ЛЮДОВИКО XV.
OPTIMO PRINCIPI
QUOD
AD SCALDUM, MOSAM, RHENUM,
VICTOR
PACEM ARMIS
PACE
SUORUM ET EUROPÆ
FELICITATEM
QUÆSIVIT.

Большие стороны пьедестала украшены трофеями и рельефами. На одной изображен Льюис, дарующий мир Европе; на другой - он в триумфальной колеснице, увенчанный Победой и ведомый Славой покоряющемуся народу.

Когда мы вспомним, что надпись и эмблемы отсылают к завершению предпоследней войны, и какие надписи обычно ставят под статуями королей, мы не найдем в вышесказанном ничего возмутительно лестного; мораль этого такова, что миролюбие — одна из величайших добродетелей, которыми может обладать король, - лучшая мораль, которую можно вложить в сердце монарха.

В этой работе скульпторы и сатирики бесконечно больше восхищаются лошадью, чем королем. Но величайшая оплошность заключается в том, что вся группа, хотя все фигуры больше, чем в натуре, имеет миниатюрный вид в центре огромной площади, на которой они расположены.

Острословы Парижа не могли допустить, чтобы такая возможность потакания своим желаниям осталась незамеченной. Ходит много эпиграмм.— Вот две:

Bouchardon est un animal,

Et son ouvrage fait pitié;

Il place les vices à cheval,

Et met les vertus à pied.

Voilà notre Roi comme il est à Versailles,

Sans foi, sans loi, et sans entrailles.

Оба слишком суровы; дают представление о порочных наклонностях и жестокости характера, которые не принадлежат Людовику Пятнадцатому; чей настоящий характер, в трех словах, - это характер добродушного, покладистого человека, погрязшего в лени и чувственности.

Я видел еще одну надпись для вручаемой статуи; она на латыни и очень короткая.

STATUA STATUÆ.

Вы можете себе представить, что авторов этих книг постигло бы ужасное наказание, если бы они были раскрыты. Никакая опасность такого рода не является достаточной, чтобы удержать жителей этого города от написания и распространения подобных пасквинад, которые очень нравятся всей нации.

Действительно, я полагаю, что в попытке отразить подобные настроения больше духа мести, чем хорошей политики; которые, если бы они не получили выхода таким образом, могли бы вырваться наружу в более опасной форме.

Adieu.

ПИСЬМО XIII.

Париж.

Вчера я обедал с равным количеством представителей обоих полов у шеваляе Б. Он очень близкий друг Ф., и у него очаровательный дом в нескольких лье от Парижа, которым маркиз пользуется не меньше, чем владельцем.

Шеваляе имеет значительный доход, который он тратит с равной пышностью и экономией. Он много лет женат на своей нынешней супруге, очень приятной женщине, с которой у него есть все, что может сделать их союз счастливым, за исключением детей. Они стараются забыть это неприятное обстоятельство, постоянно сменяя друг друга в обществе; и, что здесь очень странно, общество, в котором находятся муж и жена, одно и то же.

Ф., хотя и намного моложе обоих, является большим любимцем обоих; и им всегда приятно, когда он приглашает небольшую компанию своих друзей отобедать у них дома.

Нынешнюю партию предложила мадам де М., богатая молодая вдова, которой здесь очень восхищаются; я покажу вам ее мельком, мимоходом, ибо не воображайте, что я берусь описывать самое неопишное из всех человеческих существ — прекрасную французскую леди.

Мадам де М. обладает некоторым остроумием, большей красотой и живостью в высшей степени: — если бы существовала четвертая степень сравнения, я бы поместил туда ее тщеславие. Она много смеется, и она права, потому что у нее удивительно красивые зубы. Она очень много говорит, причем громким и решительным тоном.—Это не так разумно, потому что ее чувства не так блестящи, как зубы, а голос довольно резок.—Ее везде принимают с вниманием и уважением; —этим она обязана своему положению.—Она нравится мужчинам, и за ней следят; этим она обязана своей красоте. Женщины не испытывают к ней неприязни, что, вероятно, связано с ее слабостями.

Считается, что эта леди равнодушна к Ф.... Поэтому, чтобы предотвратить скандал, она попросила меня зайти к ней домой и проводить ее к шевалье.

Я застал ее за приведением себя в порядок, когда она совещалась с генералом и двумя аббатисами по поводу нового головного убора, который она только что изобрела.— Это было умно и причудливо; и, после нескольких исправлений, получило одобрение всех этих критиков. Они объявили это ценным открытием и предсказали, что оно немедленно войдет в моду Парижа и сделает бессмертную честь гению мадам де М....

Она отвернулась от зеркала с ликующим видом.—Allons, donc, mes enfants—à la gloire, — воскликнула она и принялась отдавать распоряжения насчет своего экипажа, когда вошла служанка и сообщила ей, что госпожа графиня приняла ее приглашение и, несомненно, окажет себе честь отобедать с ней.

Я отчаялся бы дать вам представление о внезапной перемене, которую это сообщение вызвало в чертах лица мадам де М. Если бы она услышала о смерти своего отца или своего единственного ребенка, она не была бы так смущена.— Это возможно (сказала она с оттенком отчаяния), чтобы ты мог жить так, как хочешь!— Был вызван слуга и допрошен относительно значения ответа, который он привез от мадам графини.— Именно так — она, несомненно, должна была прийти.—Новые восклицания со стороны мадам де М.... Вы послали пригласить ее на этот день? — Спросил я. - Несомненно, пригласила, - ответила мадам де М.... Откладывать больше было нельзя.— Она приезжала в город в прошлое воскресенье.Поэтому я отправил ей самое вежливое сообщение в мире, прося оказать мне честь составить ей компанию сегодня за обедом; и вот, эта ужасная женщина (с грубостью или незнанием жизни без примера) сообщает мне, что она придет.

Это действительно очень возмутительно, - сказал я, - что она так необычайно неправильно поняла вашу доброту.— Не так ли, - сказала она? Мог ли какой-нибудь смертный ожидать столь варварского возвращения цивилизованности?— Она связана с некоторыми моими родственниками в стране: — когда она приехала в город, я сразу же оставил свое имя у ее портье.—Она позвонила мне на следующий день — я предупредил своего швейцара, что меня всегда не будет дома, когда она придет. I was denied accordingly.—Cela est tout simple, et selon les règles. Эта женщина на двадцать лет старше меня, и мы, должно быть, невыносимы друг для друга.—Она должна была понять, что мое приглашение было продиктовано только вежливостью: —та же вежливость с ее стороны должна была побудить ее прислать отказ. Таким образом, мы могли бы навещать друг друга, обедать и отужинать вместе и оставаться в самых приятных отношениях, какие только можно вообразить, на протяжении всей нашей жизни, но этот случай с гроссьере должен положить конец всякой связи.—Что ж, — лекарства нет. —

Однажды я должен подвергнуться чистилищу. Adieu.—Передайте мои наилучшие пожелания мадам Б.. Сообщите ей об этом ужасном происшествии.

Выразив соболезнования мадам де М. по поводу ее незаслуженного несчастья, я откланялся и присоединился к Ф., которому рассказал о печальной случайности, лишившей нас общества этой дамы.

Он не выглядел таким несчастным, как она в тот раз; но он клялся, что убежден, что графиня приняла приглашение на обед из чистого злого умысла; ибо, насколько ему известно, она была знакома с их компанией у шевалье Б. и, несомненно, воспользовалась случаем, чтобы досадить мадам де М., которую ненавидела. Он воображал, что без этого дусера ужин стал бы для графини таким же чистилищем, каким, возможно, был бы для мадам де М. Не знаю, как эти любящие друзья ухитрились проводить время вместе, но у шевалье мы устроили весьма приятную вечеринку — маркиз развлек компанию историей несчастья мадам М. и любовного тет-а-тет, которое оно вызвало. Он рассказал об этом с такой живостью и описал свое собственное горе и разочарование с таким приливом добродушия, что это в какой—то степени компенсировало компании отсутствие леди.

ПИСЬМО XIV.

Париж.

Хотя мягкость французских манер в некоторой степени соответствует суровости правительства, как я заметил в предыдущем письме, положение простых людей все же отнюдь не комфортное.

Когда мы рассматриваем огромные ресурсы этого королевства; преимущества, которыми оно обладает почти над любой другой страной с точки зрения почвы, климата и положения; трудолюбие и изобретательность жителей, привязанных любовью к своим королям и подчиняющихся законам, мы, естественно, ожидаем, что основная часть нации должна чувствовать себя непринужденно, и что о бедности здесь должно быть известно так же мало, как и в любой другой стране Европы. Я говорю не о той идеальной или сравнительной бедности, порожденной завистью и алчностью, которую могут испытывать богатейшие граждане Лондона или Амстердама; или о бедности, порождаемой в столицах азартными играми, роскошью и разгулом; но о той действительной бедности, которая возникает, когда трудоспособная часть нации не может приобрести достаточную долю предметов первой необходимости своим трудом.

Два первых проистекают из пороков и расточительности отдельных людей: —Другой - из плохого правительства.

Многое из первого можно найти в Лондоне, где циркулирует больше богатств, чем в любом другом городе Европы; из последнего мало что можно увидеть в Англии.

Обратное имеет место во Франции, где беднейшие жители столицы часто находятся в лучшем положении, чем трудолюбивый крестьянин. Первый, предаваясь роскоши или пользуясь безрассудством знатных и богатых, может обеспечить себе сносные средства к существованию,

а иногда и сколотить состояние; в то время как крестьянин не может без большого труда заработать на скудное и ненадежное существование.

Чтобы иметь адекватное представление о богатстве Англии, мы должны посетить провинции и посмотреть, как живут знать, джентри, особенно фермеры и сельские жители в целом. Великолепие первых и изобилие, царящее среди последних классов, должны были бы удивить уроженцев любой другой страны Европы.

Чтобы сохранить благоприятное представление о богатстве Франции, мы должны оставаться в столице или посетить несколько торговых или промышленных городов; но редко должны заходить в замок сеньора или в хижину крестьянина. В одном мы не найдем ничего, кроме безвкусной мебели, а от другого нас отпугнет нищета.

Неурожай или небрежная администрация могут вызвать бедствие и нехватку хлеба среди простых людей в определенное время; но когда в течение длительного периода времени среди крестьянства такой страны, как Франция, существует постоянная бедность в течение различных царствований; это кажется мне самым верным доказательством небрежного и, следовательно, деспотичного правительства. И все же французы очень редко жалуются на свое правительство, хотя часто на своих губернаторов; и никогда на короля, но всегда на министра.

Хотя восторженная привязанность, которую народ этой страны когда-то испытывал к своему нынешнему монарху, значительно ослабла, она не уничтожена. Некоторые придворные, которые, как предполагается, должны обеспечивать удовольствия короля, действительно вызывают отвращение. Неосмотрительная показная роскошь любовницы публично осуждается; но их порицание короля, даже там, где они считают себя в полной безопасности, никогда не выливается, как это было бы у некоторых других народов, в яростные выражения, такие как Проклятие его безумия, его слабости или его упрямства. Нет: даже их осуждение в его адрес смешано с каким-то нежным сожалением. — *Naturellement il est bon*, говорят они. И когда они замечают прискорбную тревогу и отвращение на его лице, которые являются сопутствующими признаками организма, пресыщенного удовольствиями, и ума, неспособного к применению, они восклицают: "Боже мой, чего ты добиваешься?" — *Il est malheureux lui-même;—comment peut il penser à nous autres?*

Я убежден, что, несмотря на недовольство, которое действительно существует в настоящее время во Франции, король мог бы сразу же вернуть уважение и привязанность своих подданных простым маневром, заключающимся в увольнении своего министра и нескольких других непопулярных личностей. Официальное письмо, предписывающее их изгнание или заключение в Бастилию, будет рассматриваться как полная *революция* в правительстве, и нации не потребуются никакого другого *Билля о правах*, кроме того, что исходит из этого ужасного инструмента тирании.

При нынешнем положении дел, по моему мнению, ни одна группа мужчин во Франции не имеет, собственно говоря, никаких прав. Принцы, знать и духовенство действительно обладают определенными привилегиями, которые в разной степени отличают их от их собратьев-подданных; но что касается прав, то у них их нет; или, что то же самое, нет таких, которые могли бы защитить их или которые они могли бы защитить от монарха, когда бы он в своей королевской мудрости ни решил вторгнуться в них или уничтожить.

Француз скажет вам, что их парламенты имеют право в определенных случаях обращаться с протестом к трону.— Это действительно ценная привилегия! общественный совет Лондона также обладает этим славным правом, и мы все знаем, к чему оно приводит. Это похоже на силу, которой хвастался Оуэн Глендауэр — “вызывать духов из необъятных глубин”. — Но несчастье было в том, что никто не пришел по его зову.

Парламенты Парижа действительно могут протестовать; и сделали это с такой силой аргументации и энергией выражения, что, если бы красноречие могло возобладать над неограниченной властью, каждая жалоба была бы устранена.

Некоторые из этих протестов демонстрируют не только примеры самого возвышенного и патетического красноречия, но и дышат духом свободы, который сделал бы честь британской палате общин.

Соппротивление, оказанное членами парижского парламента воле короля, делает им величайшую честь. Действительно, юристы Франции проявили более справедливое и мужественное отношение к правительству и вели более благородную борьбу против деспотической власти, чем кто-либо другой в королевстве. Поэтому я часто испытывал удивление и негодование, наблюдая за предпринимаемыми здесь попытками выставить эту группу людей на посмешище.

Представитель этой профессии появляется на сцене только в смешном образе. Это может доставить удовлетворение принцу, власть которого они пытались ограничить, или бездумным раболепствующим придворным; но должно вызывать ужас у нации, ради блага которой джентльмены в длинных мантиях так много рисковали; ибо в их противостоянии двору следовало опасаться большой личной опасности и не извлекать никакой прибыльной выгоды.

Те, кто выступает против судебных мер на нашем острове, слава Богу, не подвергаются личному риску из-за этого.—Член британского парламента может спустить на воду свой патриотический корабль в полной безопасности: — Он может скользить по течению изобретательности, расправить все свои паруса, ловить любой шторм и плыть час или два по краю государственной измены, не рискуя быть втянутым в ее водоворот. Но хотя ему нечего бояться, столь же очевидно, что ему не на что надеяться в таком путешествии. Раньше оппозиция рассматривалась как средство проникновения во власть: возможно, будущее изменится к лучшему. Пусть любой вспомнит число тех, кто с очень умеренными способностями добрался на коленях до власти, и сравнит их с числом и успехом тех, кто, вооруженный гением и артиллерией красноречия, пытается взять власть штурмом; если после этого он присоединится к нападающим, он должен либо действовать из иных побуждений, чем корыстные, или выдать свое невежество в расчете шансов.

Безопасность и даже само существование парижского парламента, полностью зависевшего от воли короля и не имевшего другого оружия, наступательного или оборонительного, кроме справедливости, аргументации и разума, можно было предвидеть; их участь можно было предвидеть — обычную участь тех, у кого нет другого оружия, чтобы противопоставить его власти: члены парламента были опозорены, а парламент распущен. Эта мера была расценена

как насильственная; изгнанники считались мучениками; люди были поражены и опечалены. Наконец, оправившись от изумления, они развеяли свою печаль, как делают во всех случаях большого бедствия, несколькими очень веселыми песнями.

ПИСЬМО XV.

Париж.

Мой друг Ф. навестил меня несколько дней назад, и как только он понял, что у меня нет особого задания, он настоял, чтобы я съездил куда-нибудь за город, поужинал с ним тет-а-тет и вернулся вовремя к спектаклю.

Когда мы проехали несколько миль, я заметил молодого человека благородного вида, одетого в старую униформу. Он сидел под деревом, на траве, немного поодаль от дороги, и развлекался игрой на скрипке. Когда мы подошли ближе, то увидели, что у него деревянная нога, часть которой в виде обломков лежала рядом с ним.

Что ты там делаешь, солдат? - спросил маркиз.— Я возвращаюсь домой, в свою деревню, господин офицер, — сказал солдат. - Но, мой бедный друг, - продолжал маркиз, - вы еще долго будете в ярости, прежде чем доберетесь до конца своего путешествия, если у вас нет другого экипажа, кроме этого, указывая на обломки его деревянной ноги.— Я жду свой экипаж и всю свою свиту, - сказал солдат, - и я сильно ошибусь, если не увижу их в эту минуту спускающимися с холма.

Мы увидели что-то вроде повозки, запряженной одной лошадью, в которой была женщина, и крестьянина, который управлял лошадью.—Когда они приблизились, солдат рассказал нам, что был ранен на Корсике — что ему отрезали ногу — что перед отправлением в ту экспедицию он был помолвлен с молодой женщиной по соседству — что свадьба была отложена до его возвращения;—но когда он появился с деревянной ногой, все родственники девушки были против этого брака. Мать девочки, которая была ее единственным оставшимся в живых родителем, когда он начал за ней ухаживать, всегда была его другом; но она умерла, пока он был за границей.—Сама молодая женщина, однако, оставалась неизменной в своей привязанности, приняла его с распростертыми объятиями и согласилась оставить своих родственников и сопровождать его в Париж, откуда они намеревались отправиться в дилижансе в город, где он родился и где до сих пор жил его отец: —Что по дороге в Париж у него сломалась деревянная нога; что вынудило его любовницу оставить его и отправиться в соседнюю деревню за повозкой, чтобы отвезти его туда, где он останется до того времени, пока плотник не заменит ему ногу. — малер, мой офицер, — заключил солдат, — прошу прощения, друг мой! - и голосуйте! -

Девушка бросилась к повозке, схватила протянутую руку своего возлюбленного и сказала ему с улыбкой, полной нежности, что она видела замечательного плотника, который пообещал

сделать ногу, которая не сломается, что она будет готова к завтрашнему дню, и они смогут продолжить путь, как только пожелают.

Солдат принял комплимент своей любовницы так, как он того заслуживал.

На вид ей было лет двадцать, красивая девушка с прекрасными формами - брюнетка, чье лицо свидетельствовало о чувственности и живости.

—Вы, должно быть, очень устали, моя дорогая, - сказал маркиз. - Не утомляйтесь, месье, и не трудитесь ради цели, - ответила девушка. Солдат галантно и нежно поцеловал ей руку. — Видите ли, когда женщина отдает свое сердце мужчине, - сказал маркиз, поворачиваясь ко мне, - то ни на шаг больше или меньше это не заставит ее изменить свои чувства. — И не его ноги, - сказала Фаншон, - произвели какое-то впечатление на мое сердце. - Однако, если бы они немного заработали, - сказал маркиз, - вы не были бы необычны в своем образе мыслей; но, аллонс, - продолжал он, обращаясь ко мне. — Эта девушка совершенно очаровательна — у ее возлюбленного внешность храброго парня; — у них всего три ноги, а у нас четыре; — если вы не возражаете, они возьмут экипаж, а мы пойдем пешком в следующую деревню и посмотрим, что можно сделать для этих влюбленных. — Я никогда в жизни не соглашалась на предложение с большим удовольствием.

Солдат начал затрудняться войти в комнату визави. - Ну же, ну же, друг, - сказал маркиз, — я полковник, и твой долг повиноваться: садись без лишних церемоний, и твоя госпожа последует за тобой.

Входите, мой добрый друг, - сказала девушка, - раз уж эти джентльмены настаивают на том, чтобы оказать нам такую честь.

Такая девушка, как ты, сделала бы честь лучшему тренеру Франции. — Ничто не могло бы доставить мне большего удовольствия, чем то, что в моей власти сделать вас счастливой, - сказал маркиз. - Уважайте меня, мой полковник, - сказал солдат. Je suis heureuse comme une reine, said Fanchon. Фаэтон отъехал, и мы с маркизом последовали за ним.

Voyez vous, combien nous sommes heureux nous autres François à bon marché, said the Marquis to me, adding with a smile, le bonheur, à ce qu'on m'a dit, est plus cher en Angleterre. Но я ответил: "Как долго это продлится с этими бедными людьми?" — Ах, за успех, — сказал он, - вуалья, отражение англоязычной жизни - этого я действительно не могу сказать; я также не знаю, как долго проживем вы или я; но я полагаю, что было бы большой глупостью горевать всю жизнь, потому что мы не знаем, как скоро могут прийти несчастья, и потому что мы совершенно уверены, что смерть наконец придет.

Когда мы прибыли на постоянный двор, куда приказали ехать почтальону, мы нашли солдата и Фаншон. После того как я заказал немного еды и вина, — Скажите на милость, сказал я солдату, - как вы предполагаете содержать свою жену и себя? — Тот, кто ухитрился прожить пять лет на солдатское жалованье, - ответил он, - может не испытывать особых трудностей всю оставшуюся жизнь. — Я сносно играю на скрипке, - добавил он, - и, может быть, во всей Франции нет деревни такого размера, где заключалось бы столько браков, как в той, где мы собираемся поселиться, — мне никогда не понадобится работа. — А я, - сказала Фаншон, - умею плести сетки для волос и шелковые кошельки, а также штопать чулки. Кроме того, у моего дяди на руках мои двести ливров, и хотя он шурин судебного пристава и *волонтерье жестокий*, все же я заставляю

его выплатить их до последнего су.— А у меня, - сказал солдат, - в кармане пятнадцать ливров, не считая двух луидоров, которые я одолжил бедному фермеру, чтобы он мог заплатить налоги, и которые он вернет мне, когда сможет.

Вы видите, сэр, - сказала мне Фаншон, - что мы не являемся объектами сострадания.— Разве мы не можем быть счастливы, мой добрый друг (поворачиваясь к своему возлюбленному с выражением изысканной нежности), если в этом нет нашей собственной вины?—Если это не так, *ma douce amie!* - я феррай бьен на равнине, - сказал солдат с большой теплотой.— Я никогда не испытывал более очаровательного ощущения.— На глазах маркиза задрожала слеза. - Мама, - сказал он мне, - ты моя комедиантка, — Затем, повернувшись к Фаншон, подойди сюда, моя дорогая, - сказал он, - пока ты не получишь двести ливров и моя подруга не вернет свои два луидора, прими это от меня, вложив ей в руку кошелек с луидорами. — Я надеюсь, ты продолжишь любить своего мужа и будешь любима им.—Время от времени сообщайте мне, как продвигаются ваши дела и чем я могу быть вам полезен. Это сообщит вам мое имя и где я живу. Но если когда-нибудь вы окажете мне удовольствие навестить мой дом в Париже, обязательно возьмите с собой вашего мужа; ибо я не хотел бы уважать вас меньше или любить больше, чем люблю в эту минуту. Позволь мне иногда видиться с тобой, но всегда приводи с собой своего мужа.— Я никогда не побоюсь доверить ее тебе, — сказал солдат. - Она будет видиться с тобой так часто, как ей заблагорассудится, без моего сопровождения.

Ты потерял ногу из-за чрезмерной отваги (как сказал мне твой сержант), мой лучший друг, - с улыбкой сказала Фаншон своему возлюбленному. *Monsieur le Colonel n'est que trop aimable.* Я буду буквально следовать его совету, и когда я буду иметь честь прислуживать ему, вы всегда будете сопровождать меня.

Благослови вас обоих Господь, мои добрые друзья, - сказал маркиз. - Пусть никогда не узнает, что такое счастье, тот, кто пытается нарушить ваше блаженство!— Моим делом будет найти тебе какое-нибудь занятие, мой однополчанин, более прибыльное, чем игра на скрипке. А пока оставайтесь здесь, пока не прибудет карета, которая доставит вас обоих сегодня ночью в Париж; мой слуга предоставит вам жилье и лучшего хирурга для лечения деревянных ног, которого только можно найти. Когда вы будете должным образом экипированы, позвольте мне увидеть вас, прежде чем вы отправитесь домой. Прощайте, мой честный друг; будьте добры к Фаншон; она, кажется, заслуживает вашей любви. Прощай, Фаншон; я буду счастлив услышать, что через два года ты так же любишь Дюбуа, как и сейчас. С этими словами он пожал Дюбуа руку, отдал честь Фаншон, втолкнул меня в карету перед собой, и мы поехали.

Когда мы возвращались в город, он несколько раз разразился горячими похвалами красоте Фаншон, что внушило мне некоторое подозрение, что у него могут быть на нее другие виды.

Я был достаточно знаком с его свободным образом жизни и незадолго до этого видел его на грани женитьбы на одной женщине, после того как он все уладил, как он это называл, с другой.

Чтобы убедиться в этом лично, я в шуточной форме задал ему вопрос на эту тему.

Нет, друг мой, - сказал он, - я никогда не возьмусь за Фаншон.— Хотя я нахожу ее чрезвычайно хорошенькой, и к тому же той красотой, которая больше всего на мой вкус; все же я больше очарован ее постоянством по отношению к честному Дюбуа, чем чем-либо другим в ней: если

она потеряет это, то потеряет свою величайшую красоту в моих глазах. Если бы она была прикована к угрюмому, измученному, ревнивому парню и желала уладить свои обиды, дело было бы по-другому; но ее сердце приковано к ее старому возлюбленному Дюбуа, который кажется достойным человеком и, осмелюсь сказать, сделает ее счастливой. Если бы я захотел испытать ее, то, весьма вероятно, это было бы напрасно: Постоянство, которое стойко противостояло отсутствию и пушечному ядру, не было бы поколеблено важностью, мишурой и жаргоном *petit-maître*.— Мне приятно верить, что этого не произойдет, и я полон решимости никогда не доводить дело до суда.

П- никогда не казался таким безупречно дружелюбным.

Б- позвонил и поужинал со мной в тот же вечер. Я был слишком поглощен приключением Фаншон и Дюбуа, чтобы не рассказать ему об этом со всеми подробностями поведения маркиза.— Этот ваш черт, - сказал он, - честный малый. Сделайте так, чтобы мы завтра с ним пообедали.— Кстати, - продолжил он после небольшой паузы, - разве эти Ф. не родом из Англии?— Кажется, я слышал о таком названии в Йоркшире.

Adieu.

ПИСЬМО XVI.

Париж.

Мне становится не по себе, когда я слышу, как люди утверждают, что человечество всегда действует из корыстных побуждений. Это создает подозрение, что те, кто поддерживает эту систему, судят о других по своим собственным чувствам. Этот вывод, однако, может быть таким же ошибочным, как и общее утверждение; ибо я слышал, как его поддерживали (возможно, из аффектации) очень незаинтересованные люди, которые, когда их подталкивали, не могли подкрепить свои аргументы, не извратив общепринятого значения языка.— Те, кто совершает великодушные или явно бескорыстные поступки, говорят они, руководствуясь эгоистичными мотивами — удовольствием, которое они сами испытывают.—Есть люди, у которых это чувство настолько сильно, что они не могут пройти мимо несчастного предмета, не попытавшись помочь ему.—Такие люди действительно облегчаются, когда облегчают несчастных.

Все это очень верно: но разве не странно утверждение, что люди не доброжелательны, потому что иначе и быть не может?

Двое мужчин стоят возле фруктовой лавки на Сент-Джеймс-стрит. На витрине несколько ананасов, а снаружи - бедная женщина с младенцем, плачущим у ее пустой груди. Входит один из джентльменов, платит гинеею за ананас, который он спокойно поглощает; в то время как женщина умоляет его дать ей пенни, купить ей кусочек хлеба — и умоляет напрасно: не то чтобы этот благородный джентльмен ценил пенни; но сунуть руку в карман доставило бы ему

некоторые хлопоты; горе женщины не доставляет ему никакого удовольствия. У другого мужчины тоже случайно оказывается в кармане гинея; он отдает ее женщине, идет домой и ужинает бифштексами со своей женой и детьми.

Не обижая вкуса первого, мы можем полагать, что последний получил большее удовлетворение за свою гинею.— Однако вам никогда не убедить меня, что его мотив при даровании этого был таким же эгоистичным, как и у другого.

Через несколько дней после приключения, о котором я упоминал в своем последнем письме, я встретил Ф. и Б. в опере. Они познакомились друг с другом у меня на квартире за два дня до этого, согласно желанию Б.—Мне было приятно видеть их в таких хороших отношениях.

Ф. пригласил нас пойти домой и посидеть с ним часок, прежде чем мы ляжем спать; на что мы согласились.

Затем маркиз сказал нам, что мы будем иметь удовольствие увидеть Фаншон в ее лучшем платье и Дюбуа с его новой ногой, поскольку он приказал своему камердинеру пригласить их с двумя или тремя своими спутниками на небольшой ужин.

Пока маркиз говорил, его карета подъехала к дверям оперы, где в этот момент известная дама ожидала свой экипаж.

Б., казалось, внезапно опомнился и сказал, что, должно быть, его освободили от поездки с нами, поскольку у него дома есть важное дело.

The Marquis smiled—shook B—— by the hand—saying, c'est apparemment quelque affaire qui regarde la constitution, vivent les Anglois pour l'amour patriotique.

Когда мы прибыли к маркизу, слуги и их гости собрались в маленьком саду позади отеля и танцевали при лунном свете под музыку Дюбуа.

Они с Фаншон были приглашены на бокал вина в гостиную маркиза. Сердце бедняги переполнилось радостью при виде своего благодетеля. Он попытался выразить свою благодарность, но голос подвел его, и он не смог произнести ни слова.

Vous n'avez pas à faire a des ingrats, Monsieur le Colonel, said Fanchon. - Мой муж, - продолжала она, - больше тронут вашей добротой, чем потерей ноги или жестокостью моих родственников. Затем она серьезным тоном, с благодарностью в голосе и на естественном языке выразила свои обязательства перед маркизом и обязательства ее мужа; и, среди прочего, она упомянула о двадцати луидорах, которые ее муж получил *от де са парта* в тот же день.— Вы хотите сделать из грешника святого, моя дорогая, - сказал маркиз, - и, чтобы добиться большего успеха, выдумываете фальшивые чудеса. Я ничего не знаю о двадцати луидорах, о которых вы упоминаете.— Но я знаю очень много, потому что они у меня в кармане, - говорит Дюбуа.— Маркиз по-прежнему настаивал, что они пришли не от него. Затем солдат заявил, что заходил около часа дня, чтобы исполнить свой долг перед месье де Ф.; но, не застав его дома, он возвращался к себе домой, когда на улице заметил джентльмена, который внимательно

смотрел на него, который вскоре обратился к нему, спрашивая, не Дюбуа ли его фамилия? Не потерял ли он ногу на Корсике? и на несколько других вопросов, на которые получил утвердительный ответ, он сунул ему в руку двадцать луидоров, сказав, что это поможет обставить его дом.— Дюбуа в изумлении воскликнул. — Боже мой! вуаля, вызов на бис месье де Ф.... На что незнакомец ответил: "Да, он передает вам это от меня", — и сразу же свернул на другую улицу, и Дюбуа его больше не видел.

Мы все были одинаково удивлены необычностью этого маленького приключения. Расспросив более подробно о внешности незнакомца, я убедился, что это не мог быть никто иной, как Б...

Я вспомнил, что история Дюбуа произвела на него впечатление, когда я рассказал ее ему. Вы знаете, что Б. - не из тех, кто позволяет любым эмоциям такого рода проходить без улучшения или растворяться в чувствах. Обычно он находит им какое-то практическое применение. Итак, случайно встретив Дюбуа на улице, он сделал ему этот небольшой подарок описанным выше способом; и, поняв, что Дюбуа и Фаншон были в F..., он отказался идти, чтобы избежать каких—либо объяснений по этому поводу.

Если бы наш друг Б. был человеком системным или много размышлял о своей благотворительности, он бы рассудил, что, поскольку о солдате уже хорошо позаботились и он находится под защитой щедрого человека, ему незачем было вмешиваться в это дело; и он, вероятно, приберег бы свои двадцать гиней для какого-нибудь более неотложного случая.

В мире есть люди (и, без сомнения, это очень полезные и уважаемые люди), которые взвешивают все "за" и "против", прежде чем принять решение, по самому незначительному поводу; которые во всех своих действиях руководствуются приличиями и общепринятыми представлениями о долге. Они взвешивают на самых тонких весах каждое требование, которое может предъявить к ним знакомый, родственник или друг; и они стараются оплатить их по первому требованию, как если бы это был переводной вексель. Они подсчитывают свой доход и соразмеряют все расходы; и, каждую неделю слыша с кафедры утверждения о том, что на деньги, которые раздаются бедным, так или иначе должны быть выплачены чрезвычайно хорошие проценты, они каждый год немного рискуют, решаясь на это предприятие. Их страсти и дела всегда в отличном порядке; они идут по жизни, не обращая внимания на несчастья других. И когда они подходят к концу своего путешествия, их достойно хоронят на церковном дворе.

Есть еще одна категория людей, которые никогда не считают, ибо обычно ими руководит сердце, которое никогда не учило арифметике и ничего не смыслит в счетах. Их разум едва ли имеет право голоса при выборе их знакомых; и без согласия сердца, большинство из них, конечно, не имеют права голоса в их дружеских отношениях. Они совершают акты доброжелательности, не помня, что это долг, просто ради удовольствия, которое они себе позволяют; и, возможно, забывают о них, как забывают о своих собственных удовольствиях, когда они проходят.

Что касается небольших случайных проявлений милосердия, то они так же естественны для таких персонажей, как дыхание; и они столь же незначительны для одного, как и для другого, и все это кажется делом скорее инстинкта, чем размышления.

То, что первый из этих двух классов людей наиболее полезен в обществе; что их дела будут вестись с величайшей осмотрительностью; что они будут держаться подальше от многих

передряг и трудностей, в которые могут попасть другие; и что они (если вы будете настаивать на этом очень жаростно) самые добродетельные из двух, я не стану оспаривать; и все же в глубине души я не могу не предпочесть второго; ибо почти все друзья, которые у меня когда-либо были в жизни, принадлежат ко второму классу.

ПИСЬМО XVII.

Париж.

Учитывая природную веселость и непостоянство французской нации, я часто удивлялся их пристрастию к трагедиям, особенно потому, что их трагедии лишены инцидентов, полны длинных диалогов и декламационных речей; — и смоделированы в соответствии со строжайшим кодексом критического законодательства.

Самые жизнерадостные и модные люди обоего пола стекаются на эти развлечения, предпочитая их всем остальным, и слушают с неослабевающей серьезностью и вниманием. Можно было бы предположить, что такое серьезное, корректное и единообразное развлечение больше соответствовало бы флегматичному и угрюмому характеру англичан, чем веселому, непостоянному нраву французов.

Английская публика любит шоу, суету и инциденты в своих трагедиях; и испытывает смертельное отвращение к длинным диалогам и речам, какими бы прекрасными ни были чувства и каким бы красивым ни был язык.

В этом, по-видимому, две нации изменили характеры. Возможно, было бы трудно объяснить это удовлетворительным образом. Я не буду пытаться. Француз сократил бы этот вопрос, сказав, что у парижской публики более правильный вкус, чем у лондонской; что одну можно развлечь и восхитить поэзией и чувствами, в то время как другую невозможно удержать в сознании без суеты, стражи порядка, процессий, труб, драк и убийств.

Что касается меня, то я больше восхищаюсь французской Мельпоменой в глубине души, чем на сцене. Я не могу примириться с французскими актерами трагедии. Их напыщенная манера декламировать кажется мне очень неестественной. Напыщенность, великолепные жесты и то, что они называют *la manière noble*, их хваленого *Le Kain*, на мой взгляд, кажутся немного чрезмерными.

Справедливость, величественная простота, энергия действий Гаррика уничтожили мое пристрастие к любой манере поведения, отличной от его. То изысканное, но скрытое искусство, ту волшебную силу, с помощью которой он мог растопить, заморозить, вселить ужас в душу и повелевать послушными страстями по своему усмотрению, мы тщетно ищем на нашей собственной или любой другой сцене.

То, что Гораций сказал о Природе, может быть с равной справедливостью применено и к этому непревзойденному актеру:

—Juvat, aut impellit ad iram,

Aut ad humum mœrore gravi deducit, et angit.

Одна из самых сложных вещей в актерской игре - это умение игрока скрывать себя за персонажем, которого он принимает: В тот момент, когда зритель видит его, вся иллюзия исчезает, и удовольствие сменяется отвращением. В Эдипе, Магомете и Оросмане я всегда узнавал Ле Каина; но я видел, как английский Росций изображал Гамлета, Лира, Ричарда, не вспоминая, что на свете был такой человек, как Дэвид Гаррик.

Французские трагики, на мой взгляд, склонны *переступать через природную скромность*. Природа - это не тот критерий, по которому следует оценивать их заслуги.— Зрители оценивают их по более высоким стандартам, и если они не соответствуют им, они не смогут пройти проверку.

Естественные действия и естественную речь они, по-видимому, считают несовместимыми с достоинством и воображают, что герой должен заявлять о величии своей души надменными взглядами, надменными жестами и глухо звучащим голосом. Такой непринужденный фамильярный диалог, какой Гамлет ведет со своим старым школьным товарищем Горацио, кажется им низким, вульгарным и несовместимым с достоинством трагедии.

Но если простота манер не противоречит в реальной жизни гениальности и самому возвышенному величию ума, я не понимаю, почему актер, изображающий героя, должен прибегать к жестам, которые, как у нас нет оснований думать, когда-либо использовались в какую-либо эпоху или среди людей любого ранга.

Однако простота нравов настолько далека от того, чтобы быть несовместимой с великодушием, что первое по большей части сопутствует другому. У французов есть некоторые основания придерживаться этого мнения, поскольку двое величайших людей, когда-либо рожденных их нацией, отличались простотой манер. Генрих IV. и Марешаль Тюренн отличались этим, а также своим великодушием и другими героическими добродетелями.

Насколько бесконечно превосходили эти люди по реальному величию и внутренним достоинствам напыщенного Льюиса, который всегда изображал величие, которым никогда не обладал, - пока несчастье не смирило его разум до уровня человечности? Тогда действительно, отбросив свое великолепие и бахвальство, он обрел истинное достоинство и впервые заслужил восхищение рассудительных людей. Что касается переписки с де Торси, то письма Льюиса, которые, как теперь точно известно, были написаны им самим, доказывают это и демонстрируют здравость суждений и истинное величие ума, которые редко проявлялись в зените того, что они называют его славой.

Чем Льюис (на пике своего процветания) был для Генри в основных качествах короля и Героя, тем Ле Кейн был для Гаррика как актер.

Французская сцена в настоящее время может похвастаться более чем одной актрисой, которая может поспорить с миссис Йейтс или миссис Барри за лавр трагедии.

В комедии французские актеры превосходны и всегда могут сыграть гораздо большее количество ролей, намного превосходящих посредственность, чем можно найти на английской сцене.

Национальный характер и манеры французов, возможно, дают им преимущества в этой области; и, кроме того, у них больше ресурсов, чтобы снабжать их актерами всех мастей. Во всех крупных торговых и промышленных городах, которых во Франции великое множество, созданы театры. То же самое происходит в большинстве приграничных городов и везде, где есть гарнизон из двух или трех полков.

Труппы французских комедиантов есть также при северных дворах, во всех крупных городах Германии и при некоторых дворах Италии. Все это академии, готовящие актеров для парижской сцены.

Особенно в благородных комедиях, я полагаю, французские актеры превосходят наших. В целом они больше похожи на светских людей.

Во Франции нет такой разницы между манерами и поведением людей первого ранга и людей среднего и низшего звена, как в Англии. Таким образом, игроки, желающие перенять манеры людей высокого ранга и моды, не берутся за столь важную задачу в одной стране, как в другой.

Вы очень редко встретите слугу—англичанина, который мог бы сойти за человека знатного или модного; и, соответственно, очень немногие люди, оказавшиеся в таком положении, когда—либо появлялись на английской сцене: но в Париже есть много *камердинеров*, настолько вежливых, настолько в совершенстве владеющих всеми тонкостями этикета, модными фразами и обычным поведением *бомонда*, что, если бы их выделяли украшения одежды и экипировки, они сошли бы при многих дворах Европы за светских людей, *très polis, bien aimables*. ,-tout-a-fait comme il faut, et avec infiniment d'esprit; и мог быть обнаружен только при французском дворе или теми иностранцами, которые имели возможность наблюдать и проницательно различать подлинную непринужденность и естественную вежливость, которые преобладают среди знатных людей в этой стране.

В образе живого, вздорного, благородного модельера Молле превосходит любого лондонского актера.

Превосходство французов в благородной комедии еще более очевидно в отношении актрис. Очень немногие английские актрисы были равны ролям леди Бетти Модииш в "Беспечном муже" или Милламант в "Пути света". Вопиющий абсурд, экстравагантная глупость и жеманство легко имитируются; но элегантно кокетство, живая, игривая, приятная жеманность этих двух тонко воображаемых персонажей требуют большей силы. Однако, исходя из исполнения, которое я наблюдал в похожих ролях, я полагаю, что в настоящее время на французской сцене есть несколько актрис, которые могли бы отдать им должное. За исключением миссис Барри и миссис Абингтон, я не знаю ни одной актрисы в Англии, которая могла бы дать адекватное представление обо всем, что Конгрив имел в виду в "Милламант".

Примечательно, что последняя также выделяется характером, совершенно противоположным этому, - характером плохо обученной, взбалмошной деревенской девушки. Возможно, во Франции нет такой юной леди, как мисс Прю Конгрива, но если бы таких оригиналов было

много, ни одна актриса в этом королевстве не смогла бы создать копию более изысканную, чем миссис Абингтонс.

В низкой комедии французы восхитительны. Я не могу составить представления о чем-либо, превосходящем Превиля во многих его ролях.

Маленькие французские оперы, которые ставят в Итальянской Комеди, исполняются в гораздо более приятной манере, чем что-либо подобное в Лондоне. Их балеты также красивее: — В их манере представлять эти маленькие причудливые пьесы есть благородство и легеретность, из-за которых наши певцы и танцоры кажутся несколько неуклюжими в компаньоне.

Что касается итальянских пьес, то теперь они исполняются всего три раза в неделю, и французы, похоже, в значительной степени утратили к ним интерес. Карлин, знаменитый Арлекин, является единственной опорой этих произведений. Вы знакомы с удивительной наивностью и комической силой этого человека, которые заставляют нас забыть об экстравагантности итальянской драмы и которые могут создавать объекты безграничного веселья из хаоса самых бессвязных и абсурдных материалов.

Привлекательная фигура, изящные манеры, хороший голос, хорошая память, точное суждение — все это требуется от игрока: Чувствительность и способность выражать сердечные эмоции голосом и чертами лица незаменимы. Поэтому кажется неразумным не считать достойной уважения эту профессию, в которой мы ожидаем объединения стольких качеств; в то время как многие другие считаются респектабельными, в которых мы ежедневно видим людей, достигающих высот без здравого смысла.

Это предубеждение все еще сильнее во Франции, чем в Англии. В компании, где Монс. случайно было упомянуто, что король Франции только что назначил пенсию некоему престарелому актеру. Присутствовавший офицер, устремив взгляд на Ле Кена, выразил свое возмущение тем, что так много было даровано негодяю-игроку, в то время как сам он ничего не получил. *Eh, Monsieur! retorted the actor, comptez-vous pour rien la liberté de me parler ainsi?*

ПИСЬМО XVIII.

Женева.

В последнюю неделю моего пребывания в Париже я был так взволнован, что написать вам было не в моих силах.

Десять тысяч мелких дел, которые можно было бы организовать гораздо лучше и выполнять с большей легкостью, если бы они решались по мере их возникновения, были загнаны ленивым демоном прокрастинации в последнюю напряженную неделю и выполнены несовершенным образом.

Я часто восхищался, не имея возможности в совершенстве подражать, теми, кто обладает счастливым талантом сочетать бизнес с развлечениями.

Удовольствие и бизнес контрастируют и придают друг другу пикантность, как день и ночь, постоянные перипетии которых гораздо более восхитительны, чем были бы непрерывные полгода того и другого.

Чтобы проводить жизнь наиболее приятным образом, не следует быть ни настолько любителем удовольствий, чтобы откладывать любые необходимые дела, ни настолько деловым человеком, чтобы презирать элегантные развлечения. Правильное сочетание того и другого образует более безошибочное средство против скуки и переутомления, чем постоянный режим, состоящий из самых приятных из двух.

Как только я обнаружил, что Д-из Н- расположены покинуть Париж, я сделал необходимые приготовления к нашему отъезду, и через несколько дней после этого мы отправились в наше путешествие.

Проехав через Дижон, Шалон, Макон и страну, восхитительную для созерцания, но утомительную для описания, мы прибыли в Лион на четвертый день.

После Парижа Лион - самый великолепный город Франции, оживленный промышленностью, обогащенный торговлей, украшенный богатством и своим расположением в центре плодородной страны, у слияния Соны и Роны. Численность жителей оценивается в 200 000 человек. Театр считается лучшим во Франции, и всю парижскую роскошь можно найти в Лионе, хотя и не в таком совершенстве.

Манеры и разговор купцов и фабрикантов обычно считались присущими только им самим. Совершенно очевидно, что в этих деталях существует разительная разница между жителями всех промышленных и торговых городов Британии и жителями Вестминстера. Я не мог заметить такой же разницы между манерами и обращением жителей Лиона и придворных самого Версаля.

Мне показалось, что между ними есть удивительное сходство. Однако вполне вероятно, что француз заметил бы разницу там, где я не смог бы. Иностранец не замечает различий в акцентах, с которыми англичанин, шотландец и ирландец говорят по-английски; возможно, он также не замечает никакой разницы между манерами и обращением жителей Бристоля и Гросвенор-сквер, хотя все это очевидно для уроженца Англии.

После короткого пребывания в Лионе мы отправились в Женеву и оставались здесь эти три недели, не испытывая ни малейшего желания менять место действия. В том, что я захотел остаться здесь, нет ничего удивительного, но вряд ли можно было ожидать, что Д-из Н - были бы того же мнения.— К счастью, однако, это так. Я не знаю ни одного места на континенте, куда мы могли бы отправиться с какой-либо вероятностью выиграть от перемены: возможностей для совершенствования здесь много, развлечений мало, и они умеренного рода: часы текут очень гладко, и хотя они не всегда ускоряются от удовольствия, их не омрачает истома и не омрачают угрызения совести.

Что касается меня, то я так часто и так прискорбно разочаровывался в своих надеждах на счастье от перемен, что без какого-либо веского мотива не склонен отказаться от своего нынешнего состояния удовлетворенности ради возможности получить более изысканные удовольствия в другом месте или ситуации.

Я, наконец, узнал на собственном опыте (ибо не каждый двадцатый пользуется опытом других), что один из величайших источников досады проистекает из наших слишком оптимистичных надежд насладиться ожидаемыми благами и слишком большого безразличия к тем, которыми мы обладаем. Мы презираем тысячи источников удовлетворения, которые могли бы получить за это время, и позволяем нарушать наш комфорт, а время проводить без радости, из нетерпения получить какое-то воображаемое удовольствие на расстоянии, которого мы, возможно, никогда не получим, или которое, будучи получено, может изменить свою природу и перестать быть удовольствием. Янг говорит,

Настоящего момента, как жены, мы избегаем,

И никогда не наслаждаемся, потому что это наше собственное.

Таким образом, дьявол лишает людей возможности наслаждаться как этой жизнью, так и той, которая грядет, заставляя нас в первую очередь предпочитать удовольствия этой жизни удовольствиям будущего состояния, а затем постоянно предпочитать будущие удовольствия в этой жизни тем, которые есть сейчас.

Сумма всех этих апофтегм сводится к следующему: Мы, безусловно, останемся в Женеве до тех пор, пока она нам не надоеет больше, чем сейчас.

ПИСЬМО XIX.

Женева.

Положение Женевы во многих отношениях настолько счастливое, насколько только может пожелать сердце человека или представить его воображение. Рона, вытекающая из самого благородного озера в Европе, протекает через центр города, который окружен плодородными полями, возделанными промышленностью и украшенными богатством и вкусом жителей.

Длинная горная гряда, называемая горой Юра, с одной стороны, с Альпами, ледниками Савойи и снежной вершиной Монблан- с другой, служат границей самого очаровательного пестрого пейзажа, который когда-либо радовал глаз.

Имея эти преимущества в зависимости от ситуации, граждане Женевы наслаждаются свободой, не запятнанной распушенностью, и безопасностью, не купленной ужасами войн.

Большое количество литераторов, которые либо являются уроженцами этого места, либо выбрали его для своего проживания, приличные манеры, легкие обстоятельства и гуманный нрав женеvцев в целом, делают этот город и его окрестности очень желанным убежищем для людей философского склада ума, которые довольствуются умеренными и спокойными развлечениями, не имеют местных привязанностей или бытовых причин предпочесть другую страну и которые в определенной степени желают удалиться от мирской суеты в более узкое и спокойное место и там провести остаток своей жизни. дни—

Ducere sollicitæ jucunda oblivia vitæ.

Поскольку образование здесь одинаково дешевое и либеральное, жители Женевы обоего пола на удивление хорошо образованы. Я не представляю, что какая-либо страна в мире может произвести равное количество людей (выбранных без избрания представителей всех степеней и профессий) с таким развитым умом, каким обладают жители Женевы.

Нередко можно встретить механиков, которые в перерывах между работой развлекаются трудами Локка, Монтескье, Ньютона и другими произведениями того же рода.

Когда я говорю о дешевизне гуманитарного образования, я имею в виду только для местных жителей и горожан; ибо иностранцам сейчас в Женеве дорого все. Куда бы ни прибегали англичане, везде так. Если они не находят вещи дорогими, они вскоре делают их такими.

Демократический характер их правительства внушает каждому гражданину представление о собственной значимости: он понимает, что ни один человек в республике не может безнаказанно оскорблять его или даже пренебрегать им.

Это прекрасное обстоятельство при любом правительстве, когда самому могущественному человеку в государстве есть чего опасаться от самого слабого. Так обстоит дело и здесь: самый ничтожный гражданин Женевы обладает определенными правами, которые делают его объектом, заслуживающим величайшего внимания. Кроме того, сознание этого заставляет его уважать самого себя; чувство, которое в надлежащих пределах имеет тенденцию делать человека уважаемым в глазах других.

Общий характер человеческой природы запрещает нам ожидать, что люди всегда будут действовать из общественных побуждений, без оглядки на частные интересы. Таким образом, наилучшей формой правления является та, при которой интересы отдельных лиц наиболее тесно переплетаются с общественным благом.— Это может быть более совершенным в маленькой республике, чем в великой монархии.—В первом случае гениальных и добродетельных людей обнаруживают и призывают на ответственные должности благодаря беспристрастному восхищению их сограждан; в другом — высшие должности распределяются по прихоти принца, или его любовницы, или тех придворных, мужчин или женщин, которые находятся ближе всего к нему, следят за изменениями его юмора и знают, как воспользоваться моментами улыбки и обратить их в свою пользу или в пользу своих подчиненных. Монтескье говорит, что чувство чести производит в монархии те же эффекты, что общественный дух или патриотизм в республике: Следует помнить, однако, что первое, согласно современному пониманию этого слова, обычно присуще знати и мелкопоместным слоям населения; тогда как общественный дух является более универсальным принципом и распространяется на всех членов государства.

Насколько я могу судить, дух независимости и свободы, смягченный чувствами порядочности и любовью к порядку, самым замечательным образом влияет на умы подданных этой счастливой республики.

Еще до того, как я познакомился с ними, у меня сложилось мнение, что жители этих мест фанатичны, мрачны и необщительны, какими были пуритане в Англии и пресвитериане в

Шотландии во время гражданских войн и правления Карла II и его брата. Однако я нахожу, что в этом случае у меня возникло очень ошибочное представление.

Осмелюсь утверждать, что в Европе нет города, где умы людей были бы менее подвержены влиянию суеверий или фанатичного энтузиазма, чем в Женеве. Сервет, будь он сейчас жив, не подвергался бы ни малейшему риску преследования. Я убежден, что у нынешнего духовенства так же мало склонности, как и силы приставать к любому человеку из-за спекулятивных мнений. Если бы сам папа Римский выбрал этот город для своего убежища, это была бы его собственная вина, если бы он не жил в такой же безопасности, как в Ватикане.

Женевское духовенство в целом - люди здравомыслящие, образованные и умеренные, они внедряют в умы своих слушателей догматы христианства со всем изяществом проповеднического красноречия и своим поведением в жизни иллюстрируют действенность учения.

Жители каждой станции в этом месте посещают проповеди и богослужения с поразительной пунктуальностью. В часы богослужения воскресенье соблюдается с величайшим почтением, но как только оно заканчивается, начинаются все обычные развлечения.

Общественные прогулки заполнены людьми всех степеней в их лучших нарядах.—Различные общества и то, что они называют кругами, собираются в домах и садах отдельных людей.— Они играют в карты и боулинг и устраивают вечеринки на озере с музыкой.

Есть один обычай, универсальный здесь и, насколько я знаю, характерный только для этого места: родители создают общества для своих детей в очень ранний период их жизни. Эти общества состоят из десяти или более детей одного пола, почти одинакового возраста и жизненной ситуации. Они собираются раз в неделю в домах разных родителей, которые по очереди угощают компанию чаем, кофе, печеньем и фруктами, а затем предоставляют юному собранию свободу общения.

Эта связь строго поддерживается на протяжении всей жизни, какие бы изменения ни происходили в ситуациях или обстоятельствах отдельных людей. И хотя впоследствии у них завязываются новые или более близкие отношения, они никогда полностью не покидают это общество; но до последнего периода своей жизни продолжают проводить несколько вечеров в год с товарищами своей юности и своими первыми друзьями.

У более богатого класса горожан есть загородные дома по соседству с городом, где они проводят половину года. Все эти дома опрятные, а некоторые и великолепные. Они обладают одним образцом великолепия в большем совершенстве, чем может похвастаться самая великолепная вилла величайшего лорда в любой другой части мира, я имею в виду перспективу, которой обладают почти все из них.—Сады и виноградники республики, — Па—де—Во;—Женева с ее озером;—бесчисленные загородные места;—замки и маленькие городки вокруг озера;—долины Савойи и самые высокие горы Альп - все в пределах видимости.

Те, чье состояние или занятия не позволяют им провести лето в деревне, часто устраивают увеселительные вечеринки на озере, обедают и проводят вечер в какой-нибудь из окрестных деревень, где развлекаются музыкой и танцами.

Иногда они объединяются в кружки, состоящие из сорока или пятидесяти человек, и покупают или нанимают дом с садом недалеко от города, где собираются летом каждый день после обеда, пьют кофе, лимонад и другие освежающие напитки; и развлекаются картами, беседой и игрой в шары; игра, сильно отличающаяся от той, что носит то же название в Англии; ибо здесь вместо ровной зеленой лужайки они часто выбирают самый грубый и неравномерный участок земли. Игрок, вместо того чтобы катать миску, бросает ее таким образом, чтобы она оставалась в том месте, где впервые коснулась земли; и если это удачная ситуация, следующий игрок бросает свою миску прямо на миску своего противника, чтобы заставить ее отскочить, в то время как его собственная фиксируется на том месте, с которого был смещен другой игрок.— Некоторые горожане удивительно ловки в этой игре, которая сложнее и интереснее английской манеры игры.

Обычно они продолжают эти круги до наступления вечерних сумерек, и бой барабана с крепостных стен созывает их в город; и в это время ворота закрываются, после чего ни один человек не может войти или выйти, офицер стражи не имеет права открыть их без приказа Синдиков, который можно получить только в случае крайней необходимости.

ПИСЬМО XX.

Женева.

Мягкость климата, возвышенные красоты местности и приятные манеры жителей, на мой взгляд, не самые большие достопримечательности этого места.

На том же холме, в окрестностях Женевы, в настоящее время проживают три английские семьи, общество которых сделало бы приятными любую страну.

Дом мистера Н. - это храм гостеприимства, хорошего настроения и дружбы.

Рядом с ним живет ваш знакомый мистер У. Он полностью соответствует вашему описанию, живой, разумный и услужливый; и, я полагаю, счастливее, чем когда-либо, кого вы видели, поскольку с тех пор он выиграл большой приз в супружеской лотерее.

Их ближайшие соседи - семья мистера Л... Этот джентльмен, его супруга и дети представляют собой одну из самых приятных картин семейного благополучия, которые я когда-либо видел. Сам он - человек утонченного вкуса, доброжелательного ума и элегантных манер.

Эти три семьи, живущие в величайшей сердечности с жителями Женевы, своими соотечественниками и друг с другом, делают холм Колоньи, возможно, на данный момент, самым восхитительным местом в мире.

Английские джентльмены, проживающие в городе, часто навещают сюда и принимают участие в вечеринках лучшего общества Женевы.

Мне говорили, что наши молодые соотечественники никогда не были в таких дружеских и общительных отношениях с гражданами этой республики, как в настоящее время, в значительной степени благодаря примирительным манерам этих трех семей и большой популярности английского дворянина, который несколько лет прожил со своей супругой и сыном в этом штате.

Ранее я упоминал, что все, кто живет в городе, должны возвращаться из своих поездок за город на закате солнца, иначе они наверняка окажутся взаперти; женевцы удивительно ревнивы как к внешним, так и к внутренним врагам их независимости. Эта ревность передавалась из поколения в поколение с тех пор, как в 1602 году герцог Савойский предпринял попытку захватить город.

Он повел армию посреди темной ночи, в мирное время, к воротам, прикрепил штурмовые лестницы к валам и стенам и, застигнув сентинельцев врасплох, несколько сотен савойских солдат действительно проникли в город, а остальные последовали за ним, когда их, наконец, обнаружила женщина, поднявшая тревогу.

Женевцы очнулись ото сна, схватили самое готовое оружие, какое смогли найти, напали на нападавших с мужеством и энергией, многих убили на улице, других выгнали за ворота или сбросили с крепостного вала, а тем немногим, кого взяли в плен, на следующее утро отрубили головы без дальнейших процедур или церемоний.

Женевцы ежегодно отмечают день, в который был совершен этот памятный подвиг, как день общественного благодарения и ликования.

Это называется le jour de l'Escalade. Во всех церквях совершается богослужение. Священнослужители по этому случаю после проповеди кратко излагают все обстоятельства этого интересного события; напоминают слушателям о благодарности, которой они обязаны Божественному Провидению и доблести своих предков, которые столь замечательным образом спасли их от гражданского и религиозного рабства; перечисляют особые благословения, которыми они пользуются; и в самом патетическом тоне призывают их беречь свои свободы, оставаться непоколебимыми в своей религии и передать эти и все другие свои преимущества в неизменном виде своим потомкам.

Вечер jour de l'Escalade проводится в посещениях, пиршествах, танцах и всевозможных развлечениях; ибо женевцы редко отваживаются на большое празднество, пока они предварительно не исполнят свои религиозные обязанности — соблюдая при этом максимум Псалмопевца, — чтобы разделить трепет с их весельем.

Государство содержит на жалованье гарнизон из шестисот наемников, которые несут охрану и несут службу каждый день. Но они не доверяют безопасности республики только им. Все граждане Женевы - солдаты. Их тренируют по несколько часов ежедневно в течение двух месяцев, каждое лето; в течение этого времени они носят свою форму, и в конце этого периода Синдикат проверяет их.

Поскольку они не получают жалованья, а офицеры являются их согражданами, невозможно представить, что эти войска будут выполнять физические упражнения и военные эволюции с

точностью солдат, у которых нет других занятий и которые подчиняются всей строгости военной дисциплины.

Тем не менее они представляют собой весьма respectable фигуру даже в глазах незаинтересованных зрителей; которых, однако, немного, большую часть составляют их собственные родители, жены и дети. Так что, смею поклясться, в мире нет войск, на которые на смотр смотрели бы с большим одобрением, чем на войска Женевы.

Даже постороннему человеку с умеренной долей чувствительности, который помнит связь между войсками и зрителями, который замечает тревогу, нежность, ликование и различные сердечные движения, читающиеся на лицах зрителей, будет трудно оставаться равнодушным; Но, сочувствуя всем окружающим, он, естественно, поддастся приятным эмоциям и, наконец, увидит женевское ополчение глазами гражданина республики.

Женева, как и все свободные государства, подвержена партийному гневу, и общественное согласие часто нарушается политическими дразнами. Не вдаваясь в подробности конкретных споров, которые волнуют их в настоящее время, я скажу вам в общих чертах, что одна часть граждан обвиняется в намерении передать всю власть в руки нескольких семей и установить полную аристократию. Другие выступают против любых мер, которые, как предполагается, имеют такую тенденцию, и их противники обвиняют их в крамольных замыслах.

Незнакомцам, проживающим здесь сколько-нибудь значительное время, трудно соблюдать строгий нейтралитет. Англичане, в частности, чрезвычайно склонны выступать на той или иной стороне; и поскольку правительство до сих пор не пыталось их подкупить, они обычно присоединяются к оппозиции.

Прогуливаясь однажды днем с молодым дворянином, в котором сильный вкус к натурфилософии сочетается с самым страстным рвением к гражданской свободе, мы проходили мимо сада, в котором собирается один из тех кружков, которые поддерживают претензии магистратуры. Я предложил присоединиться к ним. "Нет, - сказал милорд с негодованием, - я ни на минуту не войду в такое общество: я считаю этих людей врагами своей страны, а это место - средоточием пожирания свободы".

Среди самих граждан политические споры ведутся с большим пылом и воодушевлением. Очень достойный старый джентльмен, в доме которого я часто бывал с большим гостеприимством, горячо критикуя определенные меры совета, утверждал, что все те, кто их продвигал, заслуживают смерти; и если бы это зависело от него, их всех следовало бы повесить, не теряя времени. Его брат, который был в таком затруднительном положении, прервал его и сказал тоном, который, казалось, молил о пощаде, Боже милостивый! брат! конечно, вы бы не зашли в своем негодовании так далеко: вы бы на самом деле не повесили их? *Oui assurément, replied the patriot, with a determined countenance, et vous, mon très cher frère, vous seriez le premier pendu pour montrer mon impartialité.*

ПИСЬМО ХХІ.

Женева.

Хотя в этой республике долгое время царил глубокий мир и нет большой вероятности того, что вскоре она будет вовлечена в кровавый конфликт, тем не менее граждане Женевы не менее любят помпезность войны.

Это проявляется в том, что они называют своими военными пирами, которые являются их самыми любимыми развлечениями и которыми они пользуются при любой возможности.

Недавно я присутствовал на очень грандиозном приеме такого рода, который давал король аркебузирова при своем восшествии на королевский сан.

Это звание, которому завидуют, не передается по наследству и не достигается путем выборов, но приобретается благодаря умению и реальным заслугам.

Война с этим государством, как и война за Трою, обязательно должна состоять из осады. Поэтому считается, что умелое использование пушек и аркебузов имеет первостепенное значение. В течение нескольких месяцев каждого года значительное число граждан почти постоянно заняты стрельбой по мишени, расположенной на надлежащем расстоянии.

Любой гражданин имеет право за небольшую плату испытать свое мастерство таким образом; и после должного количества испытаний самый опытный стрелок объявляется королем.

За последние десять лет коронации подобного рода не проводилось, поскольку его покойное Величество все это время мирно владел трон. Но этим летом было установлено, что мистер Мозес Модриер превзошел в мастерстве каждого участника; и единогласным решением судей он был возведен на трон.

Синдики проводили его с поля боя до его собственного дома под одобрительные возгласы народа. Некоторое время спустя, в день его праздника, на равнине, за воротами города, был разбит лагерь.

Здесь были собраны все силы республики, как конные, так и пешие, и разделены на две отдельные армии. Они должны были разыграть битву в честь его Величества, причем все сражающиеся предварительно изучили свои роли.

Эта очень остроумная военная драма была написана одним из преподобных священников, который, как говорят, обладает весьма обширным военным гением.

Чтобы дамы и знатные люди, которые не должны были участвовать в настоящем сражении, могли наблюдать за происходящим с большей легкостью и безопасностью, для них был приготовлен большой амфитеатр из сидений на удобном расстоянии от поля битвы.

Когда все было готово, Синдики, Совет, знатные люди, родственники и фавориты короля собрались во дворце его Величества, который представляет собой небольшой уютный дом,

расположенный в узком переулке в нижней части города. Из дворца процессия двинулась в следующем порядке:

Его Величество шел первым, поддерживаемый двумя старшими синдиками.

В следующем ряду шел герцог Х., самый младший.

За ними шли лорд Сент—пе, принц Галлитцен, мистер Клайв, сын лорда Клайва; мистер Гриль, сын покойного министра; мистер Сент-Л. и многие другие английские джентльмены, приглашенные на праздник.

Следом за ними шел Совет двадцати пяти, а замыкали процессию ближайшие друзья и родственники короля.

В таком порядке они прошли маршем по городу, сопровождаемые музыкальным оркестром, который играл, как вы можете себе представить, самые боевые мелодии, какие только могли придумать.

Когда этот отряд прибыл на поле боя, где были выстроены войска, офицеры поприветствовали их; и, совершив полный обход обеих армий, король и все его приближенные заняли свои места в амфитеатре, который был приготовлен для этой цели.

Нетерпение войск было очень заметно в течение некоторого времени. Когда король сел, их пыл больше нельзя было сдерживать. Они громко призывали своих офицеров вести их к славе.— Сигнал был подан.—Они двинулись в атаку самым бесстрашным образом. Сознавая, что они сражаются на глазах у своего Короля, Синдиков, своих жен, детей, матерей и бабушек, они презирали мысли об отступлении.—Их не потревожил самый плотный огонь. Они улыбались грохоту пушек и, подобно коню в "Иове", кричали под звуки труб: "ха, ха!"

Изобретательный автор этой битвы позаботился разнообразить ее несколькими занимательными эпизодами.

Одна из армий устроила засаду за деревьями, чтобы застать врага врасплох.— Это удалось чудом, хотя засада была выставлена на виду у обеих армий и у всех зрителей.

Обоз с провизией, двигавшийся навстречу одной из армий, был атакован отрядом другой; и после ожесточенной перестрелки одна половина повозок была унесена нападавшими, а другая осталась у войск, для которых они, по—видимому, изначально предназначались.

Деревянный мост подвергся яростной атаке и столь же решительно оборонялся; но в конце концов был разнесен на куски обеими армиями, ибо в ярости боя сражающиеся забыли, был ли этот несчастный мост их другом или врагом. Каким образом он попал в гущу сражения, я никогда не мог себе представить, потому что на всем поле не было ни реки, ни ручья, ни рва.

Кавалерия с обеих сторон творила чудеса.—Трудно было определить, кто из генералов отличился больше всего. Они оба были одеты в наряды, пышно расшитые кружевами, поскольку

на этот день были отменены законы о роскоши, чтобы битва была как можно более великолепной.

Поскольку ни один из этих доблестных командиров не согласился бы на поражение, преподобный инициатор сражения не смог сделать катастрофу столь решительной и впечатляющей, как он намеревался.

В то время как Победа с равновеликими крыльями парила над обеими армиями, из ратуши прибыл гонец с известием, что обед готов. Эта новость быстро распространилась среди сражающихся и произвела эффект, подобный тому, который произвели сабинянки, когда они бросились между своими насильниками и своими родственниками. Воины Женевы сразу смягчились, и обе армии прекратили свою вражду, предавшись созерцанию того, что они обе любили.—Они бросили оружие, пожали друг другу руки и стали друзьями.

Так закончилась битва. Не знаю, как это подействует на вас, но меня это так утомило, что я потерял всякий аппетит к пиршеству, которое, следовательно, придется отложить до следующего поста.

ПИСЬМО XXII.

Женева.

Та же самая компания, которая сопровождала короля на поле битвы, прошла вместе с ним в процессии от него до Ратуши, где было приготовлено роскошное угощение.

Это было полной противоположностью шампанскому празднику, проводившемуся в городском доме и посреди прилегающих улиц, где были накрыты столы и накрыт ужин для нескольких сотен офицеров и солдат.

Король, синдики, большинство членов Совета и все иностранцы обедали в ратуше. В других комнатах, а также во внешнем дворе тоже было полно гостей.

За обедом царил гораздо больший хаос, чем во время битвы, а в остальном развлечение было почти таким же воинственным.

Посреди зала был установлен барабан, на котором при каждом тосте произносились воинственные жесты. На это немедленно ответили барабаны и трубы за пределами зала, а также пушки бастиона.

Любимый тост — за процветание республики: -Когда это было объявлено первым синдиком, вся компания встала с обнаженными мечами в одной руке и бокалами, наполненными вином, в другой.

Произнеся тост, они скрестили мечи - церемония, которая всегда проводится в каждом кругу или клубе, где проводится публичный ужин, независимо от того, как часто называется этот конкретный тост.— Это старый обычай, и он подразумевает, что каждый мужчина готов сражаться в защиту республики.

После того, как мы провели за столом около двух часов, состоялась новая церемония, которой я никак не ожидал в разгар застолья. Сотня гренадеров с обнаженными шпагами с большой торжественностью прошествовала на середину зала, поскольку столы были расставлены в форме подковы, и посередине оставалось свободное пространство, достаточное для того, чтобы они могли поместиться.

Они попросили разрешения произнести тост; получив это разрешение, каждый из гренадеров выверенным движением, похожим на движение на учениях, вытащил из кармана большой стакан для воды, который был немедленно наполнен вином, и один из солдат от имени всех выпил за здоровье короля Моисея первого. Его примеру последовали его товарищи и вся компания, и их немедленно приветствовали звуком барабанов, труб и артиллерии.

Когда гренадеры выпили это и произнесли еще пару тостов, они развернулись и вышли из зала с той же торжественностью, с какой вошли, заняв свои места за столиками на улице.

Вскоре после этого в зал вошел фантастически одетый мужчина и раздал собравшимся несколько печатных листов, которые, казалось, были взяты прямо из типографии.

Оказалось, что это песня, написанная специально для этого случая, полная веселья, остроумия и здравого смысла, указывающая в юмористической форме на преимущества, которыми обладали жители Женевы, и призывающая их к единодушию, трудолюбию и общественному духу.—Эту песенку спел человек, который ее принес, в то время как многие из компании присоединились к припеву.

Когда мы спустились из ратуши, то увидели солдат вперемешку со своими офицерами, которые все еще сидели за столами на улице в окружении своих жен и детей.

Вскоре после этого все они встали и, разделившись на разные группы, отправились на крепостные валы, в поля и сады, где с музыкой и танцами продолжали веселиться остаток вечера.

Вся выставка того дня, хотя и не очень точно изображавшая маневры войны или элегантность придворных приемов, представляла собой самую живую картину веселья, добродушия и сердечности, которую я когда-либо видел.

Жители целого города, — целого штата, если угодно, - объединенные в одном месте добрым товариществом, как единая семья, безусловно, необычное зрелище.

Если этот набросок передаст вам хотя бы половину того удовлетворения, которое доставила мне сама сцена, вы не сочтете эти два длинных письма утомительными.

ПИСЬМО XXIII.

Женева.

Есть некоторые из самих граждан Женевы, которые высмеивают небольшое военное учреждение республики и заявляют, что в таком слабом государстве в высшей степени нелепо предполагать, что они могут защитить себя. Саму идею сопротивления Савойе или Франции они считают абсурдной.

Им, похоже, доставляет удовольствие унижать своих соотечественников, уверяя их, что в случае нападения все их усилия окажутся бесплодными, а их гарнизон не выдержит десятидневной осады.

Эти политики выступают против ненужных расходов на содержание укреплений в ремонте и подсчитывают потерянные деньги из-за того, что так много производителей были заняты изготовлением бесполезных ружей вместо инструментов их соответствующих профессий.

Будь я членом этой республики, у меня не было бы терпения к этим обескураживающим недовольным, которые пытаются угнетать умы своих соотечественников и отравлять источник истинного наслаждения.

Я убежден, что гарнизона, каким бы небольшим он ни был, подкрепленного рвением жителей и регулируемого той долей дисциплины, которую допускает их положение, было бы достаточно, чтобы обезопасить их от государственного переворота или любого непосредственного оскорбления, и могло бы позволить им защищать город от попыток любого из соседних штатов, пока они не получают помощь от кого-нибудь из других.

Независимо от этих соображений, крепостные валы являются наиболее приятными местами для прогулок, удобными для жителей и украшающими город.

Учения и смотр ополчения представляют собой невинное и приятное зрелище для женщин и детей, способствуют здоровью и развлечению самих войск и внушают жителям в целом приятные идеи о безопасности и собственной значимости.

В целом, я убежден, что укрепления и ополчение Женевы приносят больше счастья всеми этими различными способами, взятыми вместе, чем можно было бы купить за все деньги, которые они стоят, потраченные любым другим способом.

Я полагаю, что это больше, чем можно сказать в пользу большей части постоянных армий на европейском континенте, численность которых обеспечивает деспотизм монарха, содержание которых является тяжелейшим бременем для стран, которые их поддерживают, и чья дисциплина, вместо того чтобы вызывать приятные эмоции, внушает уму ужас.

Люди, составляющие эти армии, несчастны из-за тирании, применяемой к ним, и сами являются причиной страданий своих сограждан из-за тирании, которую они осуществляют.

Но скажут, что они защищают нацию от внешних врагов.—Увы, мог ли иностранный завоеватель причинить больше страданий, чем такие защитники?—Когда тот, кто называет себя моим защитником, лишил меня моего имущества и свободы, я не могу ответить ему самой сердечной благодарностью, когда он говорит мне, что защитит меня от любого другого грабителя.

Самая надежная гарантия независимости этой маленькой республики основана на взаимной зависти ее соседей.

Нет никакой опасности, что она столкнется с несчастьем, которое так недавно постигло Польшу.—Женева - это такой атом государства, который не поддается делению.

Однако он служит своего рода барьером или сигнальным постом для швейцарских кантонов, особенно для кантона Берн, который, безусловно, не хотел бы видеть его в руках ни короля Франции, ни Сардинии.

Это приобретение не стоит внимания первого; и для второго лучше, чтобы республика оставалась в своем нынешнем свободном и независимом положении, чем чтобы она вернулась в его владение и была подчинена тому же правительству, что и другие его владения.

Ибо как только Женева перешла бы во владение Сардинии, самые богатые граждане покинули бы ее и увезли свои семьи и богатства в Швейцарию, Голландию или Англию.

Торговля и мануфактуры пришли бы в упадок вместе с духом и независимостью жителей, и цветущий, просвещенный, счастливый город Женева, подобно другим городам Пьемонта и Савойи, превратился бы в обитель угнетения, суеверий и бедности.

В этой ситуации это могло бы лишь немного прибавить к доходам короля, тогда как в настоящее время крестьяне его владений в большом количестве каждый базарный день приезжают в Женеву, где они находят готовый сбыт для всей продукции своих ферм. По этой причине земля здесь более ценная, а крестьяне чувствуют себя более свободно, хотя налоги очень высоки, чем в любой другой части Савойи.

Таким образом, эта республика в ее нынешнем независимом состоянии приносит королю Сардинии больше пользы, чем если бы она была его собственностью.

Если богатый купец купит участок земли у бедного лорда, построит большой дом и разбьет на нем прекрасные сады, заведет несколько слуг, потратит значительную часть своего дохода на хорошее ведение домашнего хозяйства и гостеприимство, на питание своего стола и многие другие предметы, приобретаемые у арендаторов этого лорда, очевидно, что они разбогатеют и смогут платить своему землевладельцу большую арендную плату. Этот Лорд, несомненно, поступил бы вопреки своим собственным интересам, если бы попытался с помощью закона, хитрости или силы лишить владельца дома и садов собственности.

Женевская свободная республика является для короля Сардинии тем же, чем предполагаемый богач был бы для бедного сеньора.

Мне доставляет удовлетворение осознавать, что стабильность этой маленькой структуры свободы, созданной моими друзьями, гражданами Женевы, не зависит от справедливости и

умеренности соседних держав или какой-либо двусмысленной поддержки; но основана на прочных столпах их взаимных интересов.

ПИСЬМО XXIV.

Женева.

Несколько дней назад я вернулся из путешествия к ледникам Савойи, Плати-де-Валле и другим местам в Альпах.

Удивительные рассказы, которые я слышал о Ледниках, сильно возбудили мое любопытство, в то время как вид превосходства, который напускали на себя некоторые из тех, кто совершил эту хваленую экскурсию, еще больше разжег мою гордость.

Едва ли можно упомянуть о чем—то любопытном или исключительном, не услышав от некоторых из этих путешественников с видом холодного презрения: "Дорогой сэр, это очень хорошо; но, поверьте мне на слово, это ничто по сравнению с ледниками Савойи".

В конце концов я решил не верить им на слово и нашел нескольких джентльменов, придерживающихся того же образа мыслей. Компания состояла из герцога Х., мистера У., мистера Г., мистера К. и меня.

Мы выехали из Женевы ранним утром третьего августа и позавтракали в Бонневиле, маленьком городке в герцогстве Савойском, расположенном у подножия Моле и на берегу реки Арве.

Вершина Мола, как нам сказали, находится примерно в 4600 английских футах над Женевским озером, в нижнем течении Роны, последнее из которых находится примерно в 1200 футах над уровнем Средиземного моря. В отношении этих подробностей я полагаюсь на слово моего информатора, какой бы вид превосходства он ни напускал на себя по поводу этого открытия.

Из Бонневиля мы направились в Клюз по дороге, довольно хорошей и весьма занимательной из-за необычности и разнообразия открывающегося с нее пейзажа. Предметы меняют свой вид каждое мгновение по мере вашего продвижения, потому что тропа постоянно петляет, чтобы соответствовать положению гор и получить доступ между скалами, которые в некоторых местах нависают над ней очень угрожающим образом. Горы возвышаются над этим маленьким городком Клюзе и так тесно давят на него, что, когда я стоял на главной улице, каждый конец ее казался совершенно запертым; и где бы ни рухнул какой-нибудь из домов, глазу на небольшом расстоянии казалось, что пустота точно так же закрыта зеленой горой.

Однако, выехав из Клюзе, мы обнаружили хорошо проложенную дорогу, идущую вдоль берегов Арве и окруженную с обеих сторон очень высокими холмами, противоположные стороны которых совпадают настолько точно, что можно подумать, будто они были оторваны друг от друга каким-то неистовым стихийным бедствием.

В других местах одна сторона этого ущелья представляет собой высокую отвесную скалу, настолько гладкую, что кажется, будто она не была вырвана природой, а высечена искусством сверху донизу, в то время как вся противоположная сторона покрыта самой улыбчивой зеленью.

По мере продвижения постепенно открывается проход между горами, и картина разнообразится великолепием дикого пейзажа.

Прежде чем въехать в город Салленш, вы должны пересечь реку Арве, которая в это время года намного больше, чем зимой, из-за тающих альпийских снегов.

Эта река берет начало в приходе Аржантьер, в долине Шамуни, сразу же пополняется потоками с соседних ледников и вливает свой холодный мутный поток в Рону, вскоре после того, как эта река вытекает из Женевского озера.

Контраст между этими двумя реками очень разительный: одна такая же чистая и прозрачная, в то время как другая грязная. Рон, похоже, презирует этот союз и как можно дольше не общается со своей грязной супругой. Двумя милями ниже места их соединения все еще заметны различия и противопоставления между этой разношерстной парой; однако они постепенно сглаживаются долгой привычкой, пока, наконец, не уступая необходимости и тем безжалостным законам, которые соединили их вместе, они не смешиваются в совершенном единстве и не текут общим потоком до конца своего пути.

Мы провели ночь в Салленше, и оставшуюся часть нашего путешествия экипажи не допускались, их отправили обратно в Женеву с приказом возницам объехать озеро с другой стороны и встретить нас в деревне Мартиньи, в долине Пей-де-Валле.

Мы договорились с погонщиком мулов в Салленче, который предоставил мулов, чтобы перевезти нас через горы в Мартиньи. От Салленче до Шамуни можно проехать целый день, но не из-за расстояния, а из-за сложности и запутанности дороги, а также крутых подъемов и спусков, которыми вас попеременно дразнят на протяжении всего пути.

Некоторые горы покрыты соснами, дубами, буками и грецкими орехами. Они перемежаются яблонями, сливами, вишнями и другими фруктовыми деревьями, так что большую часть полудня мы ехали в тени.

Помимо вызванной этим освежающей прохлады, это было мне очень приятно еще и по другой причине. Дорога была в некоторых местах такой чрезвычайно крутой, что я не сомневался, что кто-нибудь из нас упадет; поэтому я с удовлетворением подумал, что эти деревья, вероятно, преградят нам путь и помешают далеко катиться.

Но после того, как мы лишились защиты деревьев, нам оставалось пересечь множество непроходимых скалистых гор. Тогда нам не на что было положиться, кроме проницательности наших мулов. Что касается меня, то я очень скоро убедился, что во всех сомнительных случаях гораздо безопаснее полагаться на них, чем на себя: ибо всякий раз, когда я оказывался перед выбором трудностей и мы с мулом придерживались разных мнений, если, становясь более упрямым, чем он, я настаивал на том, чтобы он шел по моему следу, я никогда не переставал

раскаиваться в этом и часто был вынужден возвращаться к месту, где начался спор, и следовать по пути, на который он указал вначале.

Забавно наблюдать за осторожностью этих животных, спускающихся по таким опасным скалам. Иногда они высовывают голову над краем пропасти и с тревожной осмотрительностью исследуют все возможные пути, по которым они могут спуститься, и в конце концов обязательно останавливаются на том, который в целом является наилучшим. Убедившись в этом на нескольких примерах, я надел уздечку на шею моего мула и позволил ему идти своей дорогой, не осмеливаясь ни в малейшей степени контролировать его.

Это, несомненно, лучший метод, который я рекомендую всем своим друзьям в их жизненном путешествии, когда их сопровождают мулы.

Мы отдохнули некоторое время, во время изнуряющей дневной жары, в очень красиво расположенной деревне под названием Серве; и, поднимаясь оттуда по самой крутой и неровной дороге, которую мы когда-либо видели, мы прошли мимо горы, где, как нам сказали, есть богатая медная жила, но владельцы уже много лет не занимаются ее разработкой.

Когда мы проезжали через одну маленькую деревню, я увидел множество крестьян, идущих в церковь.— Это был день какого-то Святого.—Бедняки, должно быть, наполовину разорились, покупая сусальное золото.—Каждая вещь была позолочена.—Пресвятая Дева была одета в новое платье из золотой бумаги; —младенец у нее на руках был таким же блестящим, весь, кроме парика на его голове, который был молочно-белым и, несомненно, был припудрен в то самое утро.

Я едва мог удержаться от улыбки при виде этого нелепого зрелища, на которое люди взирали с таким благоговением, какое они могли бы выказать, будь при этом оригиналы.

Подняв глаза к потолку, я увидел нечто еще более необычное: это был портрет Бога Отца, сидящего на облаке и одетого как папа римский, с тиарой на голове. Любой человек, естественно, был бы шокирован этим, если бы в то же мгновение не расхохотался над бесконечной абсурдностью этой идеи.

Около шести вечера мы прибыли в долину Шамуни и нашли пристанище в маленькой деревушке под названием Приере. Долина Шамуни имеет около шести лье в длину и английскую милю в ширину. Со всех сторон она ограничена очень высокими горами. Между этими горами, на одной стороне долины, огромные массы снега и льда, называемые ледниками, спускаются с горы Блан, которая является их источником.

На одной стороне долины, напротив Ледников, возвышается Бревен, гора, гребень которой на 5300 английских футов выше долины. Многие путешественники, у которых больше любопытства и которые меньше думают об усталости, чем мы, впервые видят Ледники с вершины горы Бревен. Поскольку между ним и Ледниками, на которые он выходит, есть только узкая долина и все остальные объекты вокруг, кроме Монблана, вид с него должен быть очень выгодным и великолепным.

Мы решили начать с Монтанверта, откуда можно было дойти пешком до Ледников, оставив гору Бревен для работы на другой день, если у нас возникнет такое желание. После часового перекуса в нашей каюте мы с мистером К. отправились на прогулку по долине.

Орден священников и каноников Салленче владеет владениями Шамуни, и получает доход от бедных жителей; самых высоких гор Альп со всеми их льдами и снегами недостаточно, чтобы защитить их от жадности и вымогательства.

Дом священника, вне всякого сравнения, лучший во всей долине. Глядя на это, я спросил молодого человека, стоявшего рядом со мной, был ли священник богат?

Oui, Monsieur, horriblement,—replied he,—et aussi il mange presque tout notre blé.

Затем я спросил, хотят ли жители Шамуни избавиться от него?

Oui, bien de celui-ci—mais il faut avoir un autre.

Я не вижу в этом абсолютной необходимости, сказал я. — Подумайте, если бы у вас не было священника, вам было бы больше еды.

The lad stared—then answered with great *naïveté*—Ah, Monsieur, dans ce pays-ci les prêtres sont tout aussi nécessaires que le manger.

Очевидно, что этот священнослужитель очень тщательно разъясняет своим прихожанам принципы религии.— Я вижу, что твоя душа в надежных руках, - сказал К., вручая мальчику корону. - Но вот кое-что, что позволит тебе позаботиться о своем теле.

В следующей статье я постараюсь дать вам некоторый отчет о Ледниках. — А сейчас я должен пожелать вам спокойной ночи.

ПИСЬМО XXV.

Женева.

Довольно рано утром мы начали восхождение на Монтанверт, с вершины которого есть легкий доступ к Леднику с таким названием и в ледяную долину.

Наши мулы пронесли нас от гостиницы через долину и даже проделали значительный путь в гору; которая, наконец, стала такой чрезвычайно крутой, что мы были вынуждены спешиться и отослать их обратно, мистер У-только, который бывал здесь раньше и привык к подобным экспедициям, без всяких угрызений совести продолжал ехать на своем муле, пока не добрался до вершины, бесстрашно скача по скалам, по которым коза или серна проехали бы с осторожностью.

В этом последнем животном, которое можно встретить только в этих горах, сочетаются различные качества козы и оленя.— Говорят, что он обладает большей ловкостью, чем любое другое четвероногое, обладающее такой же степенью силы.

После четырехчасового подъема мы достигли вершины Монтанверт. День был на редкость погожий, предметы вокруг были благородными и величественными, но в некоторых отношениях отличались от того, что я ожидал.

Долина Шамуни исчезла: Гора Бревен, казалось, подкралась удивительно близко; и если бы я только что не пересек разделяющую две горы равнину шириной в милю, я бы пришел к выводу, что их основания соприкасаются и что расстояние до них выше объясняется исключительно уменьшением размеров всех гор к вершине. Судя по одному только взгляду, я должен был подумать, что с того места, где я стоял, можно было бросить камень в гору Бревен.

За Монтанвертом тянется горная цепь, вся покрытая снегом, которая заканчивается четырьмя отдельными скалами большой высоты, имеющими вид узких пирамид или шпилей. Они называются Иглз; и у каждого есть свое название. —Монблан, окруженный Монтанвертом, горой Бревен, Иглз и другими заснеженными горами, кажется великаном среди пигмеев.

Высота, которой мы теперь достигли, была так далека от нашего восхождения на эту гору. Поэтому я был в равной степени удивлен и огорчен, обнаружив после подъема на три тысячи футов, что Монблан здесь кажется таким же высоким, как тогда, когда мы были в долине.

Поднявшись на Монтанверт из Шамуни, немного спустившись с другой стороны, мы очутились на равнине, вид которой можно было бы удачно сравнить с тем, какой было бы штормовое море, если бы его внезапно сковал сильный мороз. Это место называется Ледяной долиной. Оно простирается на несколько лиг позади Монтанвера и считается на 2300 футов выше, чем долина Шамуни.

С самой высокой части Монтанверта нашему взору предстали все следующие объекты, некоторые из которых, казалось, заслоняли обзор других, не менее интересных; — Ледяная долина, Иглз, Монблан со снежными горами внизу, прекрасно контрастирующими с Бревеном, и зеленые холмы на противоположной стороне Шамуни, и солнце в полном великолепии, демонстрирующее все это с наибольшей выгодой. Все это в равной степени возвышенно и прекрасно, намного превосходящее мои возможности описания, и достойное красноречия того очень изобретательного джентльмена, который так тонко проиллюстрировал эти темы в отдельном трактате и привел так много примеров того и другого в своих парламентских речах.

Пока мы созерцали эту сцену, кое-кто из компании заметил, что с вершины одной из Игл вид был бы еще великолепнее, поскольку взор мог бы простираться над Бревеном, за Женовой, вплоть до горы Юра и охватывать Пэй-де-Валле и многие другие горы и долины.

Это возбудило честолюбие Г-на Х. Он вскочил и направился к Эгиль-дю-Дрю, самой высокой из четырех Игл. Хотя он прыгал по льду с гибкостью молодой серны, прошло немало времени, прежде чем он смог добраться до подножия Иглы, ибо в этих заснеженных краях люди сильно заблуждаются относительно расстояний.

Если он доберется до вершины, сказал мистер Г., нетерпеливо глядя ему вслед, он будет клясться, что мы ничего не видели, — Но я постараюсь забраться как можно выше; — Я не люблю видеть людей выше себя. С этими словами он бросился за ним.

Вскоре мы увидели, как они оба карабкаются вверх по скале: Д. набрал значительную высоту, когда его внезапно остановил выступ скалы, который был совершенно неприступен (из—за его стремительности он не смог выбрать самый легкий путь); поэтому мистер Г. догнал его.

Здесь у них было время отдышаться и немного остыть. Один был полон решимости не быть превзойденным, другой считал, что подвиг не стоит его усилий, поскольку честь должна быть разделена. Итак, подобно двум соперничающим державам, истощившим свои силы в бесплодном соперничестве, они вернулись, усталые и разочарованные, туда, откуда отправились.

После очень приятного ужина, подкрепившись провизией и вином, которые наши проводники привезли из Приере, мы спустились по легкому спуску из зеленой части Монтанвера в Ледяную долину. Прогулка по этому замерзшему морю сопряжена с неудобствами. В некоторых местах вздутия, которые сравнивают с волнами, достигают сорока или пятидесяти футов в высоту, но, поскольку они неровные, а лед перемешан со снегом, по ним можно ходить. В других местах эти волны имеют очень умеренный размер, а в некоторых местах поверхность довольно ровная.

Что делает переход по этой долине еще более трудным и опасным, так это трещины во льду, с которыми можно столкнуться, в каком бы направлении вы ни следовали. Эти трещины имеют ширину от двух до шести футов и поразительную глубину; они простираются от поверхности долины сквозь толщу льда во много сотен саженей толщиной. Бросив вниз камень или любое другое твердое вещество, мы очень долго могли слышать глухой рокот его падения, похожий на звук далеких волн, разбивающихся о скалы.

Наши проводники, ободренные привычкой, перескакивали через эти расщелины без каких-либо признаков страха, хотя они сообщили нам, что часто видели, как образуются новые расщелины, когда они шли по долине. Они добавили, действительно, для нашего ободрения, что этому всегда предшествовал громкий продолжительный шум, который предупреждал о том, что должно было произойти.

Очевидно, однако, что это предупреждение, хотя оно всегда должно предшествовать разрыву, могло принести мало пользы тем, кто продвинулся к середине долины; ибо они не могли ни знать наверняка, в каком направлении бежать, ни иметь времени сойти с нее; и в случае, если лед разверзнется прямо у них под ногами, они неизбежно погибнут.— Но, вероятно, случается немного несчастных случаев такого рода; и это оказывает большее влияние, чем любые рассуждения на эту тему.

Предполагается, что снег и лед на дне, тающие от тепла земли, оставляют большие пустоты в виде сводов. Эти естественные своды долгое время выдерживают удивительную тяжесть льда и снега, поскольку от дна до поверхности этой долины огромное расстояние.— Но лед внизу продолжает таять, а снег наверху увеличивается, арки должны, наконец, уступить, что вызывает

вышеупомянутый шум и трещины. Кроме того, вода, которая могла попасть с поверхности в расщелины или каким-либо образом задержаться в этой огромной массе снега, вследствие своего внезапного расширения в процессе замерзания создаст новые трещины на поверхности.

Мы много слышали о разрушениях, причиняемых лавинами. Они образуются из снега, наносимого ветрами на самые высокие и выпуклые части скал и гор, где он затвердевает и прилипает иногда до тех пор, пока не образуется огромная масса. Но когда эти опоры больше не в состоянии выдерживать увеличивающийся вес, лавина обрушивается сразу, увлекая за собой большие куски расшатанной породы или горы; — и, с грохотом обрушиваясь с огромной высоты в долину, влечет за собой неминуемое разрушение всех деревьев, домов, скота и людей, которые окажутся на ее пути[2].

Большая часть тех, кто совершал путешествие к Ледникам, видели одну или несколько таких лавин в самом процессе схода и сами всегда чудом спасались. —Точно так же большинство людей, совершивших одиночное морское путешествие, хотя бы между Дувром и Кале, попали в шторм и чудом избежали кораблекрушения.

Все, чем может похвастаться кто-либо из нашей группы, это то, что во время ночевки в Шамуни мы часто слышали шум, похожий на отдаленный гром, который, как нам сказали, был вызван падением некоторых из этих самых лавин на расстоянии нескольких миль. И во время наших экскурсий мы видели уничтоженные деревья и участки почвы, вырванные со склонов гор, по которым, как говорили, прокатились лавины за два или три года до того, как мы прошли мимо. Это были самые труднодоступные места, которые мы совершили.—Я от всей души желаю такой же удачи всем путешественникам, независимо от того, какой счет они сами решат предоставить своим друзьям, когда вернутся.

Ледяная долина имеет несколько лиг в длину и не более четверти лиги в ширину. Она разделяется на ответвления, которые проходят за горной цепью, на которую раньше обращали внимание. Он выглядит как застывший амфитеатр и ограничен горами, в расщелинах которых, как нам сообщили, находятся хрустальные колонны.—Седое величие Монблана. ... Мне грозила опасность превратиться в поэта, когда, вспоминая историю Икара, я подумал, что лучше не полагаться на свои восковые крылья. Я прошу позволения скорее позаимствовать следующие строки, которые понравятся вам больше, чем любой мой полет, и уберегут меня от падения:

Итак, скалы Земблы (прекрасная работа фроста)

Поднимайся белым в воздух и сверкай над побережьем,

Бледные солнца, неощутимые, вдали закатываются,

И на бесстрастном льду играют молнии;

Вечные снега - растущее массовое предложение,

Наполни сияющими горами, подпирай небо;

По мере исправления Атласа появляется каждая седая кучка,

Самая долгая зима за тысячу лет.

Пройдя значительное время по долине и вдоволь наевшись льда, мы, наконец, подумали о возвращении в наш коттедж в Приере. Наши проводники повели нас вниз более коротким и глубоким путем, чем тот, которым мы поднимались; и примерно через два часа после того, как мы начали наш спуск, мы оказались у подножия горы. Такой быстрый способ спуска большинство людей считают более тяжелым для мышц ног и бедер, чем даже подъем. Что касается меня, то я был почти измотан; и поскольку мы были еще в паре миль от нашего жилья, я с величайшим удовлетворением увидел, что наши подобоострастные мулы ждут, чтобы отвезти нас в наш коттедж; когда мы наконец прибыли и собрались в маленькой комнате, откуда не было видно ледяных долин, хрустальных холмов и заснеженных гор, перед нами не было ничего, кроме таких скромных блюд, как холодное мясо, хлеб грубого помола и плохое вино, мы ухитрились провести час перед сном, обсуждая подвиги дня и чудеса, которые мы совершили. видел.— Казуисты еще не решили, получать ли большее удовольствие от этого или от просмотра самих сцен.

[2]

Ac veluti montis Saxum de vertice præceps

Cum ruit avulsum vento, seu turbidus imber

Proluit, aut annis solvit sublapsa vetustas:

Fertur in abruptum magno mons improbus actu,

Exultatque solo, silvas, armenta, virosque

Involvens secum.

Девственница.

ПИСЬМО XXVI.

Женева.

Существует пять или шесть различных ледников, которые все заканчиваются на одной стороне долины Шамуни, на расстоянии около пяти лиг.

Это огромные скопления снега и льда, образовавшиеся в промежутках или впадинах между горами, которые ограничивают склон долины, рядом с которым возвышается Монблан.

Снег в этих впадинах защищен от воздействия солнца, и летняя жара может растворить только определенную его часть. Эти скопления льда и снега образованы не тем, что падает прямо с небес в промежутки. Они обеспечиваются снегом, который выпадает зимой на самых высоких частях Монблана; большие пласты которого незаметно сползают вниз под действием собственной тяжести и, не встречая сопротивления в эти промежутки времени, образуют длинные неправильные корни вокруг всех соседних гор.

Пять из них входят пятью различными отверстиями в долину Шамуни и называются Ледниками, на одном из которых мы побывали.

В настоящее время их поверхность находится на высоте тысячи или двух тысяч футов над долиной.

Их ширина зависит от ширины промежутка между горами, в котором они образуются.

При взгляде из долины они, на мой взгляд, производят гораздо более сильное впечатление, чем с их вершины.

Солнечные лучи, падающие с различной силой на разные части, в зависимости от того, более или менее они открыты, вызывают неодинаковое растворение льда; и, с помощью небольшого воображения, создают видимость колонн, арок и башенок, которые в некоторых местах прозрачны.

Ледяное сооружение в таком вкусе, высотой в две тысячи футов и в три раза шире, освещенное солнцем, вы должны признать, что это очень необычное произведение архитектуры.

Наша компания поднялась только на ледник Монтанверт, который не является самым высоким, и удовлетворилась видом остальных из долины; но более любознательные путешественники, несомненно, сочтут, что стоит потрудиться, чтобы рассмотреть каждый из них более подробно.

Некоторые люди так любят ледники, что, не удовлетворенные их нынешними размерами, решительно настаивают на том, что они обязательно должны увеличиваться с каждым годом, и аргументируют это так:

Нынешнее существование ледников является достаточным доказательством того, что в тот или иной период за зиму образовалось большее количество снега, чем смогла растопить летняя жара. Но эта диспропорция неизбежно должна увеличиваться с каждым годом, и, как следствие, количество ледников должно увеличиваться: потому что любое данное количество снега и льда, остающихся в течение одного лета, должно в некоторой степени увеличивать холод окружающей атмосферы; который, будучи усилен снегопадами последующей зимы, пополнит запасы: растворяющая сила солнца во второе лето больше, чем в первое, и еще больше в третье, чем во второе, и так далее.

Вывод из этого рассуждения состоит в том, что ледники должны увеличиваться во все возрастающем соотношении с каждым годом, до скончания веков. По этой причине авторы этой теории сожалеют, что они сами были посланы в мир так рано; потому что, если бы их рождение было отложено на девять или десять тысяч лет, они увидели бы Ледники в гораздо большей красоте, ведь Монблан в настоящее время всего лишь лилипут по сравнению с тем, каким он будет тогда.

Каким бы рациональным это ни казалось, тем не менее были выдвинуты возражения, о чем я сожалею; потому что, когда теория достаточно последовательна, хорошо сфабрикована и

приятна на вид, ничто не может быть более досадным, чем видеть, как трудолюбивый назойливый парень одним росчерком пера разрушает всю конструкцию, как Арлекин разрушает дом взмахом шпаги в пантомимном представлении.

Такие придиришки говорят, что по мере увеличения размеров ледников поверхность, на которую могут воздействовать солнечные лучи, должна увеличиваться, и, как следствие, растворение будет усиливаться, что должно эффективно предотвращать постоянное увеличение, о котором идет речь.

Но другая сторона выходит из этого затруднения, решительно утверждая, что дополнительный холод, вызванный уже отложившимся снегом и льдом, оказывает гораздо большее влияние на замедление их растворения, чем увеличившаяся поверхность может оказать на его ускорение: и в подтверждение своей системы они говорят вам, что древнейшие жители Шамуни помнят ледники, когда они были намного меньше, чем в настоящее время; а также помнят время, когда они могли ходить из Ледяной долины в места за горами по проходам, которые сейчас полностью завалены снежными холмами высотой не более пятидесяти метров. лет от роду.

Утверждают ли жители Шамуни это из похвального пристрастия к Ледникам, которых они теперь могут считать (из-за того, что они привлекают в Долину посторонних) своими лучшими соседями; — или из вежливости по отношению к сторонникам вышеупомянутого мнения; — или из реальных наблюдений, я не возьму на себя смелость сказать.— Но я сам слышал, как несколько стариков в Шамуни утверждали этот факт.

Придиришки, вынужденные, таким образом, отказаться от своего прежнего возражения, пытаются, в следующем месте, показать, что приведенная выше теория ведет к абсурду; потому что, говорят они, если ледники будут увеличиваться в объеме до бесконечности, сам земной шар со временем станет простым придатком к Монблану.

Сторонники постоянного увеличения ледников отвечают, что, поскольку это неудобство еще не произошло, не нуждается в другом опровержении нечестивой доктрины некоторых философов, которые утверждают, что мир существовал вечно; а что касается превращения земного шара в придаток горы, они уверяют нас, что миру придет конец задолго до того, как это событие произойдет. Так что люди с самой робкой натурой и самым хрупким телосложением могут отбросить свои страхи по этому поводу.

Со своей стороны, хотя я желаю всего наилучшего Ледникам и всем жителям Шамуни, поскольку провел несколько дней в их обществе очень приятно, я не приму участия в этом споре, суть которого оставляю на ваше усмотрение.

ПИСЬМО XXVII.

Женева.

Утром того дня, когда мы выехали из Приере, я заметил девушку очень необычной наружности, сидевшую перед дверью одного из домов. Когда я заговорил с ней, она ничего не ответила, но пожилой мужчина, который был солдатом на службе у короля Сардинии и мой знакомый с момента нашего прибытия, сообщил мне, что эта девушка была идиоткой с самого рождения.

Он отвел меня в два других дома в деревне, в каждом из которых находилось по человеку в таком же печальном положении; и он заверил меня, что по всей долине Шамуни в семье, состоящей из пяти или шести детей, один из них, вообще говоря, был совершенным натуралом.

Это было подтверждено некоторыми другими, которым я впоследствии упомянул об этом. В то же время мне сказали, что родители, далекие от того, чтобы считать это несчастьем, рассматривали это как признак удачи остальным членам семьи и отсутствия несчастья для человека, которого они всегда лелеют и защищают с величайшей нежностью.

Я спросил своего солдата, был ли кто-нибудь из его собственной семьи в такой ситуации? Non, Monsieur, answered he; et aussi j'ai passé une vie bien dure.

Вам не кажется, что эти бедные создания очень несчастны?

Demande pardon, Monsieur:—Ils sont très heureux—

Но вы бы сами не хотели родиться в таком состоянии?

Vous croyez donc, Monsieur, que j'aurois été bien attrapé?

Внимание! —конечно:—ты тоже так думаешь?

Pour cela, non, Monsieur; je n'aurois jamais travaillé.—

Тому, кто всю жизнь был вынужден упорно трудиться, чтобы едва прокормиться, труд кажется величайшим злом, а совершенная праздность - величайшим благословением. Если бы этот солдат был воспитан в праздности и испытал все ужасы и уныние, которые сопровождают праздную роскошь, очень возможно, что он был бы другого мнения.

Во время этого путешествия я заметил, что в некоторых отдельных деревнях и на значительном участке местности едва ли можно было встретить кого-либо, у кого были бы опухоли горла и шеи, которые, как считается, столь распространены среди всех жителей Альп. В частности, я не заметил ни одного человека в Приере с этой жалобой; и, после запроса, мне сообщили, что есть много приходов, в которых это не беспокоит ни одного человека, и что в других местах на небольшом расстоянии это почти повсеместно.

В долине Шамуни есть только одна деревушка, где это обычное явление; но в Pays de Vallais, как мне сказали, это встречается чаще, чем в любом другом месте.

Поскольку эта болезнь, по-видимому, носит эндемический характер, она не может, как предполагалось, возникнуть при употреблении воды, пропитанной снегом или льдом; ибо этот напиток является общим для всех жителей Альп и других гор.

Если вода действительно является переносчиком этой болезни, мы должны предположить, что она пропитана не только растворенным льдом и снегом, но также какой-либо солью или другим веществом, обладающим вредным свойством закупоривать железы горла; и мы также должны предположить, что это вредное вещество не встречается ни в каком другом населенном месте, кроме Альп.

После того, как один из жителей Шамуни перечислил множество приходов, где были гойтры, и другие, где их не было (именно так они называют эту опухоль), в заключение он сказал мне, что я увижу их в большом изобилии среди валайцев, в страну которых мы направлялись.— Когда я сказал этому человеку, я подумал, что его соотечественники очень счастливы, поскольку совершенно свободны от такой отвратительной болезни, поразившей их бедных соседей, - *En revanche*, — сказал крестьянин, — *nous sommes accablés des impôts*; - и платит Валле за то, что не платит риен.

Дьявол в этом парне, — воскликнул я. - Будь ваш выбор, согласились бы вы на Гойтр, чтобы освободиться от налогов?

Très volontiers, Monsieur;—l'un vaut bien l'autre.

Quid causæ est, merito quin illis Jupiter ambas,

Iratas buccas inflet.

Ты видишь, мой друг, что не только при дворах и в столицах люди недовольны своим состоянием. Причины жалоб различны в разных местах, но результат везде один и тот же.

Утром шестого дня мы попрощались с Приере; и, поднявшись на горы, которые замыкают долину Шамуни в конце, противоположном тому, через который мы вошли, после нескольких поворотов по очень неровной дороге, мы постепенно спустились в лощину самого мрачного вида.

Он окружен высокими, голыми, изрезанными скалами, без деревьев или какой-либо зелени, дно его такое же бесплодное и скалистое, как и склоны, и в целом образует самый отвратительный пейзаж. Эта унылая долина имеет значительную длину, но очень узкая. Я полагаю, это пришлось бы по вкусу Сальватору, у которого могло возникнуть искушение украсть уголок для одного из своих произведений, которое, если бы он оживил одним-двумя убийствами, стало бы шедевром Ужасного искусства.

Преодолев это, мы продолжили наше путешествие, иногда поднимаясь, затем спускаясь в другие долины, названия которых я забыл.— У нас было долгое непрерывное восхождение на гору Нуар, очень высокий холм, покрытый соснами, многие из которых превышают сто футов в высоту. Мне пришлось пройти пешком большую часть этой дороги, которая была такой же крутой, как и любая другая часть той, по которой мы поднимались на Монтанверт.

Наконец мы добрались до перевала, отделяющего владения короля Сардинии от маленькой республики, называемого Плато Валле. Поперек него находится старая толстая стена и ворота без какой-либо охраны. Этот узкий проход тянется на несколько миль. Несколько крестьян, расселенных по верхней части гор, могли бы, скатывая камни, уничтожить целую армию, если бы она попыталась проникнуть в страну по этой дороге.

Когда вы преодолеваете это длинное ущелье, дорога проходит по склону высокой и крутой горы; но все еще настолько узка, что два человека не могут безопасно идти рядом, и все пассажиры полностью во власти тех, кто может быть размещен на более высоких участках горы.

Со склона горы, по которому мы проезжали, мы могли бы поговорить с людьми, населявшими противоположный склон горы. Но я убежден, что потребовалось бы три или четыре часа ходьбы, чтобы добраться до них: потому что мы должны были долгим обходным путем сначала достичь дна расщелины между нами, а затем подняться к ним другим длинным, утомительным путем, который нельзя было проделать за меньшее время, чем я упомянул.

Везде, где есть участок горы, достаточно плодородный, а склон менее крутой, чем обычно, вы почти наверняка найдете крестьянский дом. Все дома построены из прекрасной красной сосны, которая растет совсем рядом. Перевозка этого груза, даже на короткий путь, по этим очень крутым горам, должно быть, была сопряжена с немалыми трудностями и опасностями. Эти жилища построены на деревянных подпорках, или столбах, на высоте двух или трех футов над землей. На верхушке каждого столба помещается большой флаг или широкий камень, препятствующий проникновению крыс.— Действительно, расположение этих жилищ настолько воздушное, что они кажутся почти недоступными для любого животного, у которого нет крыльев, а также для крыс.

Наконец дорога привела нас к вершине, которая была ровной и на протяжении нескольких миль поросшей соснами. Пройдя его и немного спустившись с другой стороны, нашему взору открылась нижняя Долина. Ничего нельзя себе представить более необыкновенно живописного: Он имеет овальную форму, около семи лиг в длину и одной в ширину, окружен со всех сторон горами колоссальной высоты, нижние части которых покрыты очень богатыми пастбищами.—Сама долина в высшей степени плодородна, прекрасно возделана и разделена на луга, сады и виноградники. Рона течет красивыми лабиринтами от одного конца до другого.—Сьон, столица Долины, расположен на верхней оконечности, а город Мартиньи - на нижней, множество деревень и отдельно стоящих домов разбросано по всей долине между ними. Открывшаяся перед нами панорама составляла разительный и приятный контраст с пейзажами, которые мы только что покинули. Расстояние от этого места до Мартиньи, расположенного у подножия горы, составляет около шести миль. На всем пути есть один непрерывный спуск, который облегчается тем, что дороги идут зигзагообразно.

После труднопроходимых троп, к которым мы привыкли, спускаться с этой горы было, сравнительно говоря, отдыхом.— Мы прибыли в Мартиньи отдохнувшими и в приподнятом настроении.

ПИСЬМО XXVIII.

Женева.

Во время нашего путешествия по горам, окружающим нижние долины, я часто испытывал желание зайти в какие-нибудь крестьянские дома, чтобы стать свидетелем домашнего хозяйства народа, которое так восхитительно описал Руссо.

Если бы я был один или с единственным спутником, я бы щедро пожертвовал ими и временно пожертвовал своим разумом Пенатам этих счастливых горцев; ибо, по его словам, это единственная плата, которую они получают за свои развлечения: Но наша компания была слишком многочисленна и подвергла бы их гостеприимство слишком серьезному испытанию.

После ночного перекуса в Мартиньи мы с некоторым нетерпением ожидали появления кабриолетов, которым было приказано встретить нас там. Все мы с восторгом рассказывали о возвышенных сценах, откуда мы спустились; и все же никто не сожалел о том, что остальная часть путешествия должна была пройти по ровной местности. Кабриолеты прибывают в то же утро, и мы выезжаем через *амбушюр*, который ведет в Сен-Морис.

Этот огромный горный вал, окружающий Долину со всех сторон, прорезан здесь, что делает эту страну доступной для жителей кантона Берн. Это отверстие имеет вид широкой и великолепной аллеи, по обе стороны которой вместо деревьев расположены ряды высоких гор. Оно имеет несколько лиг в длину. Почва чрезвычайно плодородна и идеально ровна, и все же, если бы возникло подозрение о нападении, этот проход можно было бы легко оборонять батареями, расположенными у подножия гор с каждой стороны. Кроме того, вдоль нее протекает река значительной глубины, иногда с одной стороны, иногда с другой, и, постоянно пересекая равнину, она, по-видимому, препятствует любым враждебным вторжениям.

Этот небольшой уголок, страна Валлезан, который охватывает описанную выше долину, окружающие ее горы и простирающийся с одной стороны до самого озера, включая три или четыре города и множество деревень, является округом, управляемым своими собственными законами и магистратами, находящимся в союзе со швейцарскими кантонами или какой-либо другой державой, но независимым от них. Религия здесь папистская, а форма правления демократическая.— По-видимому, Природа задумала его как последнее убежище для этого божества, без влияния которого все остальные ее дары не имеют большой ценности. Если хищная рука деспотизма когда-либо сокрушит права человечества и опрокинет алтари СВОБОДЫ в любой другой стране Европы, избранный народ может сохранить здесь истинное богослужение и разделить ее уважение с провинциями за Атлантикой.

В середине вышеупомянутого ущелья, примерно в четырех лье от Мартиньи, между двумя высокими горами, на берегу Роны, расположен маленький городок Сен-Морис, который охраняет этот вход в нижнюю Долину.

Миновав мост в этом городе, отделяющий страну Валлезан от кантона Берн, мы направились в Бекс, деревню, примечательную своим прекрасным расположением и находящимися поблизости солеварнями. После ужина мы посетили их. Мы вошли в самый большой солончак по проходу, вырубленному в цельной скале, достаточной высоты и ширины, чтобы человек мог идти с легкостью.

Путешественники, которым любопытно осмотреть эти мрачные жилища, заранее снабжаются зажженными лампами или факелами и одеваются в грубые одежды, чтобы защититься от склизких капель, которые падают с потолка и стен коридора.

По прибытии к резервуару с соленой водой, который находится примерно в трех четвертях мили от входа, я почувствовал приступ тошноты от неприятного запаха этого места и со всей возможной поспешностью вернулся на открытый воздух, предоставив моим спутникам продолжать свои исследования так далеко, как им заблагорассудится. Они оставались после

меня еще долгое время. Какое удовлетворение они получили внутри, я не берусь определять; но я никогда не видел более меланхоличного ухода группы людей; — в засаленных платьях, с факелами, с закопченными, убитыми горем лицами они напоминают процессию осужденных еретиков, идущих на костер во время Аутодафе в Лиссабоне.

Придя в себя в гостинице в Бекс, они намекнули мне, что диковинки, которые они видели во время своего подземного путешествия, особенно после моего ухода, заслуживают большего внимания, чем все, с чем мы встречались с тех пор, как покинули Женеву; и все они с притворной серьезностью посоветовали мне вернуться и завершить интересную поездку, которую я оставил незаконченной.

На следующее утро наша компания разделилась, д-р Х. и мистер Г. решили вернуться через Веве и Лозанну. Мистер У., мистер К. и я отправились на другой берег Женевского озера. Они взяли с собой две кареты, и мы продолжили путь верхом, так как наша дорога не допускала колесных экипажей.

Мы выехали из Бекса ранним утром, проехав через Эгль, процветающий маленький городок, дома которого построены из белого мрамора, найденного по соседству. Представления о мраке и убожестве, а также о великолепии каким-то образом были связаны в моем сознании с этой субстанцией. — Я не знаю, связано ли это с тем, что его используют в гробницах и памятниках; — или с тем, что я заметил, что дома, наиболее обильно украшенные им, так часто являются обителями скуки и недовольства. Что бы ни породило эту связь идей, внешний вид жителей Эгля был хорошо рассчитан на то, чтобы излечить меня от этого предубеждения; ибо, хотя самые убогие дома в этом бедном маленьком городке построены из мрамора, все же за всю свою жизнь я никогда не видел меньшей заботы и большего удовлетворения на лицах ни у одной группы людей. Атмосфера легкости и довольства царит не только здесь, но и по всей Швейцарии.

Немного дальше от Эгля мы пересекли Рону на лодках. Здесь река шире, чем там, где она вытекает из Женевского озера. Как только мы прибыли на другую сторону, мы снова оказались во владениях валлайсанцев, которые простираются на этой стороне до самого озера.

У нас была восхитительная поездка в Сент-Гинго, где мы пообедали и остались на несколько часов, чтобы освежить наших лошадей. Хотя было воскресенье, в этом городе была ярмарка, на которую съехалось такое множество людей из долины Пей-де-Валле, кантона Берн, и из Савойи, что мы не без труда смогли найти комнату, где можно было пообедать.

Наряд юной Валлезанной удивительно живописен. Маленькая шелковая шляпка, сдвинутая набок, с которой небрежно свисает пучок лент, и жакет, очень выгодно подчеркивающий фигуру, придают им нарядный вид и в целом больше идут, чем одежда простых людей в любой стране, которую я когда-либо видел.

Немного за Сент-Гинго мы въехали в герцогство Савойское. Дорога здесь прорублена в высоких скалах, которые поднимаются из Женевского озера. Переходить ее нужно с осторожностью, поскольку она чрезвычайно узкая, и нет ограждения, которое предотвратило бы падение путешественника с очень высокого обрыва в озеро, на случай, если его лошадь свернет в сторону.

В некоторых местах эта узкая дорога становится еще более опасной из-за обломков, упавших с гор выше и ослабивших и почти разрушивших тропу. В этих местах нам приходилось спешиваться и с большим вниманием вести наших лошадей по мусору и разбитым камням, пока мы не добирались до тех участков дороги, которые были засыпаны.

При виде Мейери мне вспомнились очаровательные письма двух влюбленных Руссо. Это воспоминание наполнило меня приятным энтузиазмом. Я поискал глазами и вообразил, что нахожу то самое место, где Сен-Пре сидел со своей подзорной трубой, рассматривая жилище своей возлюбленной Джулии.— Я проследил в своем воображении его маршрут, когда он перепрыгивал с камня на камень за одним из ее писем, которое внезапный порыв ветра выхватил у него из рук. Я отметил момент, когда влюбленные сели на корабль, чтобы вернуться в Кларенс, после вечернего посещения тех самых скал, когда Сен—Пре, терзаемый нежными воспоминаниями и обезумевший от отчаяния, испытал искушение схватить свою любовницу, тогда еще жену другого, и броситься вместе с ней из лодки очертя голову на середину озера.

Каждое обстоятельство этой трогательной истории по-новому всплыло в моем сознании. Я почувствовал, что стою на своего рода классической почве, и убедился, что красноречие этого неподражаемого писателя пробудило во мне интерес к пейзажу перед моими глазами, превосходящий тот, который могли вызвать его собственные природные красоты.

Оставив позади романтические скалы Мейлери, мы спустились на плодородную равнину, почти вровень с озером, вдоль которого проходит дорога, обсаженная рядами прекрасных высоких деревьев вплоть до Эвиана, приятного маленького городка, известного своими минеральными водами. Здесь мы встретились со многими нашими женевскими знакомыми обоего пола, которые пришли под предлогом попить воды, чтобы развлечься в этом восхитительном уединении.

Затем мы отправились в Тонон, самый религиозный город, если судить по количеству расположенных в нем церквей и монастырей. Число жителей исчисляется шестью или семью тысячами, и каждый седьмой человек, которого я видел, носил униформу какого-либо религиозного ордена. После этого я не был сильно удивлен, заметив все признаки бедности среди мирян.

Заказав ужин и постели в этом заведении, мы отправились посетить картезианский монастырь в Рипайе, который находится немного поодаль.

Именно здесь герцог Савойский после удачного правления принял образ отшельника и жил вместе с отцами в благочестии и умерщвлении плоти, по мнению одних; в сладострастии и политике, по мнению других. В чем мы твердо уверены, так это в том, что он был за короткое время избран папой на соборе Василия, от сана которого он был вынужден отказаться девять лет спустя, предварительно выдвинув для себя очень почетные условия. После этого он провел остаток своей жизни с репутацией великого святоши в Рипайе.

Если бы ему было позволено выбрать для своего убежища любую часть Европы, он не смог бы найти ничего более приятного, чем то, что предоставляли его собственные владения.

Отцы церкви с большой вежливостью показали нам свой лес, свои сады, свои апартаменты и очень элегантную новую часовню, которая только что закончена. Затем они провели нас в комнату, где жил и умер их Государь. Они много говорили о его гении, его великодушии и его святости. Мы выслушали их со всеми признаками молчаливого согласия и вернулись в нашу гостиницу, где, хотямы, конечно, не *справлялись с Рипайлом*, я убежден, блохи справились: как говорит разносчик Шекспира, в христианском мире не было короля лучше, чем мы, в течение всей ночи. Утром мы заплатили за наше развлечение, каким бы оно ни было, весьма экстравагантный счет и не жаловались, ибо понимали, что оставим нашего хозяина и его семью среди полчищ кровососов, еще более невыносимых, чем блохи.

В то же утро мы прибыли в Женеву, завершив экскурсию, в ходе которой путешественнику предлагается большее разнообразие возвышенных и интересных объектов, чем можно найти в любой другой части земного шара той же протяженности.

Я есмь &c.

ПИСЬМО XXIX.

Женева.

Я не удивлен, что ваши недавние расспросы полностью касаются фернейского философа. Этот выдающийся человек сумел возбудить больше любопытства и удерживать внимание Европы на более длительный период времени, чем любой другой человек, рожденный этой эпохой, включая монархов и героев.— Даже самый тривиальный анекдот, связанный с ним, кажется, в какой-то степени заинтересует публику.

С тех пор, как я нахожусь в этой стране, у меня часто появлялась возможность беседовать с ним, а еще чаще с теми, кто прожил с ним в близких отношениях много лет; так что, какие бы замечания я ни прислал вам по этому поводу, они основаны либо на моих собственных наблюдениях, либо на наблюдениях самых искренних и умных из его знакомых.

Здесь у него есть враги и почитатели, как и везде; и нередко и то, и другое объединяется в одном человеке.

Первая идея, которая приходит в голову всем, кто пытается описать его личность, - это идея скелета. Поскольку это подразумевает чрезмерную худобу, это справедливо; но следует помнить, что этот скелет, это простое сочетание кожи и костей, имеет вид более одухотворенный и живой, чем обычно бывает у плоти и крови, какими бы цветущими и юными они ни были.

Самые пронзительные глаза, которые я когда-либо видел, - это глаза Вольтера, которому сейчас исполнилось восемьдесят. Все его лицо выражает гениальность, наблюдательность и чрезвычайную чувствительность.

Утром у него озабоченный и недовольный вид, но это постепенно проходит, и после обеда он кажется веселым. — И все же ирония никогда полностью не покидает его лица, ее всегда можно заметить в его чертах, хмурится он или улыбается.

Когда погода благоприятствует, он выезжает проветриться в своей карете со своей племянницей или с кем-нибудь из гостей, которых в Ферни всегда достаточно. Иногда он прогуливается в своем саду; или, если погода не позволяет ему выезжать за границу, он использует часы досуга, играя в шахматы с отцом Адамом; или принимая визиты незнакомых людей, которые постоянно приезжают в Ферней, чтобы воспользоваться случаем повидаться с ним; или диктуя и читая письма; ибо у него все еще есть корреспонденты во всех странах Европы, которые сообщают ему о каждом примечательном событии и присылают ему каждое новое литературное произведение, как только оно появляется.

Гораздо большую часть своего времени он проводит в кабинете; и читает ли он сам или слушает другого, у него всегда в руке ручка, чтобы делать заметки или высказывать замечания.

Сочинение - его главное развлечение. Ни один автор, пишущий ради хлеба насущного, ни один молодой поэт, стремящийся к отличиям, не работает так усердно со своим пером и не стремится к новой славе, как богатый и пользующийся аплодисментами сеньор Ферней.

Он живет очень гостеприимно и всегда заботится о том, чтобы у него был хороший повар. Обычно к нему приезжают двое-трое из Парижа, которые остаются у него на месяц или шесть недель за раз. Когда они уезжают, их места вскоре освобождаются, так что в Фернее происходит постоянная смена общества. Они, вместе с семьей самого Вольтера и его гостями из Женевы, составляют компанию из двенадцати или четырнадцати человек, которые ежедневно обедают за его столом, появляется он или нет. Ибо, занятый подготовкой какой-нибудь новой постановки для печати, нездоровый или в дурном расположении духа, он не обедает с труппой, но довольствуется тем, что видит их в течение нескольких минут либо до, либо после обеда.

Каждый, кто приносит рекомендации от своих друзей, может рассчитывать на то, что его примут, если он действительно не болен.—Он часто представляется незнакомым людям, которые собираются почти каждый день в его приемной, хотя и не дают никаких особых рекомендаций. Но иногда им приходится удаляться, так и не удовлетворив свое любопытство.

Как часто это случается, он уверен, что его обвинят в сварливости; и рассказывают тысячи злых историй, возможно, придуманных из мести, потому что он не в настроении выставиться напоказ, как танцующий медведь на празднике. Гораздо менее удивительно, что он иногда отказывается, чем то, что ему приходится так часто подчиняться. В нем эта любезность, должно быть, проистекает исключительно из желания услужить; ибо Вольтер так давно привык к восхищению, что нельзя предположить, чтобы пристальные взгляды нескольких незнакомцев доставляли ему большое удовольствие.

Его племянница, мадам Дени, ухаживает за столом и развлекает компанию, когда ее дядя не может или не желает присутствовать. Она доброжелательная женщина, которая добродушно относится ко всем и с неослабевающим вниманием и нежностью относится к своему дяде.

Утро - неподходящее время для визита к Вольтеру. Он не выносит, когда его часы занятий прерываются. Одного этого достаточно, чтобы вывести его из себя; кроме того, тогда он склонен к ворчливости, независимо от того, страдает ли он от возрастных недостатков или от какой-то случайной причины огорчения. Какова бы ни была причина, в это время дня он менее оптимистичен, чем в любое другое.—It was in the morning, probably, that he remarked,—que c'étoit dommage que le quinquina se trouvoit en Amérique, et la fièvre en nos climats.

Те, кто приглашен на ужин, имеют возможность увидеть его с наиболее выгодной точки зрения. Затем он прилагает все усилия, чтобы развлечь компанию, и, кажется, как всегда любит говорить то, что называется хорошими вещами: — и когда от кого-нибудь исходит какое-нибудь живое замечание или *bon mot*, он в равной степени радуется и отдает должное аплодисментами.—Дух веселья овладевает им благодаря снисходительности.—Когда он окружен друзьями и воодушевлен присутствием женщин, он, кажется, наслаждается жизнью со всей чувственностью юности. Тогда его гений преодолевает ограничения возраста и немощи и течет в тонком русле приятных, одухотворенных наблюдений и тонкой иронии.

У него превосходный талант приспособлять разговор к обстановке в своей компании.—В первый раз, когда ему прислуживал д-из Н -, он перевел разговор на древний союз между французским и шотландским народами.— Рассказывая о том, как один из предшественников его светлости сопровождал Марию, королеву Шотландии, наследницей которой он в то время был, ко двору Франции, — он говорил о героических характерах своих предков, древних графов Дугласов, — о большой литературной репутации некоторых из его соотечественников, живших в то время; и упомянул имена Хьюма и Робертсона с выражением высокого одобрения.

Вскоре после этого его посетили два русских дворянина, которые сейчас находятся в Женеве. Вольтер много говорил с ними об их императрице и процветающем состоянии их страны.— Раньше, — сказал он, - вашими соотечественниками руководили невежественные священники, искусства были неизвестны, а ваши земли опустошены; но теперь искусства процветают, а земли возделываются.— Один из молодых людей ответил, что в России все еще остается большая часть бесплодных земель.— По крайней мере, - сказал Вольтер, - вы должны признать, что в последнее время ваша страна была очень *плодородна в лаврах*.

Его неприязнь к духовенству хорошо известна.— Это приводит его к тому, что он обсуждает очень банальную тему оскорблений с людьми, которые не претендуют на ту степень остроумия, которая сама по себе могла бы сделать их выпады терпимыми.—Разговор, похоже, переходит в это русло, — сказал один человек. - Если вы уберете гордыню у священников, ничего не останется. - Вы превосходны, месье, гурманы, для здоровья, - сказал Вольтер.

Он гораздо больше одобряет поэтическое искусство Мармонтеля, чем любые стихотворения этого автора. Говоря об этом, он сказал, что Мармонтель, подобно Моисею, мог вести других в Святую Землю, хотя ему самому не разрешалось туда входить[3].

Неприличные намеки Вольтера на Священные Писания и его попытки выставить на посмешище некоторых из самых почтенных персонажей, упомянутых в них, печально известны.

Некий человек, который очень сильно заикался, нашел способ представиться в Ферни.— У него не было никакой другой рекомендации, кроме похвал, которыми он очень щедро одаривал самого себя.— Когда он выходил из комнаты, — сказал Вольтер, — он принял его за

авантюриста, а не за самозванца. — Мадам Дени сказала, что самозванцы никогда не заикаются: -На что Вольтер ответил -Moïse, ne begayoit-il pas?

Вы, должно быть, слышали о вражде, которая долгое время существовала между Вольтером и Фрероном, парижским журналистом. Однажды первый прогуливался в своем саду с джентльменом из Женевы. Дорогу перед ними переползла жаба: — Джентльмен, в угоду Вольтеру, сказал, указывая на жабу, — Вот Фрерон.— Что это бедное животное могло тебе сделать, - ответил Остряк, - чтобы заслужить такое имя?

Он сравнил британскую нацию с бочкой их собственного крепкого пива, на верху которого пена, на дне осадок, середина превосходная.

Друг Вольтера, порекомендовав ему для прочтения особую систему метафизики, подкрепленную рядом рассуждений, с помощью которых автор продемонстрировал свою собственную изобретательность и ловкость, не убеждая читателя и не доказывая что-либо, кроме собственного красноречия и софистики, некоторое время спустя поинтересовался мнением критика об этом спектакле?

Писатели-метафизики, отвечал Вольтер, подобны танцорам менуэта; они, будучи нарядно одеты, отвешивают пару поклонов, проходят по комнате в самых изысканных позах, демонстрируют все свое изящество, находятся в непрерывном движении, не делая ни шага вперед, и заканчивают в той же точке, с которой начали. Возможно, он позаимствовал эту мысль из следующих строк папской "Дунциады":

Или встать на метафизическую почву, чтобы гарцевать,

Показать все свои возможности, ни на шаг не продвинувшись вперед.

Это, я надеюсь, удовлетворит вас на данный момент; в следующем письме я пришлю вам дополнительные подробности, которые, по моему мнению, заслуживают вашего внимания, касающиеся этого необычного человека.— Между прочим, я такой и есть.

[3] Тот же намек, хотя, вероятно, Вольтер этого не знал, уже давно был сделан Коули—

Бэкон, подобно Моисею, наконец вывел нас вперед

Бесплодную пустыню он миновал,

Неужели на самой границе стояли

Из благословенной земли обетованной,

И с горной вершины своего возвышенного остроумия

Видел это сам и показал нам.

ПИСЬМО XXX.

Женева.

Рассматриваемый как таковой, Вольтер предстает в очень приятном свете. Он приветлив, гуманен и щедр к своим арендаторам и иждивенцам. Ему нравится видеть, как они процветают, и он принимает участие в их личных и домашних заботах с вниманием патриарха.— Он поощряет промышленность и мануфактуру среди них всеми доступными ему средствами: только благодаря его заботе и покровительству Ферней из жалкой деревушки, жители которой погрязли в лени и бедности, превратился в процветающий и удобный маленький городок.

Эта язвительность, сквозящая в некоторых произведениях Вольтера, кажется, направлена только против соперничающих остроумцев и современных писателей, которые отказывают ему в том выдающемся месте на Парнасе, на которое дают ему право его таланты.

Если он и был автором суровой сатиры, то он также был объектом очень многого. Кто был агрессором, было бы трудно определить; но следует признать, что там, где он не вызывал раздражения как писатель, он казался человеком с добрым чувством юмора; и, в особых случаях, проявлял настоящую филантропию.—Все его поведение по отношению к семейству Калас; —его защита Сирвенон, его покровительство молодой леди произошли от Корнеля, и многие примеры, которые можно было бы привести, носят именно этот характер.

Некоторые люди скажут вам, что вся суэта, которую он поднял в этих и подобных случаях, проистекала из тщеславия; но, на мой взгляд, человек, который прилагает усилия, чтобы оправдать угнетенную невинность, вызвать негодование человечества против жестокости и облегчить нуждающимся заслуги, на самом деле доброжелателен, как бы тщеславен он ни был в таких действиях. Такой человек, несомненно, более полезный член общества, чем самый смиренный монах, у которого нет другого плана в жизни, кроме как добиваться собственного спасения в углу.

Критические замечания Вольтера по поводу произведений Шекспира не делают ему чести; они выдают невежество автора, чьи произведения он так опрометчиво осуждает. Неправильности Шекспира и его пренебрежение к единству драмы очевидны для самого тупого из современных критиков; но национальные предрассудки Вольтера и его несовершенное знание языка делают его слепым к некоторым из самых ярких достоинств английского поэта; однако его замечания, хотя и не всегда искренние и деликатные, по большей части живы.

Однажды вечером в Ферни, когда разговор зашел о гении Шекспира, Вольтер пустился в пространные рассуждения о неприличии и абсурдности введения в трагедию низких персонажей и вульгарных диалогов; и привел множество примеров того, как английский бард оскорблял именно этим, даже в своих самых патетических пьесах. Джентльмен из труппы, большой поклонник Шекспира, заметил в качестве утешения, что, хотя эти персонажи были низкими, все же они были естественными (*dans la nature*, как он выразился). *Avec permission, Monsieur, replied Voltaire, mon cul est bien dans la nature, et cependant je porte des coulottes.*

У Вольтера раньше был небольшой театр в его собственном доме, где драматические пьесы представляли некоторые из посещавшего его общества, сам он обычно играл какую-нибудь

важную роль; но, судя по всему, это была не его крепость, природа приспособила его к тому, чтобы понимать чувства, но не изображать поступки героя.

Мистер Кремер из Женевы иногда помогал в таких случаях.—Я часто видел, как этот джентльмен выступал в частном театре в этом городе с заслуженными аплодисментами. Очень немногие из тех, кто сделал актерское мастерство предметом изучения и делом своей жизни, могли бы представить персонажей, в которых он появился, с большей рассудительностью и энергией.

Сама знаменитая Клеро гордилась тем, что руководила домашним театром Вольтера и демонстрировала одновременно его гений и свой собственный.

Эти драматические представления в Ферне, на которые время от времени приглашались многие жители Женевы, по всей вероятности, усилили их тягу к подобным развлечениям и дали повод труппе французских комедиантов приезжать каждое лето по соседству.

Поскольку Синдикат и Совет не сочли уместным выдавать лицензии на их актерскую деятельность, эта труппа построила театр в Шатлене, который находится на французской стороне идеальной линии, отделяющей это королевство от территорий Республики, и примерно в трех милях от крепостных валов Женевы.

Люди иногда приезжают из Савойи и Швейцарии, чтобы посетить эти представления; но труппа, от которой в основном зависят актеры, - это жители Женевы. Спектакль начинается в три или четыре часа дня, чтобы у зрителей было время вернуться до закрытия ворот.

Я часто бывал в этом театре. Исполнители в меру хороши. Восхищенный Ле Каин, который сейчас находится в Фернее, в гостях у Вольтера, иногда выставляется: "но когда я приезжаю, мое главное побуждение — увидеть Вольтера, который обычно присутствует, когда выступает Ле Каин, и когда должна быть представлена одна из его собственных трагедий".

Он сидит на сцене и за кулисами, но так, чтобы его видела большая часть зрителей. Он проявляет такой большой интерес к представлению, как если бы его собственный характер зависел от представления. Он кажется совершенно огорченным и испытывающим отвращение, когда кто-либо из актеров совершает ошибку; а когда он думает, что они играют хорошо, никогда не преминет выразить свое одобрение яростью голоса и жестов.

Он входит в притворное огорчение пьесы со всеми признаками настоящих эмоций и даже проливает слезы с обильностью девушки, впервые присутствующей при трагедии.

Иногда я сидел рядом с ним во время всего представления, с удивлением наблюдая такую степень чувствительности в восьмидесятилетнем человеке. Естественно предположить, что этот почтенный возраст мог значительно притупить все ощущения, особенно те, которые вызывались вымышленными переживаниями от драмы, к которой он привык с юности.

То, что представленные произведения были написаны им самим, является еще одним обстоятельством, которое, на мой взгляд, естественным образом должно препятствовать их воздействию на него. Некоторые люди действительно утверждают, что это, отнюдь не уменьшающееся, является истинной причиной всей его чувствительности; и в доказательство

этого утверждения они настаивают на том, что он посещает театр только тогда, когда должны быть разыграны некоторые из его собственных пьес.

Естественно, что ему больше нравится видеть, как изображаются его собственные трагедии, чем какие-либо другие; но я не могу понять, как его легче растрогать и обмануть несчастьями, которые он сам же и выдумал. И все же такая степень обмана кажется необходимой, чтобы заставить мужчину пролить слезы. Пока текут эти слезы, он должен верить, что горе, о котором он плачет, реально: должно быть, он был настолько обманут хитростью сцены, что забыл, что находится в театре. В тот момент, когда он вспоминает, что все это выдумка, его сочувствие и слезы должны прекратиться.

Я был бы рад, однако, увидеть Вольтера присутствующим на представлении какой-нибудь трагедии Корнеля или Расина, чтобы я мог понаблюдать, проявит ли он большую или меньшую чувствительность, чем в своей собственной. Тогда мы смогли бы установить этот любопытный, спорный момент, относилась ли его симпатия к произведению или к автору.

Как было бы хорошо, если бы этот необыкновенный человек ограничил свой гений его родным домом, прогулками, которые любят музы, и где его всегда принимали с особым почетом, и чтобы он никогда не отклонялся от них, не вступал на тернистые тропы споров! Ибо, хотя он нападал на тиранов и угнетателей человечества и на тех, кто извратил благожелательную природу христианства в самых эгоистичных и злобных целях, всегда остается сожалеть, что он позволил стрелам своей насмешки коснуться самой христианской религии.

Упорствуя в этом, он не только шокировал благочестивых, но даже вызвал отвращение у неверующих, которые обвиняют его в заимствовании у него самого и повторении одного и того же аргумента в различных публикациях; и, похоже, он так же устал от черствой насмешки над христианскими доктринами, как и от самых скучных проповедей в их поддержку.

Поведение Вольтера во время болезни было представлено в совершенно противоположном свете, я много слышал о его великом раскаянии, когда у него были основания полагать, что его конец приближается. Эти истории, будь они правдой, доказали бы, что его неверность была притворством и что в душе он был верующим и христианином.

Признаюсь, я никогда не мог бы поверить подобным сообщениям; ибо, хотя я часто встречался с тщеславными молодыми людьми, которые напускали на себя вид свободомыслящих, в то время как на самом деле они были даже суеверны, все же я никогда не мог понять, что такой человек, как Вольтер, или любой здравомыслящий человек, мог предложить себе с помощью такого абсурдного притворства. Притворяться, что мы презираем то, что на самом деле почитаем, и относиться как к человеческому к тому, что мы считаем божественным, безусловно, является самым непростительным из всех видов лицемерия.

Я приложил немало усилий, чтобы выяснить этот вопрос; и те, кто много лет прожил рядом с ним, заверили меня, что все эти истории не имеют под собой оснований. Они заявили, что, хотя он не желал отказываться от наслаждения жизнью и использовал средства для сохранения

здоровья, он, казалось, нисколько не боялся последствий смерти. Что он никогда, ни в здравии, ни в болезни, не испытывал никаких угрызений совести за деяния, вменяемые ему против христианской религии.— Что, напротив, он был ослеплен до такой степени, что выражал беспокойство при мысли о смерти до того, как некоторые из них, которыми он был в то время занят, были закончены.

Хотя такое поведение не может быть оправдано никакими предположениями, все же в нем больше последовательности и, на мой взгляд, меньше зла, если мы согласимся с отчетом, который дают его друзья, чем в его сочинениях, направленных одновременно против устоявшихся мнений человечества, убеждений его собственной совести и вдохновения Божества, просто для того, чтобы заслужить аплодисменты нескольких заблуждающихся неверующих.

Какими бы ошибочными они ни были, я не могу подозревать их в подобной нелепости. Напротив, я полагаю, что, как только он убедится в истинах христианства, он будет открыто выражать свое мнение, как в здравии, так и в болезни, одинаково, до своего последнего мгновения.

ПИСЬМО XXXI.

Женева.

Повинуясь вашей просьбе, я открыто выскажу вам свое мнение относительно плана лорда ... отправить двух своих сыновей на образование в Женеву.

Старшему, если я правильно помню, не больше девяти лет; и они продвинулись в своем образовании не дальше, чем в том, что умеют сносно читать по-английски. Идея его светлости заключается в том, что, когда они в совершенстве овладеют французским языком, их можно будет учить латыни с помощью этого языка и продолжать любое другое изучение, которое сочтут нужным.

Я выслушал возражения его светлости против государственных школ в Англии, и после должного рассмотрения и взвешивания всех обстоятельств я остаюсь при мнении, что ни одна страна, кроме Великобритании, не подходит для получения образования британским подданным, который намеревается провести свою жизнь в своей собственной стране. На мой взгляд, самое важное, чего следует добиться в образовании молодого человека, занимающего высокое положение в нашей стране, - это сделать его англичанином; и нигде это не может быть сделано так эффективно, как в Англии.

Там он приобретет те чувства, тот особый вкус и склад ума, которые заставят его предпочесть правительство и наслаждаться манерами, развлечениями и общим образом жизни, которые преобладают в Англии.

Там он приобретет тот характер, который отличает англичан от уроженцев всех других стран Европы, и который, однажды приобретенный, как бы впоследствии его ни приукрашивали или деформировали, никогда не сможет быть полностью стерт.

Если бы можно было доказать, что этот персонаж не самый дружелюбный, из этого не следует, что он не самый целесообразный. Достаточно того, что в целом она пользуется наибольшим одобрением в Англии. Ибо я считаю бесспорным, что хорошее мнение соотечественников для человека важнее, чем мнение всего остального человечества: действительно, без первого он очень редко может пользоваться вторым.

Считается, что благодаря раннему иностранному образованию можно будет избежать всех нелепых английских предрассудков. Это может быть правдой, но сформируются другие предрассудки, возможно, столь же нелепые и гораздо более пагубные. Первое не может сопровождаться множеством неудобств; второе может сделать молодых людей несчастными в их собственной стране, когда они вернутся, и неприятными для своих соотечественников на всю оставшуюся жизнь.

Это правда, что французские манеры приняты почти во всех странах Европы: они преобладают по всей Германии и при северных дворах. Они набирают обороты, хотя и более медленными темпами, в Испании и итальянских штатах.—В Англии дело обстоит иначе. Английские манеры распространены в провинциях, преобладают в столице и не испорчены даже при дворе.

Во всех вышеупомянутых странах основная масса людей с отвращением взирает на это предпочтение иностранным манерам. Но во всех этих странах пренебрегают чувствами людей, тогда как в Англии популярность имеет реальное значение, и чем выше ранг человека, тем сильнее он будет ощущать ее потерю.

Кроме того, предубеждение против французских манер не ограничивается низшими слоями населения Англии: оно распространено на всю нацию. Даже те, у кого нет ни одного из обычных предрассудков; —кто отдает должное талантам и изобретательности своих соседей; —кто одобряет французские манеры во французах; но не может вынести, когда их прививают своим соотечественникам. Если английский джентльмен и сочтет такой вид подкупа вообще допустимым, то только в отношении представителей низших слоев общества, с которыми он связан, в качестве своего портного, цирюльника, камердинера или повара; но никогда в отношении своего друга.

Я едва ли могу припомнить случай, когда бы светский англичанин, выказавший в своей одежде или стиле жизни предпочтение французским манерам, не потерял от этого в глазах своих соотечественников.

То, что я сказал о французских манерах, применимо к иностранным манерам в целом, которые все в той или иной степени французские, и англичане не различают особых различий.

Настроения граждан Женевы во многих отношениях более аналогичны ходу мыслей в Англии, чем общим мнениям во Франции. И все же женевец в Лондоне повсеместно сойдет за француза.

Английский мальчик, отправленный в Женеву в раннем возрасте и оставшийся там шесть или семь лет, если с ним не будет родителей, вероятно, всю последующую жизнь будет в глазах англичан выглядеть чем-то вроде француза. Это неудобство, которого следует избегать с величайшим вниманием.

Что касается возражений против государственных школ, то они во многих отношениях применимы к школам любой страны. Но я откровенно признаюсь, что они никогда не казались мне достаточными, чтобы перевесить преимущества, которые сопутствуют этому методу обучения, особенно в том виде, в каком оно проводится в английских государственных школах.

Я заметил определенную твердость и мужественность характера у мальчиков, получивших государственное образование, превосходящие то, что проявляется у их сверстников, получивших частное образование.

В государственной школе, хотя общее внимание уделяется всему в целом, во многих деталях каждый мальчик должен решать и действовать самостоятельно. Его репутация среди товарищей зависит исключительно от его собственного поведения. Это постепенно укрепляет ум, внушает твердость и решительность и предотвращает ту нерешительность, которая наблюдается у тех, кто давно привык полагаться на помощь и мнение других.

Первоначальные впечатления, которые проникают в сердце и разум и формируют характер, никогда не меняются.—Объекты нашего внимания меняются в разные периоды жизни.—Иногда это ошибочно принимают за смену характера, который на самом деле остается по сути прежним.—Тот, кто был замкнутым, лживым, жестоким или скупым в детстве, ни в какой будущий период жизни не станет открытым, верным, сострадательным или щедрым.

Юный разум имеет наилучшие шансы усвоить в государственной школе те чувства, которые склоняют сердце к дружбе и исправляют эгоизм. Их привлекает наблюдение, которое бесконечно сильнее наставлений.

Мальчик понимает, что смелость, великодушие, благодарность вызывают уважение и аплодисменты всех его товарищей. Он лелеет эти качества в своей собственной груди и старается завязать дружбу с теми, кто ими обладает.—Он видит, что низость духа, неблагодарность и вероломство являются объектами отвращения.—Он избегает мальчиков, которые проявляют какие-либо признаки этих отвратительных качеств. То, что является предметом аплодисментов или презрения его школьных товарищей, он будет стараться привить или искоренить из своего собственного характера с в десять тысяч раз большим рвением, чем то, что приветствовалось и порицалось его учителем или родителями.

Увещевания этих последних, вероятно, утратили свое действие из-за частого повторения; или же он может вообразить, что их принципы применимы только к прошлому веку и к нравам, которые устарели.—Но он чувствует, что чувства его товарищей самым разумным образом влияют на его репутацию и известность.

Во всех странах Европы, за исключением Англии, в государственных школах с таким уважением относятся к знатым мальчикам, что соперничество, главный стимул к прилежанию, сильно притупляется. Мальчики среднего достатка подавлены дерзостью своих титулованных

товарищей, которых им не позволено исправлять или мстить.— Это оказывает наихудшее воздействие на умы обоих, делая одних более наглыми, а тех - более униженными.

Государственные школы в Англии презирают эту низменную пристрастность и по этой причине особенно полезны для мальчиков высокого положения и большого состояния. Эти молодые люди чрезвычайно склонны впитывать ложные представления о собственной значимости, которые в этих беспристрастных семинариях будут полностью подтверждены, а реальные заслуги молодых людей будут взвешены на более справедливых весах, чем обычно можно найти в родительском доме.

Дела, а еще эффективнее — его товарищи преподадут молодому пэру этот самый полезный из всех уроков - ожидать отличия и уважения только от личных качеств; потому что ничто другое не может сделать его достойным уважения или даже спасти от презрения.— Он увидит, как болвана высокого ранга выпорют с такой же бесцеремонностью, как сына портного; а самого богатого труса его товарищи будут пинать ногами наравне с самым бедным трусом.—Он обнаружит, что усердие, гениальность и дух являются истинными источниками превосходства и аплодисментов, как внутри школы, так и за ее пределами.

Активный принцип подражания, когда ему позволено играть в полную силу, как в ведущих школах Англии, действует различными способами и всегда с хорошим эффектом.—Если мальчик обнаружит, что по литературным достоинствам он ниже своих товарищей, он постарается превзойти их в бесстрашии или каком-нибудь другом достижении.—Если он будет опозорен за пренебрежение к своим упражнениям, он постарается уберечь себя от презрения твердостью, с которой он переносит свое наказание.

Вялость и леность, которые так часто встречаются среди нашей знатной молодежи, не следует приписывать их образованию в государственной школе, которая на самом деле имеет наибольшую тенденцию противодействовать этим привычкам, и часто так и делает, и придает уму энергию, которая остается на всю жизнь.

Эти дурные качества проявляются впоследствии, когда юноши становятся хозяевами сами себе и ослабляют свой разум, предаваясь всем удовольствиям, которые дает им судьба и дарит роскошь.

В целом, я определенно придерживаюсь мнения, что самый ранний период образования каждого англичанина, в течение которого ум получает наиболее прочные впечатления, должен быть в Англии.

Однако, если мнение родственников или какие-либо особенности ситуации препятствуют его получению образования дома, следует предпочесть Женеву любому другому месту. Или, если по какой-то небрежности, своей собственной или своих родителей, молодой английский джентльмен с состоянием позволил первым годам юности пролететь незамеченными и достиг семнадцатилетнего или восемнадцатилетнего возраста с незначительными литературными познаниями, я не знаю места, где у него было бы больше шансов вернуть то, что он потерял, чем в этом городе. У него может быть выбор выдающихся людей в каждой отрасли литературы, которые будут помогать ему в его исследованиях, значительная часть из которых - гениальные люди, столь же приятные в своих манерах, сколь и выдающиеся в своей конкретной профессии.

У него будет постоянная возможность находиться в обществе очень изобретательных людей, чьи мысли и разговоры вращаются вокруг литературных тем. В таком обществе молодой человек почувствует необходимость в некоторой степени учиться. Это постепенно сформирует вкус к знаниям, который может остаться на всю жизнь.

К преимуществам этого места можно также отнести то, что здесь мало объектов для разгула и почти нет источников развлечений, кроме тех, которые проистекают из природных красот страны и из близости к людям, общение с которыми вряд ли может не улучшить молодого человека.

Р. С. Английский дворянин и его супруга, приняв решение обучать своего сына в Женеве, приехали с ним сюда и успешно предотвратили вышеупомянутые неудобства, оставаясь с ним в течение семи или восьми лет.

Гостеприимство, щедрость и великодушный нрав этой семьи снискали им высочайшую популярность. Я видел, как они покидали это место. Их карета с трудом продвигалась сквозь толпу, собравшуюся на улицах. Многие бедняки, получившие облегчение благодаря своей тайной благотворительности и не способные больше повиноваться предписаниям своих благодетелей, громко выражали свою благодарность.

Молодому джентльмену пришлось снова и снова выходить к своим старым друзьям и компаньонам, которые столпились вокруг кареты, чтобы попрощаться с ним, выразить свое сожаление по поводу его отъезда и пожелать ему процветания. Глаза родителей наполнились слезами счастья, и вся семья унесла с собой любовь большей части населения и уважение всех горожан.

ПИСЬМО XXXII.

Женева.

Самоубийства в Женеве очень часты. Мне сказали, что так было с тех пор, как себя помнят старейшие люди республики; и есть основания полагать, что здесь это происходит чаще, пропорционально числу жителей, чем в Англии или любой другой стране Европы.

Множество случаев, произошедших с тех пор, как я здесь, поражает. Два случая, произошедших совсем недавно, примечательны особыми обстоятельствами, которые их сопровождали.

Первое было вызвано внезапным и необъяснимым приступом отчаяния, охватившим сына одного из самых богатых и респектабельных граждан республики. У этого молодого джентльмена, судя по всему, были все основания быть довольным своей участью. Он был красив и с пылкостью юноши женился на женщине с прекрасным характером, которая принесла ему большое состояние и от которой он стал отцом замечательного ребенка. Посреди всех этих благ, окруженный всем, что могло внушить человеку привязанность к жизни, он почувствовал, что это невыносимо, и без какой-либо очевидной причины для огорчения решил покончить с собой.

Проведя несколько часов со своей матерью, самой ценной женщиной, а также со своей женой и ребенком, он оставил их в явно хорошем настроении, вышел в другую комнату, приставил дуло мушкета ко лбу, носком ботинка спустил курок и прострелил себе мозги на глазах у ничего не подозревающей компании, которую он только что покинул.

Второй пример - случай с кузнецом, который, приняв то же роковое решение и не имея под рукой никакого удобного инструмента, зарядил старый ружейный ствол связкой пуль и, сунув один конец в огонь своего горна, привязал к ручке мехов бечевку, потянув за которую, он мог заставить их играть, находясь на удобном расстоянии. Опустившись на колени, он приблизил голову к горловине ствола и, двигая мехи с помощью бечевки, раздул огонь, при этом он с поразительной твердостью и ужасающей неторопливостью удерживал голову в этом положении до тех пор, пока дальний конец ствола не нагрелся настолько, что воспламенился порох, взрыв которого мгновенно пробил пули ему мозг.

Хотя я знаю, что это произошло буквально так, как я рассказал, все же в этих обстоятельствах есть нечто настолько экстраординарное и почти невероятное, что, возможно, я не стал бы упоминать об этом, если бы это не было хорошо засвидетельствовано и не было известно жителям Женевы и всем англичанам, которые в настоящее время здесь.

Почему самоубийства более часты в Великобритании и Женеве, чем где бы то ни было, было бы предметом любопытного исследования. Ибо кажется весьма необычным, что люди более всего склонны к самоубийству в странах, где жизненные блага обеспечены наилучшим образом. Должна быть какая-то сильная и своеобразная причина для столь нелепого следствия.

До приезда сюда я придерживался мнения, что частота самоубийств в Англии в значительной степени вызвана суровым и неравномерным климатом, который, хотя и затуманивает небо, омрачает умы местных жителей.—К этой причине иностранцы обычно добавляют использование угля вместо древесины в качестве топлива.

Я остался доволен некоторой туманной теорией, построенной на этих фактах, взятых вместе: — Но ни то, ни другое не может объяснить тот же эффект в Женеве, где уголь не используется и где климат такой же, как в Швейцарии, Савойе и соседних частях Франции, где случаи самоубийств, безусловно, гораздо более редки.

Не беря на себя смелость решать, каковы отдаленные причины этой фатальной склонности, мне кажется очевидным, что никакие рассуждения не могут иметь ни малейшей силы для предотвращения этого, кроме тех, которые основаны на бессмертии души и ее будущем состоянии.— Какой эффект могут оказать обычные аргументы на человека, который не верит в эту необходимую и важную доктрину?—Ему могут сказать, что он не давал себе жизни, следовательно, он не имеет права отнимать ее;—что он сотник на посту и должен оставаться там до тех пор, пока его не сменяют;—что все это значит для человека, который думает, что его никогда не будут допрашивать за его насилие и дезертирство?

Если вы попытаетесь уязвить гордость этого человека, утверждая, что переносить жизненные невзгоды - большее доказательство мужества, чем убегать от них, он ответит вам цитатой из римской истории и спросит, были ли Катон, Кассий и Марк Брут трусами?

Великий законодатель евреев, по-видимому, был убежден, что никакой закон или довод против самоубийства не может оказать никакого влияния на умы людей, которые не знали о бессмертии души; и поэтому, поскольку он не считал необходимым наставлять их в первом (по причинам, которые епископ Глостерский изложил в своем трактате о Божественном посланничестве Моисея), он также счел излишним давать им какой-либо прямой закон против другого.

Следовательно, те философы, которые пытались выбить это великое и важное убеждение из умов людей, тем самым открыли дверь самоубийству, а также другим преступлениям.—Ибо тот, кто возражает против этого, не опираясь на доктрину будущего государства, вскоре увидит, что все его аргументы опровергнуты.

Действительно, следует признать, что во многих случаях этот вопрос решается чувствами людей, независимо от рассуждений любого рода.

Природа не доверила вопрос столь огромной важности исключительно подверженному ошибкам разуму человека, но вложила в грудь человека такую любовь к жизни и ужас перед смертью, которые редко могут быть преодолены даже величайшими несчастьями.

Но есть болезнь, которая иногда поражает тело, а затем передает свое пагубное влияние разуму, над которым она нависает таким облаком ужасов, что делает жизнь абсолютно невыносимой. В этом ужасном состоянии все приятные идеи изгнаны, и все источники комфорта в жизни отравлены.—Ни богатство, ни почести, ни друзья, ни семья не могут дать ни малейшего удовлетворения.—Надежда, последняя опора несчастных, падает на землю — Отчаяние овладевает покинутым страдальцем — Тогда все рассуждения становятся тщетными — Даже доводы религии не имеют веса, и бедняга принимает смерть как своего единственного друга, который, как он думает, может прекратить, но не может увеличить его страдания.

Я есмь ит.Д.

P. S. Вам нет необходимости писать, пока вы снова не получите от меня вестей, поскольку я думаю, что вполне вероятно, что мы покинем это место до того, как ваше письмо сможет прибыть.

ПИСЬМО XXXIII.

Lausanne.

Д-из Н- имея желание посетить некоторые немецкие дворы, мы попрощались с нашими друзьями в Женеве и, таким образом, находимся в нашем предполагаемом путешествии. В Германии, по сравнению со всеми другими странами, находится в обществе человека

высокого ранга имеет особое преимущество, потому что это облегчает ваш прием везде и устраняет необходимость в рекомендательных письмах.

Я встретился здесь с моим другом Б.Н., чье общество и разговоры задержали наше путешествие, поскольку они были главными целями путешествия, если к ним можно отнести развлечения и обучение. Он здесь с мсье Л.У., живой, одухотворенный молодой человек; один из тех легких, беззаботных персонажей, которых так любят их близкие и которые так пренебрегают мнением остального человечества.

Поскольку вы держите от меня обещание писать так регулярно, вы должны иногда ожидать получения письма из трех или четырех разных мест, когда либо мое короткое пребывание в одном месте лишает меня досуга, либо встреча с ничем необычным в другом лишает меня материалов для такого длинного письма, какое вам требуется.

Дорога из Женевы в этот город протекает вдоль берега озера, через восхитительную местность, изобилующую виноградниками, на которых производят *только почитаемое* вино де ла Кот. Все маленькие городки по пути - Ньон, Ролле и Морж - прекрасно расположены, аккуратно построены и населены процветающими и довольными людьми.

Лозанна - столица этой очаровательной страны, которая раньше принадлежала герцогу Савойскому, но сейчас находится под властью кантона Берн.

Каким бы унижительным это ни было для бывшего владельца, это, безусловно, было счастливым избавлением для жителей Пэй-де-Во, которые во всех отношениях чувствуют себя более свободно и находятся в лучшем положении, чем любой из подданных его Сардинского величества.

Этот город расположен недалеко от озера, примерно в тридцати милях от Женевы. Поскольку здесь проживает местная знать и из некоторых частей Швейцарии, а также семьи нескольких офицеров, ушедших в отставку со службы, в обществе Лозанны царит атмосфера большей непринужденности и веселья (возможно, также большей вежливости), чем в обществе Женевы; по крайней мере, в это твердо верят и утверждают все здешние дворяне, которые считают себя значительно выше граждан Женевы. Они, с другой стороны, много говорят о бедности, легкомыслии и невежестве той же знати и без колебаний ставят своих собственных просвещенных механиков выше их по всем существенным качествам.

Веве.

Дорога между Лозанной и Веве очень гориста; но горы до самых вершин возделаны и покрыты виноградными лозами. Это было бы невыполнимо из-за крутизны, если бы владельцы не построили прочные каменные стены через соответствующие промежутки времени, одну над другой, которые поддерживают почву и образуют небольшие террасы от подножия до вершины гор.

Крестьяне поднимаются по узким лестницам, и, прежде чем они доберутся до земли, которую им предстоит возделывать, им часто приходится взбираться выше каменщика, который занят починкой верхушки колокольни.

Гористая природа этой страны подвергает ее частым проливным потокам, которые, будучи сильными, сметают виноградные лозы, почву и стены в результате одного общего разрушения. Жители взирают на опустошение с неослабевающим беспокойством и, не поддаваясь шумному гневу французов и не впадая в мрачное отчаяние англичан, думают только о наиболее действенных средствах восполнения потерь.— Как только шторм утихает, они начинают с завидным терпением и настойчивостью восстанавливать стены, таскать свежую землю на препятствиях на вершину горы и насыпать новую почву там, где старую смыло.

Там, где собственность в полной безопасности и людям позволено наслаждаться плодами собственного труда, они способны на усилия, неизвестные в тех странах, где деспотизм делает все ненадежным и где тиран пожирает то, что посеяли рабы.

Эта часть Плати-де-Во населена потомками тех несчастных людей, которые были изгнаны самыми нелепыми и жестокими преследованиями из долин Пьемонта и Савойи.

Я не буду утверждать, что беззакония преследователей обрушились на их детей; но страдания и стойкость преследуемых, по-видимому, компенсируются счастливым положением, в котором сейчас находятся их дети в третьем и четвертом поколениях.

Веве - симпатичный маленький городок с населением от трех до четырех тысяч человек. Он живописно расположен на равнине, недалеко от истока Женевского озера, где впадает Рона. Горы за городом, хотя и чрезвычайно высокие, полностью возделаны, как и те, что тянутся по дороге из Лозанны.

Примерно на полпути к вершине горы, прямо над Веве, находится большая деревня, которая, если смотреть снизу, кажется прилепившейся к краю пропасти и имеет очень необычный и романтический вид.

Главная церковь находится отдельно от города и расположена на холме, с которого открывается вид на него. С террасы, или церковного двора, открывается вид на Альпы, Рону, озеро с городами и деревнями на его окраинах.—В этой церкви покоится тело генерала Ладлоу. Этот стойкий республиканец удалился из Лозанны в это место после убийства своего друга Лайла, который был убит выстрелом в сердце, когда шел в церковь, негодяем, который переплыл озеро с этой целью и который среди суматохи, вызванной убийством, благополучно добрался до лодки и бежал на территории герцога Савойского на другом берегу, где его открыто защищали.— Это был жалкий способ отомстить за смерть монарха, который, справедливо или нет, был публично осужден и казнен.

На памятнике Ладлоу есть длинная латинская эпитафия, перечисляющая многие обстоятельства его жизни, но опускающая самые примечательные из них. Его называют *Patriæ libertatis defensor, et potestatis arbitratæ propugnator acerrimus* и т. Д., Но нет ни малейшего намека на то, что он был одним из судей короля Карла Первого и подписал приговор этому злополучному принцу.

Как бы ни любили швейцарцы в целом свободу и как бы ни были равнодушны к ее защитникам, можно предположить, что те, кто защищал Ладлоу, не одобряли эту часть его истории, и по этой причине особого упоминания о ней на его могиле сделано не было.

По почте через Швейцарию не проедешь; поэтому в Женеве мы наняли лошадей, которые доставят нас в Базиль; оттуда мы можем по почте отправиться в Страсбург, по которому и планируем проехать. Мы уезжаем из Лозанны послезавтра.

ПИСЬМО XXXIV.

Bern.

Вернувшись из Веве в Лозанну, я застал нашего друга, мистера Х.У., в гостинице с Д. из Х.У. Его светлость склоняется к тому, чтобы задержаться в этом городе еще на некоторое время; но пожелал, чтобы я мог отправиться с экипажами и всей прислугой, за исключением его камердинера и одного лакея, в Страсбург, на что я с готовностью согласился, получив его обещание присоединиться ко мне там через несколько дней. Х.у. в то же время сделал очень приятное предложение сопровождать меня в Страсбург, где он останется до нашего отъезда оттуда, оставив свою карету для поездки в г.

Мы отправились в путь на следующий день, и до Пайерна нас сопровождали господа Дж. Б-н и О-н, где мы весело провели вечер, а на следующее утро отправились в город Аванш, столицу Швейцарии времен Тацита[4].

Ни одна страна в мире не может быть более приятной для путешественников летом, чем Швейцария: ведь, помимо удобных дорог и гостиниц, некоторые из самых красивых объектов природы, леса, горы, озера, чередующиеся с плодородными полями, виноградниками и местами наиболее совершенного возделывания, здесь представлены глазу в большем разнообразии и в большем масштабе, чем в любой другой стране.

Из Аванша мы двинулись к Муртену, или Мюрату, как его произносят французы, аккуратному маленькому городку, расположенному на возвышенности, на берегу одноименного озера.

Армия Карла, герцога Бургундского, осаждавшая этот город, была разбита швейцарцами с большой резней в 1476 году. Недалеко от дороги, в миле от Мюрата, есть небольшое здание, полное человеческих костей, которые, как говорят, принадлежат бургундцам, убитым в той битве. Поскольку этот любопытный шкаф был воздвигнут через много лет после битвы, можно предположить, что некоторые кости победителей сложены здесь вместе с костями побежденных, чтобы пополнить коллекцию.

На часовне есть несколько надписей.

DEO OPTIM. MAX.

CAROLI INCLITI ET FORTISSIMI BURGUNDIÆ DUCIS
EXERCITUS MURATUM OBSIDENS AB HELVETIIS
CÆSUS HOC SUI MONUMENTUM RELIQUIT, 1476

На другой стороне находится следующее:

SACELLUM
QUO RELIQUIAS
EXERCITUS BURGUNDICI
AB HELVETIIS, A. 1476,
PIA ANTIQUITAS CONDIDIT.
RENOVARI
VIISQUE PUBLICIS MUNIRI
JUSSERUNT
RERUM NUNC DOMINÆ
REIPUBLICÆ
BERNENSIS ET FRIBURGENSIS
ANNO 1755.

Границы озера Мурат изобилуют домами джентльменов и деревнями в большом изобилии.

Одежда, манеры и лица жителей этой страны указывают на то, что они отличаются от женеццев, савояров или обитателей плато Во.

Мы пообедали в Мюрате и несколько часов оставались в городе. Там была ярмарка и большое скопление людей.— Швейцарские крестьяне - самые высокие и крепкие из всех, кого я когда-либо видел. Их одежда очень изысканна.— У них маленькие круглые шляпы, похожие на те, что носят голландские шкиперы.— Все их сюртуки и жилеты сделаны из какой-то грубой черной ткани. Их бриджи сшиты из грубого полотна, что—то вроде матросских мастерков, но ниже колен стянуты жгутами, а чулки из того же материала, что и бриджи.

Женщины носят короткие жакеты с большим количеством пуговиц. Незамужние женщины ценят длину своих волос, которые они разделяют на две части и распускают по всей длине, заплетая их лентами по моде Рамилли.— После свадьбы этим локонам больше не разрешается свисать вниз; но, будучи закрученными вокруг головы спиральными линиями, они закрепляются на макушке большими серебряными булавками. Это единственное различие в одежде, которое делает брак.

Женатые и незамужние носят соломенные шляпы, украшенные черными ободками. Пока что женской одежды становится достаточно, но у них есть необычная манера застегивать свои нижние юбки так высоко, что талии почти не остается. Это посягательство нижних юбок на талию с их поразительным количеством, которое они носят, придает размер и важность нижней и задней части тела, на которые она ни в коем случае не имеет права, и сильно деформирует внешний вид человека в целом.

Элегантная фигура Венеры Медичи или герцогини Д'ре была бы испорчена или уничтожена под таким нелепым грузом одежды.— Поскольку мы прибыли только сегодня днем, я ничего не могу сказать о Берне. Вы услышите больше в моем следующем письме. Пока что я здесь и с.

[4] Недалеко от этого города гелветы потерпели поражение от Цецины, одного из лейтенантов Вителлия.—*Multa hominum millia cæsa, multa sub corona venumdata. Cumque direptis omnibus, Aventicum gentis caput justo agmine peteretur.*

Taciti Historia, lib. 1. глава 68.

ПИСЬМО XXXV.

Bern.

Берн - обычный, хорошо застроенный город, в котором царит атмосфера великолепия. Дома построены из прекрасного белого необработанного камня и довольно однообразны, особенно на главной улице, где все они абсолютно одинаковой высоты. С каждой стороны есть площади с дорожками, приподнятыми на четыре фута над уровнем улицы, что очень удобно в сырую погоду.

Небольшое ответвление Aar было превращено в эту улицу и, будучи ограничено узким каналом посередине, который имеет значительный уклон, течет с большой скоростью; и, не будучи неприятным объектом сам по себе, оказывает большую услугу по поддержанию улицы в чистоте.

Еще одно обстоятельство способствует тому, что этот город считается одним из самых чистых в Европе: —Преступники заняты уборкой мусора с улиц и общественных мест. Самых жестоких преступников приковывают цепями к повозкам, в то время как те, кто осужден за более мелкие преступления, заняты тем, что сметают легкий мусор в ручей и бросают более тяжелый в телеги или фургоны, которые их более преступные товарищи вынуждены толкать или тащить за собой.

У этих негодяев на шеях закреплены железные ошейники с выступающей ручкой в виде крюка у каждого, за которые при малейшем проступке или мятеже они могут быть схвачены, и они полностью находятся в распоряжении стражи, в обязанность которой входит следить за тем, как они выполняют свою работу.—Люди обоего пола приговорены к этим работам на месяцы, годы или пожизненно, в зависимости от характера их преступлений.

Утверждается, что помимо сдерживания от преступлений, которое достигается этим, наряду с другими методами наказания, существует дополнительное преимущество, заключающееся в том, что преступника обязывают своим трудом возмещать ущерб, который он нанес обществу.

Я подозреваю, однако, что это преимущество перевешивается дурными последствиями привыкания людей созерцать страдания своих ближних, что, как я полагаю, постепенно ожесточает сердца зрителей и делает их менее восприимчивыми к эмоциям сострадания и жалости — чувствам, которые, возможно, из всех других, оказывают лучшее влияние на человеческую натуру и являются наиболее подобающими ей. Ювеналий говорит:

—— mollissima corda

Humano generi dare se natura fatetur,

Quæ lachrymas dedit: hæc nostri pars optima sensûs.

Везде, где часты публичные казни и наказания, простые люди, как было замечено, приобретают большую степень бесчувственности и жестокости нравов, чем в местах, где подобные сцены происходят редко.— Я помню, когда я был в Женеве, где казни очень редки, молодого человека приговорили к повешению за убийство, и в течение нескольких дней до и после казни в каждом обществе царили всеобщее уныние и беспокойство.

Общественные здания в Берне, такие как больница, зернохранилище, гауптвахта, арсенал и церкви, великолепны. Здесь находится только что построенное очень элегантное здание с помещениями для проведения многих общественных увеселений, таких как балы, концерты и театральные представления. Здесь также есть апартаменты для частных обществ и собраний. Он был построен по добровольной подписке знати, и никакие общества, кроме патрицианского сословия, туда не допускаются.

Театральные представления в Берне разрешены редко; в этом новом театре еще не было ни одного представления.

Аллея у большой церкви раньше была единственной общественной аллеей, и ею восхищались из-за открывающегося с нее вида и особенности ее расположения, поскольку она находилась на одном уровне с улицами с одной стороны и на высоте нескольких сотен футов над ними с другой. Но теперь есть еще одна общественная аллея, на некотором расстоянии от города, которая недавно была проложена по высокому берегу Аара и является самой великолепной, какую я когда-либо видел, принадлежащей этому или какому-либо другому городу. С него открывается потрясающий вид на реку, город Берн, прилегающую к нему местность и ледники Швейцарии.

Я посетил библиотеку, где, помимо книг, есть несколько предметов старины и еще кое-какие диковинки. Маленькая фигурка священника, наливающего вино между рогами быка, ценна только потому, что она иллюстрирует отрывок из Вергилия и была упомянута Аддисоном.

Недавно эта библиотека пополнилась собранием английских книг в великолепных переплетах, присланных в подарок одним английским джентльменом; который, хотя и считал нужным скрыть свое имя, в достаточной степени раскрыл свои политические принципы по характеру собрания, среди которых я выделил произведения Мильтона, особенно его прозу; "О правительстве" Алджернона Сидни, "Мемуары Локка" Ладлоу, "Перевод Тацита" Гордона, "Работы Аддисона", особенно "Фригольдер"; "Работы Марвела", "Стил" и др. Это были самые большие и изысканные издания, их стоимость могла составлять 200 фунтов стерлингов. — Этот джентльмен сделал такой же подарок публичной библиотеке в Женеве.

Я случайно открыл глазговское издание Гомера, которое увидел здесь, на чистой странице которого было обращение на латыни к корсиканскому генералу Паоли, подписанное Джеймсом

Босуэллом. Я полагаю, что эта очень изящная книга была отправлена мистером Босуэллом в подарок его другу генералу; и когда этот несчастный вождь был вынужден покинуть свою страну, она попала вместе с другими своими пожитками в руки швейцарского офицера французской службы, который подарил Гомера этой библиотеке.

Арсенал я не мог бы не осмотреть, если бы у меня было такое желание, поскольку бернуа ценят трофеи, содержащиеся в нем, а также количество, хорошее состояние и расположение оружия.

Ничто не интересовало меня так сильно, как фигуры храбрых швейцарцев, которые первыми подняли оружие против тирании, и фигуры Вильгельма Телля, который изображен целящимся в яблоко на голове своего сына. Я созерцал это с волнением, вызванным обстоятельствами рассказа, а не мастерством исполнения; ибо в тот момент я бы пренебрежительно созерцал самую изысканную статую Августа Цезаря, которая когда-либо была создана.

Несомненно, ни один персонаж не имеет такого права на восхищение и благодарность потомства, как те, кто освободил своих соотечественников от капризной наглости тиранов: И независимо от того, правдивы ли все события в истории Телля или вымышлены, люди (кем бы они ни были), которые воодушевляли своих сограждан сбросить австрийское иго, заслуживают того, чтобы их считали патриотами, поскольку, несомненно, ими руководил этот принцип, столь дорогой каждому великодушному сердцу, - дух независимости,

“Кто с судьбой великодушного крестьянина,

“На скале Ури, на тесном диване,

“И вонзилась эта стрела, верная, как судьба,

“Который подтверждает священные права человека”.

Мистер Аддисон замечает, что нет большого удовольствия в посещении арсеналов только для того, чтобы увидеть повторение этих военных запасов; тем не менее, это стоит того, поскольку дает представление о силе государства и помогает запечатлеть в уме наиболее значительные моменты его истории.

Здесь выставлено оружие, отнятое у бургундцев в различных битвах, установивших свободу Швейцарии; также изображена фигура бернского генерала, который в 1536 году отвоевал у Карла III Пэй-де-Во. Герцог Савойский: —И если у них нет трофеев, которые можно было бы продемонстрировать позже, я убежден, что это потому, что они слишком бедны и слишком мудры, чтобы стремиться к какому—либо расширению владений. - И потому, что все соседние державы наконец осознали, что природа их страны и их личная доблесть сделали швейцарцев настолько непобедимыми, насколько из политических соображений они неохотно предпринимают попытки завоеваний.

ПИСЬМО XXXVI.

Bern.

Различные кантоны Швейцарии, хотя и объединены общими узами и придерживаются республиканской формы правления, различаются по характеру этой формы, а также по религии.

Поскольку римско-католическая религия благоприятствует монархии, естественно предположить, что, будучи принятой республикой, она постепенно доведет правление до высшей ступени аристократии.

Факт, тем не менее, заключается в том, что те кантоны, которые в наибольшей степени демократичны, придерживаются папистских убеждений; и самая совершенная аристократия из них установлена в протестантском кантоне Берн, который также действительно является самым могущественным. По протяженности страны и числу жителей она считается почти равной всем остальным, вместе взятым.

Бернскую знать обвиняют в необычайной степени гордыни и величия. Они делают вид, что держат горожан на большом расстоянии; и их жены и дочери с трудом снисходят до общения с семьями торговцев на балах, ассамблеях и подобных общественных мероприятиях, где количество людей кажется необходимым для характера развлечения; это означает, что бал знати теряет в веселости то, что он сохраняет в достоинстве, и часто, как мне говорили, настолько же лишен развлечений, насколько и торжествен.

Вся власть правительства и все почетные должности в государстве находятся в руках знати. Поскольку им не разрешается торговать, они, естественно, обнищали бы без этого ресурса; но благодаря количеству мест, которыми пользуются дворяне и к которым прилагаются очень значительные пенсии, беднейшие из них имеют возможность достойно содержать свои семьи.

Бальяжи, на которые разделен весь кантон и завоеванные территории, образуют прибыльные и почетные заведения для знатных семей Берна. Судебный пристав является губернатором и судьей в своем собственном округе, и в каждом из них есть великолепный замок для его проживания. На него могут быть поданы апелляции из всех нижестоящих судов, а также на его решение в бернский совет.

Бернская знать, хотя и рождена быть судьями, не всегда разбирается в законах. Поэтому было сочтено необходимым назначить их оценщиками определенное число лиц, подготовленных к этой профессии. Но в случае, если судья расходится с этими заседателями и придерживается своего собственного мнения, несмотря на их протесты, поскольку дворянство имеет прецедентное право, решение должно быть вынесено в соответствии с волей судьи.

Эта должность остается в руках одного и того же лица только на шестилетний срок. Мне сообщили, что в некоторых из этих приютов губернатор может жить с подобающей роскошью и откладывать в течение срока своего пребывания в должности две-три тысячи фунтов стерлингов без вымогательства или неподобающей скупости. Нет закона, запрещающего впоследствии назначить его на другую должность.

Поскольку исполнительная власть правительства со всеми прибыльными и почетными должностями находится, таким образом, в руках знати, можно представить, что средние и

низшие слои населения бедны и угнетены. Это, однако, ни в коем случае не так; ибо горожане, я имею в виду торговцев и ремесленников, похоже, в целом наслаждаются всеми удобствами жизни. А крестьянство необычайно богато во всем кантоне Берн.

Швейцарцы не возражают против того, чтобы их судьями были дворяне и чтобы основные государственные должности оставались в их руках. Они смотрят на дворянство как на своих естественных начальников и думают, что их самих и их семьи следует содержать с определенной степенью блеска, но сила прямого налогообложения - это другой вопрос, и управлять им нужно со всей возможной осторожностью и деликатностью. Это общее дело, и за поведением знати в данном конкретном случае следят очень ревниво. Они достаточно осведомлены об этом и используют свою власть умеренно. Но чтобы дворяне никогда не забыли, в немецкой надписи на арсенале дан очень хороший намек на то, что наглость и алчность высокопоставленных лиц привели к свободе Швейцарии.

Народу, который всегда держит в руках оружие и составляет единственную военную силу страны, не грозит опасность быть угнетенным и раздраженным налогами.

Некоторые считали пагубной политику Швейцарии, позволяющую столь многим ее жителям служить наемниками в различных армиях Европы. Есть и другие, которые считают эту меру целесообразной или менее пагубной в швейцарских кантонах, чем это было бы в любой другой стране.

Сторонники этого мнения утверждают, что каждая часть Швейцарии, способная к возделыванию, уже улучшена в высшей степени; что после сохранения достаточного количества рабочих рук для поддержания ее всегда в таком состоянии и для поддержки каждой мануфактуры все еще остается избыток жителей, который формирует войска, которым разрешается поступать на иностранную службу. Они добавляют, что эти войска служат только ограниченное количество лет, по истечении которых многие из них возвращаются с деньгами в свою родную страну; и все они, по предварительному согласованию, могут быть отозваны государством в случае любой чрезвычайной ситуации.—Таким образом, они сохраняют многочисленную и хорошо дисциплинированную пешую армию, которая не только не является бременем, но в действительности обогащает государство: преимущество, которым никогда не обладал ни один другой народ.

Есть еще один мотив для этой меры, который, хотя и не признается открыто, все же, я подозреваю, имеет значительный вес: совет, возможно, опасается, что, если молодых дворян держать в домах, где у них было бы мало занятий, они могли бы заговорить и посеять раздоры в государстве; или, возможно, из-за праздности и честолюбия спровоцировать опасные восстания среди крестьян. Ибо, хотя законы суровы в отношении государственных преступлений и легко приводятся в исполнение в отношении обычных правонарушителей, наказать популярного молодого дворянина может быть трудно и опасно.

Исходя из этого, можно счесть в высшей степени благоразумным позволить значительной части из них провести на какой-нибудь дипломатической службе пылкие и беспокойные годы юности, которые дома могли бы быть потрачены на фракции и опасные интриги. Весьма вероятно, что штаты были бы склонны разрешить выезд офицерам, пока они оставляют частных лиц дома; но они вынуждены разрешить и последнее, потому что без них офицеры не смогли бы занять те

выдающиеся должности на иностранной службе, которые являются для них самым большим стимулом покинуть свою страну.

Отсидев определенный срок, почти все они возвращаются в Швейцарию. Некоторые - потому что устали от беспутства; другие - чтобы унаследовать отцовское поместье; и многие получают пенсии от князей, которым они служили.—Тогда, скорее всего, пыл молодости проходит.— Они начинают стремиться к тем должностям в своей собственной стране, на которые они имеют право по праву рождения и которые они теперь предпочитают блеску военного звания. Они хотят поддержать эти законы и то правительство, которое, по их мнению, так равнодушно относится к их семьям; или они желают провести остаток жизни в покое и уединении в своих отцовских поместьях.

Примечательно, что швейцарские офицеры, возвращающиеся со службы за границей, особенно во Франции, вместо того, чтобы привносить французские манеры в свои родные горы, и заражать своих соотечественников роскошью и щегольством этой нации, сбрасывают с себя всю иностранную напыщенность вместе со своей формой и немедленно возвращаются к простому и скромному образу жизни, который преобладает в их собственной стране.

ПИСЬМО XXXVII.

Базилик.

Совершив в прошлый раз более обширное турне по Швейцарии, мы решили не отклоняться от прямого пути в Страсбург. Во исполнение этого решения мы с Х.у., покидая Берн, проехали мимо Солерра, столицы одноименного кантона.

Солерр - приятный маленький городок, расположенный на реке Аар. Дома построены аккуратно и не лишены элегантности; самые убогие из них имеют опрятный вид. Простые люди, кажется, находятся в более легких условиях и чувствуют себя более довольными, чем в любой римско-католической стране, которую я когда-либо посещал. Гостиница, в которой мы остановились, имеет комфортабельный вид английской гостиницы. В этом городе находится резиденция посла Франции в кантонах. Одна из церквей Солерре - самое великолепное современное здание в Швейцарии.

В арсенале хранится оружие пропорционально числу жителей кантона; есть также трофеи и другие памятники доблести их предков, как, например, в арсенале Берна. В центре зала установлены тринадцать фигур мужчин в полном вооружении, представляющих тринадцать швейцарских кантонов.

Местность между Солерром и Базилем, хотя и очень холмистая, красива, возможно, тем более из-за разнообразия рельефа и различных видов, которые она представляет. У нас с Эйчи было больше времени полюбоваться этими прекрасными пейзажами, чем хотелось бы, потому что ось фаэтона сломалась в нескольких милях от Бэзила.

Это был веселый сезон сбора винограда.—Страна была переполнена крестьянами обоего пола и всех возрастов, занятыми сбором винограда и доставкой его домой. Наша прогулка на эти несколько миль была приятной и забавной. Во всех странах это время года радости и праздника, которое максимально приближается к преувеличенному описанию сельского счастья, данному древними поэтами. Возможно, на самом деле в их описании не столько преувеличение, сколько изменение наших нравов. — Ибо, если бы крестьянам было позволено наслаждаться плодами своего собственного труда, разве их жизнь не была бы более восхитительной, чем у любого другого народа?—Несмотря на бедность и угнетение, счастливый энтузиазм, очаровательное безумие и совершенное забвение о заботах распространяются по всей Франции во время сбора винограда.—Каждая деревня оживляется музыкой, танцами и ликованием; — и если бы не их изодранная одежда и изможденные лица, тот, кто увидел бы их в сезон сбора винограда, мог бы представить себе деревенских жителей Франции в положении столь же завидном, как то, которым, по словам Поэтов, некогда наслаждались пастухи Аркадии. Крестьяне этой страны не отличаются такой большой чувствительностью или выражением радости; и хотя они благословлены здоровьем, свободой и изобилием, сдержанное удовлетворение, своего рода флегматичное добродушие, отмечают границы их счастья.

Прибыв в Базиль, мы направились прямо в "Трех королей". Эта гостиница, с точки зрения расположения, самая приятная, какую только можно себе представить. Рейн омывает его стены, а окна большой столовой выходят через эту благородную реку на плодородные равнины на противоположном берегу.

Я только что вернулся из той самой столовой, где мы с Эйч-и сочли нужным поужинать.—За столом было человек десять или дюжина.—Я сидел рядом с мужчиной благородного вида из Страсбурга, с которым много беседовал во время ужина. Его спутником был круглолицый, румяный, пухлый джентльмен из Амстердама, который не говорил по-французски; но страсбуржец время от времени обращался к нему на нижнедолландском, на что тот отвечал кивками.

Когда после ухода большей части компании образовался небольшой кружок, я выразил некоторое сожаление моему страсбургскому знакомому, что мы с мистером Х.У. не можем немного говорить по-голландски; или что его друг не может говорить по-французски, чтобы мы могли насладиться его беседой. Это было немедленно переведено голландцу, который выслушал это с большим спокойствием, а затем вынул трубку изо рта и произнес ответ, который я с некоторым трудом заставил объяснить нашего переводчика. Оно заключалось в следующем: — Что мы должны утешать себя тем, что случайно не поняли друг друга; ибо, поскольку у нас не было никаких связей или совместных торговых операций, наша беседа, вероятно, не могла служить какой-либо полезной цели. Он низко поклонился в ответ на этот комплимент, сказав, что справедливость и здравый смысл этого замечания, безусловно, ускользнули от моего внимания, поскольку, по его признанию, до сих пор это делало его.

Видишь ли, мой друг, человек, который путешествует и заботится о том, чтобы попасть в хорошую компанию, всегда чему-то учится.— Если бы я не посетил Трех королей в Базиле, я, возможно, общался бы всю свою жизнь, не зная истинного использования языка.

ПИСЬМО XXXVIII.

Базилик.

С тех пор, как у меня состоялся разговор с моим изобретательным знакомым из Амстердама, прошло три дня. Нас заверили, что фаэтон, оснащенный новой осью из дерева, будет готов сегодня днем. А пока я напишу вам несколько замечаний об этом городе.

Базилик больше любого города Швейцарии, но не такой густонаселенный из-за своих размеров, как Женева. Жители, похоже, необычайно боятся воров, большинство окон защищены железными прутьями или решетками, как в монастырях или тюрьмах.

Я заметил в нижнем конце многих окон что-то вроде деревянного ящика, выступающего на улицу, с круглым стеклом диаметром около полуметра посередине. Мне сказали, что это для удобства пассажиров, которые, оставаясь незамеченными, предпочитают сидеть у окон и развлекаться, разглядывая пассажиров; что в основном их занимают дамы, которых приучили считать неприличным появляться у окон.

Жители Бэзила, по-видимому, отличаются сдержанным и угрюмым нравом; не могу сказать, естественно это или наигранно, но у тех немногих, с кем я беседовал, в манерах было что-то необычайно серьезное и официальное. Каким образом неизменная серьезность и торжественность манер в обычных жизненных делах стала рассматриваться как признак мудрости или выдающихся качеств, вот чего я никогда не мог понять.—Так много нелепых вещей происходит каждый день в этом мире, что людям, наделенным той степенью чувствительности, которая обычно сопутствует гениальности, очень трудно сохранять постоянную серьезность. Эта трудность в полной мере ощущается даже в серьезных и образованных профессиях юриста, врача и богослова; и люди, которые наиболее успешно преодолевали ее и которые никогда не отклонялись от торжественности установленных форм, не всегда отличались подлинными знаниями или гениальностью; хотя обычно ими больше всего восхищается толпа, которая очень склонна ошибочно принимать эту серьезность за мудрость, которая проистекает из буквальной тяжести мозга и нечеткости понимания. Ошибки того же рода часто совершаются при составлении суждения о книгах, так же как и о людях. Те, которые исповедуют формальный замысел наставлять и реформировать и методично продолжают работу до тех пор, пока читатель не погрузится в сон, считались глубокими и полезными выступлениями; в то время как к другим, изобилующим оригинальными наблюдениями и настоящими наставлениями, относились как к легкомысленным, потому что они написаны знакомым стилем, а наставления переданы бодро и непрямо.

Произведения, написанные с усердным желанием казаться глубокими, так часто имеют несчастье быть скучными, что некоторые люди считают эти два термина синонимами; и люди, которые принимают за правило, что одни книги глубоки, потому что они скучны, могут естественным образом заключить, что другие поверхностны, потому что они занимательны. Однако в отношении книг дело вскоре налаживается; книги с напыщенными и ложными претензиями умирают забытыми, в то время как книги реальных достоинств живут и процветают. Но что касается мужчин, катастрофа часто бывает иной; мы ежедневно видим, как формально

самонадеянные болваны процветают и наслаждаются плодами своих напыщенных навязываний, в то время как многие талантливые люди, презирующие подобные искусства, живут в безвестности и умирают заброшенными.— Прошу прощения, я только что вспомнил, что рассказывал вам кое-что о Бэзиле.

Здесьняя библиотека пользуется большим уважением.—Она считается особенно богатой рукописями. Они показали нам отрывок из греческого Нового Завета, которым, как вы можете поверить, мы с Эйч-Йи получили большое назидание. Нам сказали, что ему более тысячи лет.

В арсенале показаны доспехи, в которых был убит Карл герцог Бургундский. Этот несчастный принц украсил трофеями все арсеналы Швейцарии.

Мы посетили зал, где столько лет заседал знаменитый Собор, и так бесстрашно проголосовали против папы Римского. Не удовлетворившись осуждением его поведения, они фактически наложили на него проклятие. Предполагается, что известная картина в городском доме была написана при их содействии. В этом произведении изображен дьявол, отправляющий папу римского и нескольких священнослужителей до него в Ад.— Почему они должны предполагать, что дьявол должен быть так активен против его Святейшества, я не знаю причин.

Здесь много картин Ганса Хольбена (уроженца Базиля и любимого художника Генриха VIII. которому он был впервые рекомендован Эразмом); в частности, несколько портретов Эразма и один набросок семьи сэра Томаса Мора. Хотя портреты, как правило, самые безвкусные из всех видов живописи, все же портреты таких знаменитых людей, выполненные таким художником, безусловно, очень интересны.

Самая почитаемая из всех работ Холбена - это набор небольших фрагментов в разных отделениях, изображающих страсти и страдания нашего Спасителя. В них цвета остаются удивительно живыми.

Нас также провели в мрачную галерею, на стенах которой изображено то, что называется "Пляской смерти" Холбена. Краски, долгое время находившиеся на воздухе, теперь совсем выцвели, о чем, я думаю, вряд ли стоит сильно сожалеть, поскольку замысел произведения настолько убог, что самое прекрасное исполнение едва ли могло бы помешать ему вызывать отвращение.

Скелет, олицетворяющий Смерть, ведет за собой в танце людей обоих полов, всех возрастов и любого положения, от императора до нищего. Все они демонстрируют величайшее нежелание сопровождать своего отвратительного партнера, который, несмотря на слезы, упреки и взятки, увлекает их за собой.

Вы заметите, что у каждого персонажа есть Смерть, которая вызывает тошнотворное повторение одной и той же фигуры; и нежелание, отмеченное разными людьми, которых заставляют исполнять этот ненавистный менуэт, у некоторых сопровождается настолько нелепыми гримасами, что невозможно удержаться от улыбки, что, безусловно, не является тем эффектом, который художник намеревался произвести.— Если бы он это сделал, то из всех изобретений, которые когда-либо были придуманы, чтобы поднять настроение людям, его следует признать самым экстраординарным.

На это произведение, такое, как оно есть, Прайор ссылается в своей оде памяти полковника Виллерса.

Не испуганный предвидением, не введенный в заблуждение случайностью,

Властная Смерть направляет свое черное копье,

Посещает могилу великого Генриха и возглавляет танец Холбена.

В этом городе все часы переведены на час вперед. Когда во всех городах и деревнях вокруг всего час дня, в Бэзиле ровно два. Этой необычности триста или четыреста лет; и что столь же необычно, как и сам обычай, происхождение его неизвестно. Это ясно из того, что они дают совершенно разные объяснения этого.

Самая популярная история гласит, что около четырехсот лет назад городу угрожало внезапное нападение. Враг должен был начать атаку, когда большие башенные часы на одном конце моста должны были пробить час ночи. Художник, который заботился о часах, узнав, что это ожидаемый сигнал, заставил часы поменять местами, и они пробили два вместо одного; таким образом, враг, решив, что они опоздали на час, отказался от попытки; и в ознаменование этого избавления все часы в Бэзиле с тех пор бьют два в час дня, и так далее.

На случай, если этот отчет окажется неудовлетворительным, они показывают, в качестве подтверждения, голову, которая помещена рядом с этими патриотическими часами, повернутую циферблатом к дороге, по которой должен был войти враг. Эта же голова ежеминутно высовывает язык в самой оскорбительной из возможных манер. Изначально это был образец механического остроумия знаменитого часовщика, спасшего город. Он сформулировал это в насмешку над врагом, которого так ловко обманул. Он ремонтировался, обновлялся и мог ежеминутно высовывать язык на протяжении этих четырехсот лет благодаря заботам магистратов, которые считают, что столь превосходную шутку нельзя повторять слишком часто.

ПИСЬМО XXXIX.

Страсбург.

Ничто не может составить более резкого контраста с горами Швейцарии, чем равнины Эльзаса. От Базилика до Страсбурга тянется сплошная, хорошо возделанная равнина, почти плоская, как площадка для боулинга. Проходя мимо, мы увидели огромное количество табака, развешанного у дверей крестьян, поскольку эта трава в изобилии выращивалась на этих полях.

Мы очень приятно провели несколько дней в этом городе. Вряд ли можно испытывать недостаток в хорошей компании и развлечениях в месте, где находится многочисленный французский гарнизон. Маршал Контадес в настоящее время проживает здесь в качестве командующего войсками и губернатора провинции. Он живет великолепно. У англичан,

случайно проезжающих этим путем, а также у офицеров гарнизона есть все основания восхвалять его гостеприимство и вежливость.

Пообедав у себя дома с несколькими английскими джентльменами, он пригласил компанию в свою ложу в театре. Был поставлен "Enfant Prodigue" Вольтера, а в качестве маленького произведения - "Le François à Londres". Над нашей нацией, как вы знаете, немного подшучивают в последнем. Взоры зрителей часто обращались к ложе маршала, чтобы посмотреть, как мы переносим насмешки. Мы от души хлопали и демонстрировали самое совершенное добродушие. Действительно, не было никаких причин поступать иначе. Сатира благородна и не слишком сурова; и это компенсация за допущенные вольности; ибо в том же произведении отдается должное всем хорошим качествам, присущим английскому национальному характеру.

Пожилой французский офицер, сидевший в соседней с нами ложе, казался встревоженным и обиженным взрывами смеха, раздававшимися из зала при некоторых отдельных пассажах: он тронул меня за плечо и заверил, что ни одна нация во Франции не пользуется большим уважением, чем англичане, добавив: "Здравствуй, вениамин дамус, petimusque vicissim".

Хотелось бы, чтобы к французским персонажам, появляющимся на английской сцене, всегда относились с меньшей строгостью и равной справедливостью и их не так часто приносили в жертву нелиберальным и абсурдным предрассудкам вульгаризма.

Я видел, как большинство полков выполняли свои упражнения по отдельности, и с тех пор, как я прибыл сюда, был один общий полевой день. Французские войска бесконечно лучше одеты и во всех отношениях лучше оснащены, чем они были во время прошлой войны. Мне сказали, что этой реформацией они обязаны герцогу де Шуазелю, который, хотя сейчас и в опале, все еще сохраняет много друзей в армии.

В этом гарнизоне, помимо французов, есть два немецких полка. Они допускают применение розги при каждом незначительном случае, что никогда не допускается во французских войсках. Несмотря на то, что немецкие полки были в изобилии снабжены этими суровыми хлопущками для привлечения их внимания, я не мог заметить, чтобы они выполняли свои упражнения с большей точностью или бдительностью, чем французы; и любая разница, по моему мнению, была бы дорого куплена ценой обращения с одним солдатом, как со спаниелем.

Возможно, то, что улучшает выносливого и флегматичного немца, оказало бы противоположное действие на более деликатного и живого француза; та же строгость, которая необходима для дрессировки пойнтера, сделала бы борзую ни на что не годной.

В конце концов, я очень сомневаюсь, что этот возмутительный обычай абсолютно необходим в армиях какой-либо страны; ибо, пусть наши солдафоны говорят что им заблагорассудится, между людьми и собаками, несомненно, есть какая-то разница.

Что касается французов, я убежден, что большая суровость сломила бы их дух и ослабила бы тот огонь и стремительность в атаке, которыми они отличались и которые делают французские войска более грозными, чем любое другое качество, которым они обладают.

Должен признаться, я был в высшей степени доволен непринужденной, фамильярной атмосферой и видимостью доброй воли, с которой французские офицеры в целом разговаривают с простыми солдатами.— Это, как мне сказали, не умаляет уважения и послушания, которыми солдаты обязаны пользоваться по отношению к своим начальникам, или той степени субординации, которой требует военная дисциплина. Напротив, утверждается, что к этим качествам, которыми французы обладают совместно с другими солдатами, они присоединяют своего рода благодарную привязанность.

В некоторых службах поведение офицеров по отношению к рядовым настолько угрюмо, сурово и безжалостно, что человека можно заставить поверить, что одним из их главных удовольствий было делать жизнь простых людей как можно более несчастной.

Если определенная степень мягкости не повредит великим правилам послушания и субординации, то, несомненно, стоит уделить некоторое внимание чувствам столь значительной части человечества, которая в силу современной политики вынуждена вести военную жизнь. Полностью исключить счастье в управлении армиями, в которых они составляют бесконечно большую часть, - это довольно жестокое обращение с существами того же вида, занятыми тем же делом и подвергающимися тем же опасностям, что и их офицеры.

Когда я начинал это, я намеревался рассказать вам несколько вещей о Страсбурге, но вместо этого французские и немецкие солдаты сбили меня с пути истинного.—Отвлекаться - это уловка, которой я очень подвержен, и вместо того, чтобы отказываться от нее, я бы вообще выбросил свою ручку.

Д-из Н- прибыл сюда точно в то время, когда он сделал предложение.

ПИСЬМО XL.

Страсбург.

Страсбургский собор - очень красивое здание, которое никогда не перестает привлекать внимание посторонних.

Наши предки-готы, как греки и римляне, строили для потомков. Их идеи в области архитектуры, хотя и отличались от идей греческих художников, были обширны, возвышенны и щедры, намного превосходя эгоистичную ограниченность современного вкуса, который обычно ограничивается одним или двумя поколениями; планы наших предков с более широкой благожелательностью охватывают отдаленные эпохи. Многие готические здания, все еще пригодные для жилья, свидетельствуют об этом и должны вызывать чувство благодарности к тем, кто не пожалел такого труда и затрат на обустройство своих отдаленных потомков.

Количество и величина готических церквей в разных странах Европы позволяют предположить, что духовенство в те дни не было лишено общественного духа; ибо, если бы могущественные духовные лица тогда всецело руководствовались мотивами личной выгоды, они обратили бы чрезмерное влияние, которое они приобрели на умы своих сограждан, на цели, более непосредственно выгодные для них самих; вместо того, чтобы поощрять их возводить

великолепные церкви для общественного пользования, они могли бы проповедовать, что еще более достойно строить прекрасные дома и дворцы для ближайших слуг и посланцев от Бога.— Но мы находим очень мало церковных дворцов по сравнению с количеством церквей, которые все еще сохранились для общественного удобства. Это в достаточной степени показывает несправедливость тех неразборчивых сатириков, которые утверждают, что духовенство во все века и страны проявляло дух равной гордости и заинтересованности.

Ни один вид архитектуры не подходит лучше для обители *задумчивого созерцания небес*, чем готика; она обладает мощной тенденцией наполнять разум возвышенными, торжественными и религиозными чувствами; древность готических церквей способствует усилению того почитания, которое внушают их форма и размеры. Мы, естественно, испытываем уважение к ткани, в которую, как мы знаем, наши предки входили с благоговением, и которая выдержала атаки многих веков и тысячи штормов. Та религиозная меланхолия, которая обычно овладевает умом в больших готических церквях, однако, значительно смягчается некоторыми сатирическими барельефами, которыми первоначально были украшены колонны и карнизы этой страсбургской церкви.— Пороки монахов здесь разоблачаются под аллегорическими фигурами свиней, ослов, обезьян и лисиц, которые, будучи облачены в монашеские одеяния, выполняют самые почтенные религиозные функции. И в назидание тем, кто не понимает аллегии, монах в одеянии своего ордена выгравирован на кафедре в самой неприличной позе, а рядом с ним лежит монахиня.

В целом Страсбургский собор считается одними людьми самым нечестивым, а другими - самой веселой готической церковью в христианском мире. Я оставляю вас решать проблему так, как вам заблагорассудится. —Что касается меня, я очень беспечный пассажир.

Я ничего не говорю о больших часах и их различных механизмах. Хотя при первом строительстве он вызывал восхищение, современные художники относятся к нему с безразличием.

Мне было любопытно подняться на шпиль этого собора, который считается одним из самых высоких в Европе, его высота составляет 574 фута. Вы можете легко составить представление о открывающемся оттуда виде, когда я скажу вам, что он охватывает город Страсбург, обширные равнины Эльзаса с протекающим через них Рейном. Такие виды не редкость: они всегда приятны, но не удивляют и не возвышают ум, как дикие, необычные и возвышенные пейзажи Швейцарии.

Однажды утром, когда я прогуливался по улицам с несколькими нашими соотечественниками, нам сообщили, что музыка некоторых полков была заказана для определенной церкви, где граф де ..., сын Людовика XV от мадам де Помпадур, должен был присутствовать на мессе.— Мы все сразу же отправились послушать военную музыку и обнаружили, что присутствовала очень многочисленная и благородная компания. После продолжительного ожидания пробило двенадцать, после чего вся компания разошлась, не дослушав ни музыки, ни мессы.— После полудня церемония не могла быть проведена, хотя граф и приехал. Должно быть, вмешалось что-то очень важное, чтобы помешать французу и человеку с его характерной вежливостью присутствовать на подобном мероприятии. Однако раздался неодобрительный ропот по поводу такого недостатка внимания, и священнику не аплодировали, который подвергал опасности

души целой церкви, полной людей, из угодливости одному человеку; ибо те, кто воображает, что месса может спасти души, должны признать, что ее отсутствие может быть причиной проклятия. Мистер Х.У. прошептал мне: “В Англии не оказали бы и половины той любезности самому королю в сопровождении всех его законных детей, которую эти люди оказали этому сукину сыну”.

Чтобы компенсировать себе это разочарование, я отправился в тот же день с французским офицером послушать знаменитого проповедника. Предметом его рассуждений было жалкое положение людей, находящихся во власти своих страстей.—Хотите образец его рассуждений?— Вот оно: “Раб на галерах (воскликнул проповедник) счастливее и свободнее, чем человек, находящийся под тиранией своих страстей; ибо, хотя тело раба заковано в цепи, его разум может быть свободен.—В то время как негодяй, находящийся во власти своих страстей, держит свой разум, саму свою душу в цепях.— Является ли его страсть похотью?—Он пожертвует верным слугой, чтобы удовлетворить это; — Так поступил Давид. Это алчность?—он предаст своего господина; —так поступил Иуда. —Привязан ли он к любовнице?— он убьет святыню, чтобы угодить ей; — Ирод так и сделал”.

Когда мы возвращались из церкви, французский офицер, который уже некоторое время пребывал в задумчивости, сказал: “Боже мой, с кем я разговариваю по поводу прекрасного помолвки; я получаю пользу от этой проповеди”. — О чем вы говорите? said I.—Je m’en vais chez Nanette, replied he, pour me débarrasser de ma passion dominante.

Среди диковинок собора мне следовало бы упомянуть два больших колокола, которые они показывают незнакомым людям. Один из них сделан из латуни и весит десять тонн; другой из серебра, который, как говорят, весит больше двух.—На них также изображен большой валторновый рожок, история которого такова.— Около четырехсот лет назад евреи составили заговор с целью предать город, и с помощью этого идентичного рога они намеревались уведомить врага, когда начинать атаку.

Разве не удивительно, что об этих самых евреях было распространено такое количество странных историй?

Заговор, однако, был раскрыт; многие евреи были сожжены заживо, у остальных отобрали деньги и имущество и изгнали из города. И в этот рог дважды каждую ночь трубят с зубчатых стен колокольни в благодарность за избавление.

Евреи, как и следовало ожидать, отрицают все обстоятельства этой истории, за исключением убийств и грабежей своих соотечественников. Они говорят, что вся эта история была сфабрикована, чтобы предоставить предлог для этих грабежей и убийств, и утверждают, что шпиль Страсбурга, как было сказано о лондонском памятнике,

“Как высокий хулиган поднимает голову и лжет”.

БУКВА XLI.

Мангейм.

Все преимущества, которые я мог бы предложить обществу доктора Х., не помешали мне сожалеть о расставании с моим другом Х.у., который отправился в Лион тем же утром, когда мы покинули Страсбург.

Переправившись через Рейн, мы вступили на территории маркграфства Баден-Дурлах, которые лежат вдоль берегов этой реки непосредственно напротив Эльзаса.

В Растаде нам сообщили, что маркграф и его семья находятся в Карлсрухе. Растаде - столица владений этого принца.—Город небольшой и не очень густонаселенный: —Дворец маркграфа, однако, достаточно велик.— Мы сделали лишь короткую остановку, чтобы осмотреть его, так как нам не терпелось попасть в Карлсрух.

В Карлсрухе есть еще один очень великолепный дворец, построенный с хорошим вкусом. Это было начато много лет назад и недавно завершено правящим принцем.

Город Карлсрух построен по регулярному плану. Он состоит из одной главной улицы длиной более английской мили. Эта улица находится на значительном расстоянии от дворца и в параллельном ему направлении. Все остальные улицы отходят под разными углами от главной, таким образом, что на какую бы из них вы ни вышли, выходя из нее, вид заканчивается фасадом дворца. Длина этих небольших улочек уточняется, ни одной из них не разрешается вторгаться на просторную территорию, которая остается свободной перед дворцом.

Главная улица может быть расширена до любой длины, и от нее может быть построено столько дополнительных улиц, сколько им заблагорассудится, и все они, согласно этому плану, будут заканчиваться дворцом.

Все дома этого города так же однообразны, как и улицы, и имеют одинаковый размер и высоту; так что можно было бы предположить, что никто из жителей ни в какой значительной степени не богаче или беднее своих соседей. Действительно, с одной стороны дворца построено несколько новых домов, более элегантных, чем другие, принадлежащих некоторым придворным чиновникам; но, собственно говоря, они находятся не в городе.

Объявив в обычной форме, что мы хотели бы иметь честь засвидетельствовать свое почтение маркграфу, офицер, ожидавший у входа, проводил нас во дворец.

На обеде присутствовали правящие принц и принцесса; трое их сыновей, старший из которых женат на принцессе Гессен-Дармштадтской. Присутствовали она с одной из своих сестер, а также вдовствующая принцесса Барейт, дочь герцога Брауншвейгского; два генерала императорской службы и другие леди и джентльмены, всего за столом было более тридцати человек.

Представление было великолепным. Маркграф вел себя с величайшим вниманием к господину Ч. и с приветливостью ко всем.

Принцесса Барейтская обладает веселым, живым, приятным характером. После ужина герцог осмотрел различные покои дворца, а затем до вечера гулял с маркграфом в садах.

За ужином была та же компания; во время трапезы играл музыкальный оркестр, и день прошел более легко и приятно, чем я мог ожидать, учитывая количество принцев и принцесс.

Маркграфу Баден-Дурлаха от сорока до пятидесяти лет. Он человек образованный, здравомыслящий и доброжелательный. Задолго до того, как я увидел его, я много слышал о его человечности и внимании к благополучию своих подданных. Это заставило меня относиться к нему с сердечным уважением, которого не могло быть при одном его ранге.

Он довольно свободно говорит по-английски и хорошо знаком с нашими лучшими авторами. Заботясь о том, чтобы его сын пользовался теми же преимуществами, он нанял мистера Кремера, молодого джентльмена из Шотландии, с прекрасным характером, который в течение нескольких лет был при этом дворе наставником и компаньоном юного принца.

Немецкие принцы - скрупулезные наблюдатели за формой. Здесь те же условия для их домашнего хозяйства, те же офицеры во дворце, что и при дворе самого могущественного монарха Европы. Разница заключается скорее в жалованье, чем в талантах, необходимых для этих должностей; один казначей вооруженных сил получает в Англии большее вознаграждение, чем великий маршал, великий камергер, два государственных секретаря и еще с полдюжины высших должностных лиц немецкого двора, вместе взятых.

У маркграфа Баденского есть телохранители, которые несут службу во дворце, пешие гвардейцы, которые шествуют перед ним; также конногвардейцы и гусары, все они прекрасно экипированы и строго дисциплинированы; — образец великолепия, который, по-видимому, принят этим принцем просто в соответствии с обычаем, давно установившимся в его стране.

Он не содержит никаких других войск, кроме тех немногих, которые необходимы для выполнения этой дворцовой обязанности, хотя его доход более значителен, и его финансы находятся в гораздо лучшем порядке, чем у некоторых немецких князей, которые имеют небольшие постоянные армии на постоянном жаловании. У него слишком справедливое понимание, чтобы не понимать, что самая большая армия, которую он мог бы содержать, не могла бы служить защитой его владениям, расположенным между могущественными государствами Францией и Австрией: И, вероятно, его принципы и расположение не позволяют ему думать о пополнении своей казны, нанимая своих подданных на службу иностранным державам.

Если бы он был так склонен, нет никаких сомнений в том, что он мог бы продать своих подданных в солдаты или использовать их любым другим способом, который он сочтет подходящим; ибо он, как и другие суверенные князья Германии, обладает неограниченной властью над своим народом. Если вы зададите этот вопрос немцу в прямых выражениях, он ответит отрицательно; и будет говорить об определенных правах, которыми пользуются подданные; и что они могут обратиться к великому совету или всеобщему сейму империи за

помощью. Но после всей его изобретательности и отличий вы обнаруживаете, что барьеры, защищающие крестьянина от власти князя, настолько слабы, что их едва ли стоит поддерживать, и что единственная защита, которую крестьянин имеет в отношении своей личности или собственности, должна исходить от умеренности, здравого смысла и справедливости его государя.

Человечество было бы счастливо, если бы эта неограниченная власть всегда находилась в таких справедливых руках, как у маркграфа Баденского, который использует ее исключительно на благо своих подданных, которые его обожают!

Этот принц стремится всеми доступными ему средствами внедрить промышленность и мануфактуры среди своего народа.— Здесь проживает значительное количество английских торговцев, которые заставляют Бирмингем работать и обучают жителей этому делу. Он также привлек сюда многих часовых мастеров из Женевы, предоставив им всевозможные поощрения и привилегии, и не упускает ни одной возможности, с помощью которой он может способствовать комфорту и счастью своего народа: правитель с таким характером, безусловно, является общественным благом, и людям повезло, что они родились под его властью; Но гораздо более повезло тем, кто родился под властью правительства, которое может защитить их независимо от добродетелей и вопреки порокам их суверена.

Когда мы покидали Карлсрух, маркграф распорядился, чтобы нам разрешили проехать по недавно законченной дороге через благородный лес длиной в несколько лиг. Проехав ее, мы свернули на обычную почтовую дорогу, въехали на территорию епископа Спайрса, проехали мимо города с таким названием, направились к Палатинскому курфюршеству и той же ночью прибыли в Мангейм.

Все страны, которые я упомянул, образуют одну богатую плодородную равнину; здесь мало домов джентльменов или их вообще нет, чтобы разнообразить обстановку; ничего, кроме дворца принца и крестьянских хижин, дворянства, живущего в зависимости от двора, и купцов и фабрикантов в городах.

БУКВА XLII.

Мангейм.

Это, как правило, считается одним из самых красивых городов Германии. Все улицы прямые, как стрелы, из-за того, что они называются *tirées au cordeau*, и пересекаются друг с другом под прямым углом. Поначалу это всегда доставляет удовольствие, но становится скорее утомительным, чем город, построенный с меньшей регулярностью. Когда человек прогуливается по городу полдня, его глаза тщетно ищут разнообразия: кажется, что одни и те же предметы движутся вместе с ним, как будто он все это время находился на борту корабля.

Они подсчитывают количество жителей в 24 000 человек, включая гарнизон, состоящий из 5000 человек. В этом городе есть три благородных ворот, украшенных барельефами очень красивой

работы. В течение часа мы с герцогом с легкостью обошли крепостные валы. Укрепления хорошо продуманы и находятся в хорошем состоянии, и город приобретает большую дополнительную силу благодаря тому, что он почти полностью окружен Неккаром и Рейном и расположен на равнине, над которой нет никаких возвышенностей. И все же, возможно, было бы лучше, если бы этот город был совершенно открыт и без каких-либо укреплений. Попытка защитить его могла привести к разрушению домов граждан и дворца выборов. Дворец расположен неразумно, если он построен в пределах укрепленного города, потому что угроза его бомбардировки со стороны врага может побудить гарнизон сдаться.

Дворец выборщиков - великолепнейшее сооружение, расположенное на слиянии Рейна и Неккара.—Очень хвалятся кабинетом природных диковинок и коллекцией картин. Рассматривать их было достаточно забавно: — Боюсь, описывать их было бы немного утомительно.

Сам курфюрст - человек со вкусом и великолепием, обстоятельства в его характере, вероятно, доставляют больше удовольствия ему самому и незнакомцам, проходящим этим путем, чем его собственным подданным.

Я сопровождал Д. к одному из придворных чиновников, в обязанности которого входит представлять незнакомых людей. Этот джентльмен отличается поразительными познаниями во всех тайнах этикета. Он развлекал его светлость обширной эрудицией по этому предмету.—Я никогда не наблюдал, чтобы он так сильно зевал.—Когда наш визит закончился, он утверждал, что он длился два часа.—Взглянув на свои часы, он обнаружил, что ошибся всего на один час и сорок минут.

На следующий день нас представили курфюрсту и Курфюрстинке. Он был одет в форму своих охранников, на вид ему было около пятидесяти, и у него было осмысленное мужественное выражение лица, которое, как мне сказали, является истинным показателем его характера.

Наследный принц - молодой человек, обладающий знаниями и здравым смыслом. Он удивил меня, рассказав о партийных распрях и приключениях, которые произошли в последние годы в Англии, о чем, как я обнаружил, он был подробно проинформирован.— Многим людям в Германии регулярно передают английские газеты и политические брошюры. Язвительность и свобода, с которыми обращаются с высшими персонами, удивляют и забавляют их, и на основании этого они часто делают очень ложные и экстраординарные выводы относительно состояния нации.

Поскольку курфюрст намерен в ближайшее время посетить Италию, сюда прибыло большое количество офицеров, чтобы исполнить свой долг перед своим сувереном, прежде чем он отбудет в эту страну. Его очень уважают его офицеры, с которыми он живет в очень приветливой манере. Обычно за его столом накрывается тридцать блюд для них и незнакомцев, которые случайно оказываются при дворе Манхейма.

Однажды за обедом в комнату вошел какой-то шут. Он обошел стол и фамильярно беседовал со всеми присутствующими, не исключая принцев. За его замечаниями последовали громкие аплодисменты всех, к кому он обращался. Поскольку он говорил по-немецки, я не мог судить о его остроумии, но озирался по сторонам с тревогой, естественной для человека, который видит

целую компанию, готовую умереть со смеху над шуткой, которую он не может понять. Пожилой офицер, сидевший рядом со мной, проникся сочувствием к моему положению и объяснил по-французски несколько самых блестящих острот для моего личного пользования.

Поскольку этот добродушный офицер, по-видимому, не очень хорошо владел французским языком, весь дух шутки улетучился во время перевода: —По крайней мере, я не почувствовал ни малейшего запаха, когда процесс закончился. Однако, поскольку эти переводы, очевидно, стоили ему немалых хлопот, я счел себя обязанным казаться довольным его исполнением; поэтому я присоединился к веселью компании и постарался смеяться так же много, как и любой другой человек за столом.

Мой переводчик впоследствии сообщил мне, что этот гений был родом из Тироля, что он говорил по-немецки с таким странным акцентом, что, что бы он ни говорил, все за столом поднимали шум; *c'est pourquoi*, добавил он, *il est en possession d'entrer toujours* после десерта.

Это единственный известный мне пример придворного шута или лицензированного шута; должность, ранее занимавшаяся при всех дворах Европы.

ПИСЬМО XLIII.

Мангейм.

Несколько дней назад мы совершили короткую прогулку в Гейдельберг. Этот город находится примерно в четырех лье от Мангейма.

Гейдельберг расположен в котловине на берегу реки Неккар и окружен очаровательными холмами, идеально возделанными.

Нигде нельзя увидеть более веселых сцен буйного плодородия, чем вдоль прекрасной цепи холмов, которые начинаются недалеко от этого города. Вершины этих холмов увенчаны деревьями, а их бока и подножия увиты виноградными лозами.

Замок курфюрста расположен на возвышенности, с которой открывается вид на город, и открывается вид на долину внизу; но, к сожалению, над самим замком возвышается другое возвышение, слишком близкое к нему, с которого это благородное здание подверглось артиллерийскому обстрелу, когда весь Пфальц был разграблен и сожжен вследствие жестокого приказа Людовика XIV. слишком буквально казнен Тюренном.

Подробности этой мрачной сцены передавались от отца к сыну, и о них до сих пор с ужасом говорят крестьяне этой страны, среди которых французская нация вызывает отвращение и по сей день.

Находясь в замке, мы не упустили из виду посещение знаменитой Гейдельбергской бочки; но поскольку она была совершенно пуста, то имела унылый и неинтересный вид.

Жители Пфальца частично протестанты, а частично католики, которые живут здесь в гармонии друг с другом. Большая церковь в Гейдельберге разделена на два помещения, в одном из которых протестанты, а в другом — паписты совершают публичное богослужение: Исключительное доказательство умеренности и хладнокровия умов людей по отношению к предмету, который так сильно волновал их во времена их предков.

Мы пробыли в Гейдельберге всего один день и вечером вернулись в это место. Жизнь и манеры жителей этого города кажутся такими же единообразными и формальными, как улицы и здания. Никакого шума, толпы или суеты; в полдень все так же спокойно, как на улицах Лондона в полночь. Это дает представление о том, что граждане находятся в условиях той же сдержанности и дисциплины, что и войска.

Я видел, как эти последние выполняли свои упражнения каждое утро на параде. Я был немало удивлен, заметив, что не только движения солдат с мушкетами, и позы их тел, но и их богослужения находились под руководством трости майора. Следующие действия выполняются как часть военных маневров каждый день перед тем, как войска будут распределены по разным караулам.

Майор взмахивает тростью; —барабан бьет один раз, и каждый вооруженный человек подносит руку к шляпе;—при втором ударе в барабан они снимают шляпы и должны молиться;—при третьем ударе они заканчивают свои прошения и надевают шляпы на головы.—Есликакой-либо человек уверен, что продлит свою молитву на минуту дольше, чем указывает барабан, его наказывают на месте и учат быть менее набожным в будущем.

Гениальный изобретатель барабанов, конечно, никогда не мечтал о том, что они станут регуляторами народного благочестия.—Но современные усовершенствования в военном искусстве поистине замечательны!—и после этого нам не нужно отчаиваться, видя, что целый полк, благодаря прогрессу дисциплины, так смоделирован, что ест, пьет и выполняет другие животные функции, единообразно, по команде, когда они поднимают свои огнестрельные ружья.

ПИСЬМО XLIV.

Манхейм.

Оставив в Женеве распоряжение пересылать все наши письма, датированные определенным сроком, в Манхейм, а те, которые должны прийти позже, направлять во Франкфурт на Мэне, я имел счастье получить ваше вчера вечером.

Я испытываю столько негодования, сколько вы только можете, против тех, кто пытается нарушить покой семей злобными публикациями, и я полностью разделяю мнение лорда ... о столь незаслуженной атаке. И все же мне было бы искренне жаль видеть, что это зло устраняется каким-либо ограничением свободы прессы; потому что я с каждым днем все больше и больше убеждаюсь, что ее безудержная продукция, не исключая и самих распущенных газет, донесла до каждого уголка Великобритании, наряду с большой дерзостью и

хамством, такое уважение к конституции, такое чувство прав подданного и такой уровень общих знаний, которые никогда не были так широко распространены ни в одной другой стране. Такой закон, который предлагает ваш друг, мог бы, без сомнения, защитить людей от несправедливых нападок в печати, но в то же время он лишил бы их одного замечательного средства оправдания их невиновности и обнародования их неправоты, когда они пострадали более существенным образом. Это ограничило бы право каждого британца публично обращаться к своим соотечественникам, когда он чувствует себя ущемленным извращением закона или наглостью должностных лиц.

Можно привести примеры того, как люди большой честности подвергались нападкам самым жестоким и неблагородным образом со стороны людей, занимающих высокие посты и охраняемых властью. У таких людей не было другого средства правовой защиты, кроме как апеллировать к искренности и здравому смыслу общественности, которые они с успехом использовали. Наблюдение за каждым человеком может подсказать ему множество видов несправедливости и угнетения, которые богатые, коварные или могущественные могут совершать вопреки закону или, возможно, с помощью закона, против бедных, ничего не подозревающих и лишенных друзей. Многие, кто может заставить замолчать совесть и обойти закон, трепещут при мысли о том, что их несправедливость будет обнародована; и ничто не является, ничто не может быть большим препятствием для распутства власти, чем привилегия выносить частные жалобы на суд общественности. Ибо таким образом дело отдельных лиц становится общественным делом, и всеобщее возмущение, которое возбуждают их проступки, одновременно является одним из самых суровых наказаний, которые могут быть применены к угнетателю, и одним из самых сильных бастионов, которые можно воздвигнуть в защиту незащищенных.

С помощью этого средства также по всей стране подается самая быстрая и действенная тревога, когда происходит какое-либо крупное общественное правонарушение или при любом проявлении замысла против конституции; и обнаруживается и предотвращается множество зол, которые в противном случае могли бы остаться незамеченными, пока не стали бы слишком сильными для устранения. И хотя эта свобода порождает множество глупых советов и бесчисленных злобных цензоров, она также открывает двери для людей иного склада, которые дают полезные советы министрам, которые были бы потеряны без свободы анонимной публикации.

Временные и частичные беспорядки, являющиеся последствиями общественной свободы, были сильно преувеличены некоторыми людьми и представлены как более чем эквивалентные всем преимуществам, получаемым от свободного правительств. Но если бы у таких людей была возможность понаблюдать за природой того зла, которое возникает при абсолютных правительствах, они бы вскоре убедились в своей ошибке.

Величайшее зло, которое может возникнуть из-за распушенности, сопровождающей гражданскую свободу, состоит в том, что люди могут опрометчиво невзлюбить саму свободу из-за дразнящей дерзости и нелепости некоторых из ее настоящих или притворных доброжелателей; подобно тому, как человеку могло бы стать менее приятно общество его лучшего друга, если бы он обнаружил, что его всегда сопровождает раздражительная дворняжка, которая без всякого повода всегда рычала и лаяла.

Но чтобы доказать слабость такого поведения, нам стоит только вспомнить, что поток распущенности, возможно, никогда не поднимался выше, чем несколько лет назад в Англии. — И что же за этим последовало? — Многие уважаемые персонажи были грубо искажены в печатных публикациях. — Некоторые дерзкие писаки избежали заслуженного наказания: — Многие окна были разбиты, а колесницы нескольких членов парламента были забрызганы грязью толпой. Что значат эти легкомысленные беспорядки по сравнению с мрачной регулярностью, порождаемой деспотизмом, при котором люди вынуждены проявлять самую болезненную осмотрительность во всех своих действиях; боятся высказывать свои чувства по самым обычным поводам; с подозрением относятся к тому, что лелеют правительственных шпионов в своих домашних слугах; не доверяют своим собственным родственникам и самым близким товарищам и постоянно подвергаются притеснению людей, облеченных властью, и наглости своих фаворитов? На мой взгляд, ничто не может быть более ужасным, чем суровая дисциплинированная регулярность и хваленая полиция произвольных правительств, где каждое сердце подавлено страхом, где человечество не осмеливается проявлять свои естественные качества, где свободный дух должен пресмыкаться перед рабом на посту, где гений должен подавлять свои излияния или, подобно египетским богомольцам, приносить их в жертву тельцам власти; и где человеческий разум, всегда закованный в кандалы, уклоняется от любого великодушного усилия.

ПИСЬМО XLV.

Менц.

Мы выехали из Мангейма пять или шесть дней назад. Путешествовать по этой части Германии очень легко, дороги здесь отличные, а местность представляет собой сплошную равнину. От Бэзила до в пределах нескольких мильот Менца почтовая дорога не делает даже самого пологого подъема; обширная местность проходит по идеальной ровной местности.

Благодаря огромному количеству монахов всех цветов кожи и состояний, которых можно встретить вблизи этого города, мы были проинформированы о нашем вступлении в церковное государство, в то время как пухлые лица и румяные лица этих Отцов достаточно доказывали, что они не зря жили на плодородной земле Рейна.

Какими бы добрыми христианами они ни были, многие из них, похоже, время от времени отдавали дань уважения древнему языческому божеству Вакху, не будучи стесненными в своем поклонении, как солдаты на параде в Мангейме. — Один из них, в частности, казалось, только что возник из-за его преданности. — Он двигался самым беззаботным образом, какой только можно себе представить, не соблюдая никакого прямого курса и не заботясь о том, направо он идет или налево. На ходу он что-то бормотал себе под нос. — Он повторяет своего отца? — Спросил я. - Я скорее полагаю, что он молится по Горацию, - ответил Д...

—Quo me, Vacche, rapis tui

Пленум? Quæ nemora, aut quos agor in specus

Velox mente nova?—

По обе стороны Рейна почва здесь начинает становиться холмистой и неправильной формы, образуя берега, хорошо открытые солнцу. Здесь производят лучшее рейнское вино, и даже очень небольшая порция этих изобильных банок представляет значительную ценность. Цепочка густонаселенных деревень тянется от Менца у Бахараха до Кобленца, где Рейн впадает в Мозель.

Говорят, что Бахарах получил свое название от алтаря Вакха (Bacchi Ara), который, как предполагается, был воздвигнут римлянами в благодарность за количество и качество вина, производимого по соседству. Незадолго до того, как мы въехали в Менц, мы проехали мимо Фавориты, прекрасного дворца, принадлежащего курфюрсту, расположенного там, где Рейн впадает в Мэн.

Менц расположен в прекрасном месте, построен нерегулярно и в изобилии снабжен церквями. Собор представляет собой всего лишь мрачную структуру. В нем находится то, что они называют сокровищницей, в которой хранится множество неуклюжих драгоценностей, несколько реликвий и очень богатый гардероб священнических облачений.

В этой столице есть несколько военнослужащих, но я не думаю, что у офицеров есть тот умный самонадеянный вид, который обычно сопутствует людям их профессии. Похоже, они осознают, что духовенство - их хозяева, и, как мне кажется, немного не в духе из-за этого.

Улицы кишат священнослужителями, некоторые из них в прекрасных каретах в сопровождении множества слуг. Я заметил также много благородных, воздушных аббатов, которые, как легко было заметить, были самыми модными людьми и задавали тон в этом заведении.

Хотя совершенно очевидно, что в этом электорате духовенство чрезвычайно хорошо заботилось о себе; все же, отдавая должное им, следует признать, что люди также, похоже, находятся в легкой ситуации. Крестьянство, по-видимому, находится в состоянии гораздо большего изобилия, чем во Франции или даже во владениях курфюрста Манхеймского.

У меня есть некоторое желание увидеть церковный суд, и я охотно посетил бы этот суд в Менце; но окружной прокурор Г., который, по-видимому, не питает чрезмерной любви к какому-либо суду, говорит, что суд священнослужителей должен быть более унылым и нудным, чем любой другой, и, боюсь, меня не убедят присутствовать на нем; в таком случае мы покинем это место завтра рано утром, без дальнейших церемоний.

ПИСЬМО XLVI.

Франкфурт-на-Майне.

Мы здесь уже две недели. Чтобы составить правильное суждение о гении и нравах какой-либо нации, необходимо значительное время жить в знакомстве с ее жителями; но меньшей степени наблюдения будет достаточно, чтобы составить довольно верное представление о характере ее

правления. Пугающие последствия деспотического угнетения или благотворное влияние свободы и торговли бросаются в глаза самому беспечному путешественнику.

Улицы Франкfurта просторны и хорошо вымощены; дома величественны, чисты и удобны; магазины хорошо обставлены; одежда, количество людей, атмосфера и общие манеры жителей в достаточной степени показывают, без всякой другой информации, что в их стенах нет маленького деспота, который разорил бы их ради своего величия и своим капризом ограничивал бы каждое действие в их жизни, каждое движение их тел.

Дома построены из кирпича, но имеют лучший внешний вид, чем кирпичные дома в целом, главным образом благодаря тому, что они покрыты своего рода красноватой штукатуркой, которая вошла в обиход здесь в последнее время и, как полагают, сделает здания более долговечными. Фасады многих лучших домов также украшены барельефами из белой штукатурки, имитирующей мрамор. Эти белые орнаменты на красном фоне создают слишком сильный контраст и не радуют глаз, любящих простоту. Но немцы, как правило, любят эффектные украшения в своей одежде, мебели и домах. Франкфурт - свободный имперский город, имеющий небольшую территорию, принадлежащую ему, и управляется собственной магистратурой.

Здесь терпимы ко всем религиям с определенными ограничениями; но лютеранство является общепризнанной верой, поскольку магистраты принадлежат к этой общине.

Главная церковь находится во владении римско-католиков, но публичное шествие воинства по улицам запрещено. Все церемонии их религии проводятся только в домах частных лиц или в стенах этой церкви. В нем есть часовня, в которую проводят императора сразу после его избрания, чтобы он был коронован курфюрстом Менца.

У евреев в этом городе есть синагога, где они совершают свои религиозные обряды; но кальвинистам никогда не разрешалось посещать какие-либо общественные молитвенные дома на территории Франкфурта. Они посещают богослужение в местечке под названием Боккенхайм в графстве Ханау, где они построили церковь.

Это всего лишь жестокое обращение; и на первый взгляд кажется немного странным, что Мартин Лютер проявляет больше снисхождения к своему старому врагу лорду Питеру и даже к самому Иуде Искарйоту, чем к своему собрату-реформатору Джону Кальвину.

Хотя Франкфурт считается прекрасным городом, и эффект, производимый им в целом, великолепен, тем не менее, в нем нет отдельных зданий, заслуживающих внимания. Ожидается, однако, что все посторонние должны посещать городскую резиденцию и видеть зал, где избирается император. И было бы сочтено большим недостатком любопытства не увидеть знаменитого золотого быка, который хранится там с особой тщательностью. Один взгляд на это стоит золотой дукат; достаточная цена за один взгляд на старую рукопись, которую не может прочитать ни один человек из ста и еще меньше - понять.

Один наш соотечественник, который ожидал большего развлечения за свои деньги, громко жаловался на это как на навязывание, и, услышав, как немец говорит о высокой цене, которую все имеет в Англии, он ответил ему такими словами: "Я никогда не был в Англии, я люблю тебя за то, что ты любишь *тельца* франкфуртского".

Здесь соблюдается обычай, о котором я упомяну из-за его необычности, хотя я тщетно пытался выяснить его происхождение. Две женщины появляются каждый день в полдень на зубчатых стенах главного шпиля и наигрывают на трубах несколько очень торжественных мелодий. Эта музыка сопровождается вокальной псалмопевцей, исполняемой четырьмя или пятью мужчинами, которые всегда сопровождают женщин-трубачей для этой цели.

У здешних людей сильный вкус к пению псалмов. Есть значительное количество мужчин и юношей, для которых это единственная профессия. Некоторые семьи нанимают их для совершения богослужения два или три раза в неделю утром, прежде чем хозяин и хозяйка семьи встанут с постели.

Когда умирает человек в сносных обстоятельствах, группа этих сладкозвучных певцов собирается на улицах перед домом и каждый день по часу поет над трупом, пока его не предадут земле. Тот же оркестр сопровождает похороны, всю дорогу распевая гимны.

Похороны в этом городе проводятся с необычайной торжественностью: —Человек, одетый в черный плащ и несущий распятие на конце длинного шеста, возглавляет процессию; —Множество нанятых плакальщиков в такой же одежде, и каждый с лимоном в руке, маршируют за ним; —Затем идут певчие, за ними труп на катафалке; и, наконец, родственники в траурных каретах.

Распятие несут таким образом на всех похоронах, независимо от того, умер ли покойный католиком, лютеранином или кальвинистом. То, что этому обычаю следуют двое последних, меня очень удивило. Мне следовало бы вообразить, что кальвинисты в частности, что бы они ни делали с лимонами, никогда не смогли бы переварить распятие.

В этом месте проживает очень значительное количество кальвинистов; обычно считается, что они самые трудолюбивые. Они, несомненно, являются самой богатой частью жителей. Отчасти это может быть связано с обстоятельством, которое некоторые из них считают затруднительным, — с тем, что они лишены какой-либо доли в правительстве города.—Многие семьи кальвинистов являются потомками французских протестантов, которые покинули свою страну после отмены нантского эдикта.

Недалеко от Франкфурта есть несколько деревень, полностью состоящих из французских беженцев, которые, покинув свою страну в то же время, поселились здесь группой. Их потомки в обычной беседе говорят по-французски и до сих пор сохраняют многие из своих первоначальных обычаев.

Две или три семьи, живущие сейчас во Франкфурте, имеют английское происхождение. Их предшественники бежали сначала в Голландию во время гонений в царствование Марии, а впоследствии, будучи изгнаны из этой страны жестокостью герцога Альвы, они, наконец, нашли убежище для себя и своего потомства в этом свободном имперском городе.

Количество евреев во Франкфурте огромно, учитывая одно прискорбное неудобство, которому они подвергаются, поскольку вынуждены жить все вместе на одной улице, застроенной с одного конца: — На другом конце есть большие ворота, которые регулярно закрываются в

определенный час ночи, после чего ни один еврей не смеет появляться на улицах; но все стадо должно оставаться запертым, как множество черного скота, до утра. Поскольку эта улица узкая, комната, отведенная для каждой семьи, маленькая, и поскольку дети Израиля никогда не отличались чистоплотностью и всегда отличались воспитанностью, еврейский квартал, поверьте, не самая приятная часть города. Я едва ли думаю, что им могло быть хуже жить в земле Египетской.

Они несколько раз предлагали значительные суммы магистратам Франкфурта за право построить или купить другую улицу для своего жилья; но все подобные предложения до сих пор были отклонены.

Евреи во Франкфурте обязаны ходить за водой, когда в любой части города случается пожар, а магистраты взамен разрешают им выбирать судей из своего состава для разрешения споров между собой; но если какая-либо из сторон отказывается подчиниться этому, магистраты могут подать апелляцию.

Они, несомненно, должны пользоваться некоторыми большими преимуществами в своей торговле, чтобы компенсировать такие неудобства. В дневное время им разрешается свободно гулять по всему городу; привилегия, которой они пользуются с таким же усердием и вниманием. Они нападают на вас на улице, курсируют у ворот вашего жилища и даже проникают в ваши квартиры, предлагая снабдить вас всеми необходимыми товарами, которые вам могут понадобиться; И если вы случайно проходите мимо входа на их улицу, они повторяют ваш обычай с яростью и криками, присущими многим водникам с Темзы.

Я дважды был в их синагоге. В их богослужении нет ничего величественного, но много очевидного рвения. Я видел, как один из их самых важных обрядов совершался над двумя детьми. Невозможно было не испытывать сострадания к бедным младенцам, таким жестоким образом посвященным в общину, которые прежде имели несчастье быть презираемыми язычниками, а теперь ненавидимы всеми благочестивыми христианами.

ПИСЬМО XLVII.

Франкфурт-на-Майне.

Вы будете удивлены, что мы так долго остаемся в месте, где нет двора и мало тех развлечений, которые привлекают и удерживают путешественников. По правде говоря, директору Г., похоже, нравится это место; а что касается меня, то я здесь познакомился с некоторыми очень достойными людьми, дружбу с которыми я буду поддерживать при каждом удобном случае.

Общество здесь делится на знать и буржуа. Первая состоит из нескольких знатных семей из разных частей Германии, которые выбрали Франкфурт для своей резиденции, и нескольких исконных граждан Франкфурта, но которые теперь получили дворянское звание. Граждане, которые связывают себя с незнакомцами, сколотили свои состояния на торговле, которой некоторые из них занимаются до сих пор.

Раз в неделю проводится публичное собрание знати, на котором они пьют чай, беседуют или играют в карты с шести до десяти. В другие вечера та же компания поочередно собирается друг у друга в гостях и проводит вечер таким же образом. Ни одна из буржуазных семей не приглашена на эти вечеринки; но они устраивают собрания такого же рода между собой и часто очень гостеприимно принимают за своими столами своих друзей и незнакомых людей, с которыми они знакомы. Дворяне, проживающие во Франкфурте, и дворяне всех степеней и всех наций, случайно проезжающие через него, с радостью принимают эти приглашения отобедать с горожанами, но ни одна из знатных немецких дам пока не снисходит до этого. В то время как их отцы, мужья и братья развлекаются за буржуазным столом, они предпочитают обедать дома в одиночестве; и они, конечно, мудро судят, если предпочитают скудное питание хорошему настроению.

В Германии соблюдается различие рангов со всей скрупулезной точностью, которой заслуживает дело такой важности. В этом месте проводится публичный концерт по подписке. Можно было бы предположить, что подписчики займут свои места, как только войдут в комнату, что у тех, кто придет раньше, будет свой выбор.— Это не имеет значения.— Два первых ряда отведены знатым дамам, а жены и дочери горожан должны довольствоваться тем, что сидят сзади, пусть приходят в какой час и платят какие им заблагорассудится деньги.— В конце концов, это не так плохо, как в дворянском собрании, где членам палаты общин не разрешается заседать даже в вестибюле, какую бы цену они ни заплатили за свое место в парламенте.

С тех пор как мы приехали, театр был открыт на зиму труппой немецких комиков. Я был там в первый вечер; перед спектаклем был своего рода аллегорический пролог, задуманный как комплимент магистратам Франкфурта. Это было исполнено Правосудием, Мудростью и Изобилием, каждый из которых явился лично, с обычными атрибутами. Последнюю очень правильно изобразила крупная толстая женщина, беременная ребенком. Что касается двух первых, я надеюсь, ради добрых жителей Франкфурта, что они лучше представлены в городском совете, чем были на сцене. Этот пролог завершался длинной речью, произнесенной, осмелюсь сказать, самым пухлым Аполлоном, который когда-либо появлялся на небесах вверху или на земле внизу.

После этого началась пьеса, которая представляла собой немецкий перевод английской пьесы Джорджа Барнуэлла со значительными изменениями. Барнуэлл представлен как неосторожный молодой человек; но он не убивает своего дядю, как в английской пьесе, и не совершает никакого тяжкого преступления; поэтому немецкий переводчик вместо того, чтобы повеситься, выходит за него замуж только в конце пьесы.

Большинство пьес, представленных на немецкой сцене, являются переводами с английского или французского, поскольку Германия, столь изобильная писателями по богословию, юриспруденции, медицине, химизму и другим разделам натурфилософии, до недавнего времени породила мало поэтов.

Jam nova progenies cœlo demittitur alto,

и немецкой музой теперь восхищаются по всей Европе. Ее красоту ощущают и ей аплодируют гениальные люди, даже посредством перевода, что является убедительным доказательством ее оригинальной энергии. Однако немецкую поэзию в целом и драматургию в частности должно

сильно обескураживать то, что французский язык преобладает при всех дворах и что французские пьесы ставятся там предпочтительнее немецких.

К родному языку страны относятся как к вульгарному и провинциальному диалекту, в то время как французский культивируется как единственный подходящий язык для людей моды.—Детей из первых семей обучают французскому, прежде чем они овладеют своим родным языком, и прилагают все усилия, чтобы они не знали этого, чтобы это не повредило их произношению другого языка. Я встречался с людьми, которые считали достижением неспособность выражать свои мысли на языке своей страны и которые притворялись более невежественными в этом вопросе, чем они были на самом деле.

Многие, кто хорошо понимает немецкий язык, уверяли меня, что он нервный, обильный, чрезвычайно выразительный и способен на все прелести поэзии. Истина этого подтверждается работами нескольких поздних писателей, которые пытались искоренить этот неестественный предрассудок у своих соотечественников и вернуть языку их предков его истинные достоинства.— Но каковы усилия здравого смысла, вкуса и гениальности в противовес моде и влиянию двора?

К числу зимних развлечений этого места можно отнести вечеринки в стиле трейно. Они могут проводиться только в морозное время и когда на земле лежит значительное количество снега. Недавно у меня была возможность увидеть великолепное развлечение такого рода, которое несколько молодых джентльменов устроили для такого же количества леди.

Трейно - это машина в форме лошади, льва, лебедя; или в форме грифона, единорога или какой-либо другой причудливой формы, без колес; но сделанная снизу наподобие саней для удобства скольжения по снегу. Некоторые из них позолочены и иным образом украшены в соответствии с прихотью владельца.—С одной стороны возвышается шест, к которому прикреплен прапорщик или флаг, который развевается над головами тех, кто находится на машине. Дама, закутанная в меха, сидит впереди, а джентльмен стоит сзади на доске, сделанной специально для этой цели.

Весь экипаж запряжен двумя лошадьми, которыми либо управляет форейтор, либо управляет джентльмен. Лошади ярко разукрашены, и с покрывающей их сбруи свисают колокольчики.

Этот отряд состоял примерно из тридцати трейно, каждого сопровождали два—три слуги верхом на лошадях с факелами; ибо это развлечение устраивалось, когда начинало смеркаться.—Один трейно шел впереди; -остальные следовали на удобном расстоянии в шеренгу и два-три часа колесили по главным улицам и площадям Франкфурта. Лошади идут быстрой рысью или галопом; движение экипажа легкое и приятное; колокольчики, знамена и факелы создают очень веселый и эффектный вид, который, по-видимому, пришелся по вкусу непосредственно заинтересованным сторонам и вызвал восхищение зрителей.

Через несколько дней после этой выставки, когда мы готовились отправиться в Ханау на поезде, мистер С., брат лорда С., прибыл в гостиницу. Хотя он путешествовал два дня и две ночи, не ложась в постель, он так мало устал, что поехал с нами. Ханау находится на расстоянии нескольких миль от Франкфурта. У нас было полное доказательство плавного движения поезда, который во время морозов и при достаточном количестве снега на земле, безусловно, является самым восхитительным способом передвижения, который только можно себе представить.

Ханау - резиденция наследного принца Гессен-Кассельского. Войдя в город, мы встретили принцессу, которая является невесткой короля Дании. Она вместе с несколькими придворными дамами тоже выходила подышать свежим воздухом в поезде.

Помимо войск Ханау, в настоящее время там находятся два полка ганноверцев. Наследный принц не в лучших отношениях со своим отцом. Однако он живет здесь в состоянии независимости, распоряжаясь доходами этой страны, которые гарантированы ему королями Британии, Дании и Пруссии; но между этим маленьким двором и двором Гессен-Касселя нет никаких сношений.

После обеда мы вернулись во Франкфурт. Д - уговорил мистера С. задержаться во Франкфурте дольше, чем он намеревался. Он разумный молодой человек, наделенный духом и амбициями. Его дед, старый граф Д., пытается склонить его к принятию священного сана, обещая ему прожиточный минимум в 2000 фунтов стерлингов в год, который является даром семьи. Вы должны признать, что это искушение, перед которым мало кто из младших братьев смог бы устоять. Однако природа, похоже, предназначила этому молодому джентльмену другой путь в жизни. Мое собственное мнение таково, что он предпочел бы командовать отрядом драгун, чем получить повышение до Кентерберийского престола.

ПИСЬМО XLVIII.

Франкфурт.

Некоторые из знати, проживающей в этом городе, пользуются любой возможностью, чтобы указать на существенную разницу, которая существует, и на различия, которые следует проводить между их семьями и семьями буржуа, которые, хотя и достигли большого богатства благодаря торговле или какой-либо другой столь же благородной профессии, которая позволяет им жить в великолепии, неподобающем их рангу; однако их благородные соседи намекают, что они всегда сохраняют вульгарность чувств и манер, неизвестную тем, чья кровь текла чистой на протяжении нескольких поколений, не смешанная с той лужей, которая пролилась в их жилах. застаивается в жилах плебеев.

Д-из Н -, по-видимому, не изучал натурфилософию с достаточной точностью, чтобы иметь возможность заметить это различие. Он вращается в обществе горожан с такой же легкостью и живостью, как и в обществе знати, обедает с одними и пьет кофе с другими самым беспристрастным образом, а в промежутках между ними ухитряется сносно развлекаться.

Две семьи, с которыми мы находимся в наибольшей степени близости, - это семьи Монс. де Баркхауз и Монс. П. Гогле. Первый - важная персона в магистратуре, человек образованный и достойный. Его супруга происходит из знатной семьи герцогства Брауншвейг, женщина с замечательным здравым смыслом и многими достижениями. Она хорошо знакома с английской и французской литературой. На французском языке она говорит как на родном, и хотя она не

может без труда разговаривать по-английски, она понимает и наслаждается произведениями некоторых из наших лучших авторов.

Мистер Гогл объездил большую часть Европы и в равной степени знаком с людьми и книгами. Он сколотил большое состояние на торговле и живет очень приятно и гостеприимно.

В этих двух домах мы время от времени встречаемся с лучшей компанией из обоих слоев общества, и в том или ином, когда нет публичных собраний, мы обычно проводим вторую половину дня.—Предыдущую часть дня (из-за недавней оттепели снег растаял) мы часто проводим в прогулках по окрестностям этого места, которые очень красивы.

Как-то раз, когда мы с Д-из Н- ехали верхом вдоль берегов Мэна, недалеко от деревни Хейкс, которая находится на территориях курфюрста Менца, мы заметили здание, которое, по-видимому, было резиденцией какого-то принца или, по крайней мере, епископа. Мы были удивлены, что никогда не слышали, чтобы о нем говорили, поскольку оно имело более великолепный вид, чем любое современное здание, которое мы видели с момента нашего приезда в Германию. Мы поднялись наверх и, войдя в него, обнаружили, что апартаменты внутри, хотя и обставлены не с лучшим вкусом, по затратам, казалось, соответствовали внешнему виду.

Рабочие, занятые отделкой этих помещений, сообщили нам, что этот дворец принадлежал табачнику во Франкфурте, где он до сих пор держал лавку и сколотил огромное состояние, производя и продавая нюхательный табак.

Рядом с главным зданием есть еще одно большое здание, предназначенное для рабочего дома, в котором будет производиться табак, со многими помещениями для рабочих и сводчатыми подвалами, в которых различные сорта нюхательного табака будут храниться во влажном состоянии до отправки на внутреннюю продажу во Франкфурт или отправки по Мэну на зарубежные рынки.

Владелец сообщил нам, что в обоих зданиях было ровно триста комнат, и большее их количество принадлежало жилому дому. Мы не хотели озадачивать этого человека сложными вопросами и поэтому воздержались от расспросов, как он намеревался использовать такое поразительное количество комнат, которые казались скорее казармами для двух или трех тысяч солдат, чем для каких-либо других целей.

По возвращении в город нам сообщили, что этот человек, который не является уроженцем Франкфурта, хотя он много лет обосновался там, обратился к магистратам с просьбой разрешить ему приобрести определенный участок земли, на котором он предложил построить жилой дом и т.д. Что не может быть сделано никем, кроме граждан, без согласия совета. Получив отказ, он купил небольшой участок земли на территории Менца, непосредственно за территорией Франкфурта, и на берегу Мэна; и, будучи крайне уязвленным отказом, который он получил от магистратов, он возвел здание гораздо большего размера, чем было необходимо, или чем он первоначально намеревался, в полной уверенности, что раскаяние магистратов будет пропорционально размеру этого здания.

Табачник уже потратил пятьдесят тысяч фунтов на этот храм возмездия, и его гнев против магистратов, похоже, все еще не утих, поскольку он по-прежнему расточает свои деньги, питая злобу к этим несчастным людям, что очень недостойно христианина. Жители Франкфурта, хотя

и признают неблагоразумие магистратов, не приветствуют мудрость своего противника, в голове которого, как они утверждают, должно быть несколько квартир, таких же пустых, как и все остальные в огромном здании, которое он строит.

На другой день мы с его светлостью отправились верхом в Берген, маленькую деревушку, получившую известность благодаря покушению, предпринятому там принцем Фердинандом против французской армии в 1759 году.

Нас сопровождали господа . де Лессенер, два джентльмена, ныне уволенные со службы и живущие во Франкфурте, которые участвовали в боевых действиях: один был капитаном ганноверской армии, другой в том же звании - французской.

Зимой того памятного года, как вы, возможно, помните, французы, руководствуясь скорее политикой, чем справедливостью, захватили этот нейтральный город и разместили здесь свою штаб-квартиру. Это давало им большие преимущества, поскольку обеспечивало им протекание Мэна и Верхнего Рейна, по которым они получали припасы из Страсбурга и всех промежуточных городов.

Принц Фердинанд, задумав выбить их из этого выгодного положения до того, как они смогут получить подкрепление, внезапно собрал свою армию, которая была расквартирована около Мюнстера, и после трех дней форсированного марша оказался в поле зрения французской армии, которой в то время командовал герцог де Брольо, который, узнав о плане принца, принял очень разумное решение.

Утром 13 апреля принц начал атаку на правое крыло французской армии, которое занимало деревню Берген.— Это повторялось с большой живостью трижды по несколько раз. Принц Изембургский и около 1500 союзников пали в бою, который затянулся до вечера; затем принц Фердинанд, решив отвести свои войска, принял такое решение, которое убедило противника в том, что он намеревается начать генеральную атаку на следующее утро — и таким образом он завершил свое отступление ночью, не подвергаясь преследованиям со стороны французов.

Я слышал, как офицеры с большими заслугами утверждали, что ничто не могло быть спланировано и выполнено более разумно, чем это предприятие; однако это единственное важное предприятие, в котором этот великий полководец потерпел неудачу за всю войну.

Из-за этого несчастья армия союзников столкнулась с большими трудностями, а продвижение французов при продолжающемся отступлении союзников вызвало такую тревогу в ганноверском курфюршестве, что многие люди отправили свои самые ценные вещи в Штаде, откуда их можно было переправить в Англию. Дела союзников вскоре после этого были восстановлены благодаря решающей победе при Миндене, которая подняла воинский характер принца Фердинанда выше, чем когда—либо; хотя офицеры разведки, присутствовавшие при обоих сражениях, по-прежнему придерживаются мнения, что его таланты проявились в полной мере как при Бергене, где он был отброшен, так и на славном Минденском поле, благодаря которому Ганновер и Брауншвейг были сохранены, а французам пришлось оставить почти всю Вестфалию.

ПИСЬМО XLIX.

Франкфурт.

Несколько дней назад я вернулся из Дармштадта, сопровождая герцога X. во время визита, который он нанес этому двору.

Поскольку правящего принца Гессен-Дармштадтского там не было, нам было приказано нанести наш первый визит принцессе Максимилиане, его тете.—В тот же вечер она пригласила нас поиграть в карты и поужинать с ней.—За столом было около десяти человек.—Принцесса была веселой, приветливой и разговорчивой. Д- признался, что никогда в жизни не проводил так приятно вечер со старой женщиной.

На следующее утро мы отправились на парад, который является объектом большого внимания в этом месте. Принц питает величайшую страсть к военным маневрам и эволюциям.—Муштра и упражнения для солдат - его главное развлечение и почти единственное занятие. Чтобы он мог наслаждаться этим в любую погоду и в любое время года, он построил помещение, достаточно вместительное, чтобы вместить 1500 человек, которые могли выполнять свои упражнения в нем все вместе.

В этой комнате установлено шестнадцать печей, с помощью которых можно поддерживать температуру точно такую, какая соответствует телосложению его Высочества. В то утро, когда мы присутствовали, там была только обычная охрана, состоящая из трехсот человек, которые, выполнив свои упражнения и промаршировав в течение часа взад и вперед по этому просторному гимнастическому залу, были разделены на группы и отправлены на свои соответствующие посты.

Дармштадтские солдаты высоки ростом, сносно одеты и, главное, замечательно напудрены. Они выполняют свои маневры с той ловкостью, которую можно ожидать от людей, постоянно занятых одним и тем же делом, под присмотром своего принца, который является замечательным судьей и суровым критиком в этой части военного искусства.

Вокруг этого города нет регулярных укреплений; но очень высокая каменная стена, которая не предназначена для предотвращения проникновения врага, никоим образом не подходит для такой цели; а предназначена только для того, чтобы помешать гарнизону дезертировать, к чему он чрезвычайно склонен; эти бедняги не получают удовольствия от воинских забав, составляющих высшую радость их государя.

Центинели расставлены на небольшом расстоянии по всей стене, и им приходится быть чрезвычайно бдительными. Один солдат передает слова *все хорошо* по-немецки своему соседу справа, который немедленно передает то же самое стоящему за ним сотнику, и так продолжается до тех пор, пока первый солдат не получит слова слева, которые он передает справа, как и раньше, и таким образом призыв циркулирует без перерыва в течение всей ночи.

Все остальные обязанности гарнизона выполняются с такой же точностью, и любое пренебрежение наказывается так же сурово, как если бы у ворот стоял враг.

Мужчины редко проводят в постели больше двух ночей из трех. Это, учитывая внимание, необходимое для поддержания их одежды и снаряжения в чистоте, очень тяжелая обязанность, особенно в настоящее время, когда мороз необычайно сильный, а земля покрыта снегом.

Как раз сейчас в Дармштадте находится небольшой отряд кавалерии. Они одеты в коричневые мундиры и великолепно экипированы.— Это конная гвардия принца.— Как бы их ни было мало, я никогда в жизни не видел вместе столько мужчин такого роста, ни один из них не был ниже шести английских футов трех дюймов, а некоторые из них значительно выше этого огромного роста.

Принц Гессен-Дармштадтский раньше держал большее количество войск: в настоящее время вся его армия не превышает пяти тысяч человек. Но поскольку поведение принцев, каким бы разумным оно ни было, редко остается без цензуры, есть люди, которые обвиняют его в том, что он развлекает даже такое количество людей. Они заявляют, что финансы этого принца, находясь в очень большом беспорядке, не могут содержать это учреждение; которое, хотя и небольшое, может считаться высоким, учитывая масштабы его владений. Они настаивают также на потерях, которые должны понести сельское хозяйство и мануфактуры из-за того, что самые стойкие люди отрываются от этих необходимых занятий и их силы истощаются в бесполезном параде. Ибо эти строгие цензоры имеют право с уверенностью утверждать, что армия в пять тысяч человек, хотя и обременительна для страны, недостаточна для ее защиты; что эта численность слишком велика для развлечения и бесконечно мала для какого-либо использования.

В тот же день мы обедали с принцессой Максимилиан, а во второй половине дня были представлены семье принца Джорджа. Он брат правящего принца. Случилось так, что он почувствовал недомогание, но его принцесса приняла письмо с величайшей вежливостью.

Их двое младших сыновей и три дочери были за ужином. Первые еще очень молоды; вторые хорошо выглядят, замечательно образованны и делают большую честь тому огромному труду, который их мать вложила в их образование.

На следующее утро барон Ридесаль пригласил нас позавтракать в его уютном загородном доме недалеко от Дармштадта. Его жена поехала с ним в экипаже особой конструкции. Барон сидел на низком сиденье рядом с лошадьми и правил; Д - на более высоком месте позади него. Каждый из них рассчитан только на одного человека, но позади всех стояло деревянное сиденье в форме маленькой лошадки, на котором восседали двое слуг. Обычные почтовые кареты в этой стране с легкостью вмещают шесть человек; и люди даже первого ранга обычно везут с собой в карете двух или трех слуг. С точки зрения экономии эти экипажи хорошо себе представляют, а в морозное время не доставляют неудобств, поскольку здесь путешественники особенно заботятся о том, чтобы защититься от холода плащами, подбитыми мехом. Но когда идет сильный дождь, по крайней мере двое из компании должны промокнуть насквозь, потому что немецкие фаэтоны никогда не бывают полностью открыты сверху.

Я поехал с графом Кулембергом в его карете. Мы очень приятно провели утро в этом доме, который, по-видимому, удачно расположен; но в его теперешнем белоснежном наряде о естественном цвете лица сельской жительницы можно судить не лучше, чем об актрисе, заново накрашенной для сцены.

Мы обедали с принцем Джорджем, который уже достаточно оправился, чтобы сидеть за столом. Он красивый мужчина, похожий на солдата, и обладает всей непринужденностью и открытостью военного характера.

Его второй сын, отсутствовавший несколько недель, появился, когда мы сидели за столом. Это приятный молодой человек, около восемнадцати лет. Было приятно наблюдать, какое удовлетворение отразилось на лицах отца, матери и всей семьи, составлявшей группу, достойную карандаша Греза.

Не подозревайте, что я отношусь с предубеждением к этой семье только потому, что они принадлежат принцу. Видимость семейного счастья всегда приятна, находим ли мы его во дворце или в коттедже; и те же признаки хорошего настроения, хотя они и не удивили бы меня так сильно, в равной степени порадовали бы меня в семье крестьянина.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

Примечание переписчика: Очевидные опечатки были изменены, но в остальном оригинальная (и устаревшая) орфография сохранена как на английском, так и на французском языках.
